

А. БОГДАНОВЪ.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА.

РОМАНЪ—УТОПІЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

Посвящается

моему сотруднику.

Докторъ Вернеръ—

литератору Мирскому.

Дорогой товарищъ, посылаю Вамъ записки Леониды. Онъ желалъ издать ихъ,—Вы лучше меня сумеете устроить это. Самъ онъ скрылся. Я бросаю лютебницу и иду отыскивать его. Думая найти его въ Торномъ районѣ, иду сейчасъ начинаются серьезные событія. Повидимому, цѣль бѣгства—попытка косвеннаго самоубійства. Это—результатъ все той же душевной болѣзни. А, между тѣмъ, онъ былъ такъ близокъ къ полному выздоровленію...

Какъ только что-нибудь узнаю, сообщу Вамъ.

Братскій привѣтъ.

Вашъ **Н. Вернеръ.**

24 іюля 19...

(— неразборчиво).

РУКОПИСЬ ЛЕОНИДА.

ЧАСТЬ I.

I. Разрывъ.

Это было тогда, когда только начиналась та великая ломка въ нашей странѣ, которая идетъ еще до сихъ поръ, и, я думаю, близится теперь къ своему неизбежному, грозному концу.

Ея первые, кровавые дни такъ глубоко потрясли общественное сознание, что всѣ ожидали скорого и свѣтлаго исхода борьбы: казалось, что худшее уже совершилось, что ничего еще худшаго не можетъ быть. Никто не представлялъ себѣ, до какой степени цѣпки костлявыя руки мертвеца, который давилъ—и еще продолжаетъ давить—живого въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ.

Боевое возбужденіе стремительно разливалось въ массахъ. Души людей беззавѣтно раскрывались навстрѣчу будущему; настоящее расплывалось въ розовомъ туманѣ, прошлое уходило куда-то въ даль, исчезая изъ глазъ. Всѣ человѣческія отношенія стали неустойчивы и непрочны, какъ никогда раньше.

Въ эти дни произошло то, что перевернуло мою жизнь и вырвало меня изъ потока народной борьбы.

Я былъ, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, однимъ изъ «старыхъ» работниковъ партіи. За мною числилось шесть лѣтъ работы, съ перерывомъ всего на годъ тюрьмы. Я раньше, чѣмъ многіе другіе, почувствовалъ приближеніе бури и спокойнѣе, чѣмъ они, ее встрѣтилъ. Работать приходилось гораздо больше прежняго; но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не бросалъ ни своихъ научныхъ занятій—меня особенно интересовалъ вопросъ о строеніи матеріи,—ни литературныхъ: я писалъ въ дѣтскихъ журналахъ, и это

давало мнѣ средства къ жизни. Въ то же время я любилъ... или мнѣ казалось, что любилъ.

Ея партійное имя было Анна Николаевна.

Она принадлежала къ другому, болѣе умѣренному теченію нашей партіи. Я объяснялъ это мягкостью ея натуры и общей путаницей политическихъ отношеній въ нашей странѣ; несмотря на то, что она была старше меня, я считалъ ее еще не вполне опредѣлившимся человекомъ. Въ этомъ я ошибался.

Очень скоро послѣ того, какъ мы сошлись съ нею, различіе нашихъ натуръ стало сказываться все замѣтнѣе и все болѣзненнѣе для насъ обоихъ. Постепенно оно приняло форму глубокаго идейнаго разногласія—въ пониманіи нашего отношенія къ революціонной работѣ и въ пониманіи смысла нашей собственной связи.

Она шла въ революцію подѣ знаменемъ долга и жертвы, я—подѣ знаменемъ моего свободнаго желанія. Къ великому движенію пролетаріата она примыкала, какъ моралистка, находящая удовлетвореніе въ его высшей нравственности, я—какъ аморалистъ, который просто любитъ жизнь, хочетъ ея высшаго расцвѣта и потому вступаетъ въ то ея теченіе, которое воплощаетъ главный путь исторіи къ этому расцвѣту. Для Анны Николаевны пролетарская этика была священна сама по себѣ; я же считалъ, что это—полезное приспособленіе, необходимое рабочему классу въ его борьбѣ, но преходящее, какъ сама эта борьба и порождающій ее строй жизни. По мнѣнію Анны Николаевны, въ социалистическомъ обществѣ можно было предвидѣть только преобразованіе классовой морали пролетаріата въ общечеловѣческую; я же находилъ, что пролетаріатъ уже теперь идетъ къ уничтоженію всякой морали и что социальное чувство, дѣлающее людей товарищами въ трудѣ и радости и страданіи, разовьется вполне свободно только тогда, когда сбросить фетишистскую оболочку нравственности. Изъ этихъ разногласій рождались нерѣдко противорѣчія въ оцѣнкѣ политическихъ и социальныхъ фактовъ, противорѣчія, которыя примирить было, очевидно, нельзя.

Еще острѣе мы разошлись во взглядахъ на наши собственные отношенія. Она считала, что любовь обязываетъ къ уступкамъ, къ жертвамъ и, главное, къ вѣрности, пока бракъ продолжается. Я на дѣлѣ вовсе не собирался вступать въ новыя связи, но не могъ и признать обязательства вѣрности, именно какъ обязательства. Я даже полагалъ, что многобрачіе принципиально выше единобрачія, такъ какъ оно способно

дать людямъ и большее богатство личной жизни и большее разнообразіе сочетаній въ сферѣ наслѣдственности. На мой взглядъ, только противорѣчія буржуазнаго строя дѣлаютъ въ наше время многообразіе частью просто неосуществимымъ, частью привилегіей эксплуататоровъ и паразитовъ, все грязнящихъ своей разлагающейся психологіей; будущее и здѣсь должно принести глубокое преобразование. Анну Николаевну такіа воззрѣнія жестоко возмущали: оно видѣла въ нихъ попытку облечь въ идейную форму грубо чувственное отношеніе къ жизни.

И все же я не предвидѣлъ и не предполагалъ неизбежности разрыва,—когда въ нашу жизнь проникло постороннее вліяніе, которое ускорило развязку.

Около этого времени въ столицу пріѣхалъ молодой человѣкъ, носившій необычное у насъ конспиративное имя Мэнни. Онъ привезъ съ Юга нѣкоторые сообщенія и порученія, по которымъ можно было видѣть, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ товарищей. Выполнивши свое дѣло, онъ еще на нѣкоторое время рѣшилъ остаться въ столицѣ и сталъ нерѣдко заходить къ намъ, обнаруживая явную склонность ближе сойтись со мною.

Это былъ человѣкъ оригинальный во многомъ, начиная съ наружности. Его глаза были настолько замаскированы очень темными очками, что я не зналъ даже ихъ цвѣта; его голова была нѣсколько непропорціонально велика; черты его лица, красивыя, но удивительно неподвижныя и безжизненныя, совершенно не гармонировали съ его мягкимъ и выразительнымъ голосомъ такъ же, какъ и съ его стройной, юношески-гибкой фигурой. Его рѣчь была свободной и плавной и всегда полной содержанія. Его научное образованіе было очень односторонне; по специальности онъ былъ, повидимому, инженеръ.

Въ бесѣдѣ Мэнни имѣлъ склонность постоянно сводить частныя и практическія вопросы къ общимъ идейнымъ основаніямъ. Когда онъ бывалъ у насъ, выходило всегда какъ-то такъ, что противорѣчія натуръ и взглядовъ у меня съ женой очень скоро выступали на первый планъ настолько отчетливо и ярко, что мы начинали мучительно чувствовать ихъ безысходность. Мировоззрѣніе Мэнни было, повидимому, сходно съ моимъ; онъ всегда высказывался очень мягко и осторожно по формѣ, но столь же рѣзко и глубоко по существу. Наши политическія разногласія съ Анной Николаевной онъ умѣлъ такъ искусно связывать съ основнымъ различіемъ нашихъ мировоззрѣній, что эти разногласія казались психологически неизбежными, почти логическими выводами изъ нихъ, и исчезала

всякая надежда повліять другъ на друга, сгладить противорѣчія и прійти къ чему-нибудь общему. Анна Николаевна питала къ Мэнни нѣчто въ родѣ ненависти, соединенной съ живымъ интересомъ. Мнѣ онъ внушалъ большое уваженіе и смутное недовѣріе: я чувствовалъ, что онъ идетъ къ какой-то цѣли, но не могъ понять, къ какой.

Въ одинъ изъ январскихъ дней—это было уже въ концѣ января—предстояло обсужденіе въ руководящихъ группахъ обоихъ теченій партіи проекта массовой демонстраціи, съ вѣроятнымъ исходомъ въ вооруженное столкновеніе. Наканунѣ вечеромъ пришелъ къ намъ Мэнни и поднялъ вопросъ объ участіи въ этой демонстраціи, если она будетъ рѣшена, самихъ партійныхъ руководителей. Завязался споръ, который быстро принялъ жгучій характеръ.

Анна Николаевна заявила, что всякій, кто подаетъ голосъ за демонстрацію, нравственно обязанъ итти въ первыхъ рядахъ. Я находилъ, что это вообще вовсе не обязательно, а итти слѣдуетъ тому, кто тамъ необходимъ или кто можетъ быть серьезно полезенъ, при чемъ имѣлъ въ виду именно себя, какъ человѣка съ нѣкоторымъ опытомъ въ подобныхъ дѣлахъ. Мэнни пошелъ дальше и утверждалъ, что, въ виду, очевидно, неизбежнаго столкновенія съ войсками, на полѣ дѣйствія должны находиться уличные агитаторы и боевые организаторы, политическимъ же руководителямъ тамъ совсѣмъ не мѣсто, а люди физически слабые и нервные могутъ быть даже очень вредны. Анна Николаевна была прямо оскорблена этими разсужденіями, которыя ей казались направленными спеціально противъ нея. Она оборвала разговоръ и ушла въ свою комнату. Скоро ушелъ и Мэнни.

На другой день мнѣ пришлось встать рано утромъ и уйти, не повидавшись съ Анной Николаевной, а вернуться уже вечеромъ. Демонстрація была отклонена и въ нашемъ комитетѣ и, какъ я узналъ, въ руководящемъ коллективѣ другого теченія. Я былъ этимъ доволенъ, потому что зналъ, насколько недостаточна подготовка для вооруженнаго конфликта, и считалъ такое выступленіе безплодной растратой силъ. Мнѣ казалось, что это рѣшеніе нѣсколько ослабитъ остроту раздраженія Анны Николаевны изъ-за вчерашняго разговора... На столѣ у себя я написалъ записку отъ Анны Николаевны:

«Я уѣзжаю. Чѣмъ больше я понимаю себя и васъ, тѣмъ болѣе для меня становится ясно, что мы идемъ разными путями, и что мы оба ошиблись. Лучше намъ больше не встрѣчаться. Простите».

Я долго бродилъ по улицамъ, утомленный, съ чувствомъ пустоты въ головѣ и холода въ сердцѣ. Когда я вернулся домой, то засталъ тамъ неожиданнаго гостя: у моего стола сидѣлъ Мэнни и писалъ записку.

II. Приглашеніе.

— Мнѣ надо переговорить съ вами по одному очень серьезному и нѣсколько странному дѣлу,—сказалъ Мэнни.

Мнѣ было все равно; я сѣлъ и приготовился слушать.

— Я читалъ вашу брошюру объ электронахъ и матеріи,—началъ онъ.—Я самъ нѣсколько лѣтъ изучалъ этотъ вопросъ и полагаю, что въ вашей брошюрѣ много вѣрныхъ мыслей.

Я молча поклонился. Онъ продолжалъ.

— Въ этой работѣ у васъ есть одно особенно интересное для меня замѣчаніе. Вы высказали тамъ предположеніе, что электрическая теорія матеріи, необходимо представляя силу тяготѣнія въ видѣ какого-то производнаго отъ электрическихъ силъ притяженія и отталкиванія, должна привести къ открытію тяготѣнія съ другимъ знакомъ, т.-е. къ полученію такого типа матеріи, который отталкивается, а не притягивается землей, солнцемъ и другими знакомыми намъ тѣлами; вы указывали для сравненія на діаманитное отталкиванье тѣлъ и на отталкиванье параллельныхъ токовъ разнаго направленія. Все это сказано мимоходомъ, но я думаю, что сами вы придавали этому больше значенія, чѣмъ хотѣли обнаружить.

— Вы правы,—отвѣтилъ я,—и я думаю, что именно на такомъ пути человечество рѣшить какъ задачу вполнѣ свободного воздушнаго передвиженія, такъ затѣмъ и задачу сообщенія между планетами. Но вѣрна ли сама по себѣ эта идея или нѣтъ, она совершенно безплодна до тѣхъ поръ, пока нѣтъ точной теоріи матеріи и тяготѣнія. Если другой типъ матеріи и существуетъ, то просто найти его, очевидно, нельзя: силою отталкиванья онъ давно уже устраненъ изъ всей солнечной системы, а еще вѣрнѣе—онъ не вошелъ въ ея составъ, когда она начинала организоваться въ видѣ туманности. Значить, этотъ типъ матеріи надо еще теоретически конструировать и затѣмъ практически воспроизвести. Теперь же для этого нѣтъ данныхъ и можно, въ сущности, только предчувствовать самую задачу.

— И, тѣмъ не менѣе, эта задача уже разрѣшена,—сказалъ Мэнни.

Я взглянул на него съ изумленіемъ. Лицо его было все такъ же неподвижно; но въ его тонѣ было что-то такое, что не позволяло считать его за шарлатана.

«Можетъ быть, душевно-больной»,—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Мнѣ нѣтъ надобности обманывать васъ, и я хорошо знаю, что говорю,—отвѣчалъ онъ на мою мысль.—Выслушайте меня терпѣливо, а затѣмъ, если надо, я представлю доказательства.—И онъ разсказалъ слѣдующее:

— Великое открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, не было совершено силами отдѣльной личности. Оно принадлежитъ цѣлому научному обществу, существующему довольно давно и долго работавшему въ этомъ направленіи. Общество это было до сихъ поръ тайнымъ, и я не уполномоченъ знакомить васъ ближе съ его происхожденіемъ и исторіей, пока намъ не удастся столковаться въ главномъ.

— Общество наше значительно опередило академическій міръ во многихъ важныхъ вопросахъ науки. Радирующіе элементы и ихъ распаденіе были извѣстны намъ гораздо раньше Кюри и Рамсая, и нашимъ товарищамъ удалось гораздо дальше и глубже провести анализъ строенія матеріи. На этомъ пути была предусмотрѣна возможность существованія элементовъ, отталкиваемыхъ земными тѣлами, а затѣмъ выполненъ и синтезъ этой «минусъ-матеріи», какъ мы ее кратко обозначаемъ.

— Послѣ этого было уже не трудно разработать и осуществить техническія примѣненія этого открытія—сначала летательные аппараты для передвиженія въ земной атмосферѣ, а потомъ и для сообщенія съ другими планетами.

Несмотря на спокойно-убѣдительный тонъ Мэнни, его разсказъ казался мнѣ слишкомъ страннымъ и неправдоподобнымъ.

— И вы сумѣли все это выполнить и сохранить въ тайнѣ?—замѣтилъ я, прерывая его рѣчь.

— Да, потому что мы считали это въ высшей степени важнымъ. Мы находили, что было бы очень опасно опубликовать наши научныя открытія, пока въ большинствѣ странъ остаются реакціонныя правительства. И вы, русскій революціонеръ, болѣе чѣмъ кто-либо должны съ нами согласиться. Посмотрите, какъ ваше азіатское государство пользуется европейскими способами сообщенія и средствами истребленія, чтобы подавлять и искоренять все, что есть у васъ живого и прогрессивнаго. Многимъ ли лучше правительство той полу-феодальной, полу-кон-

ституціонной страны, тронъ которой занимаетъ воинственно-болтливый глупецъ, управляемый знатными мошенниками? И чего стоятъ даже двѣ мѣщанскія республики Европы? А, между тѣмъ, ясно, что если бы наши летательныя машины стали извѣстны, то правительства прежде всего позаботились бы захватить ихъ въ свою монополію и использовать для усиленія власти и могущества высшихъ классовъ. Этого мы рѣшительно не желаемъ и потому оставляемъ монополію за собой, выжидая болѣе подходящихъ условий.

— И вамъ въ самомъ дѣлѣ уже удалось достигнуть другихъ планетъ?—спросилъ я.

— Да, двухъ ближайшихъ, теллурическихъ планетъ, Венеры и Марса, не считая, конечно, мертвой Луны. Именно теперь мы заняты ихъ подробнымъ изслѣдованіемъ. У насъ есть всѣ необходимыя средства, намъ нужны люди, сильные и надежные. По полномочію отъ моихъ товарищей, я предлагаю вамъ вступить въ наши ряды,—разумѣется, со всѣми вытекающими изъ этого правами и обязательствами.

Онъ остановился, ожидая отвѣта. Я не зналъ, что думать.

— Доказательства!—сказалъ я,—вы обѣщали представить доказательства.

Мэнни вынулъ изъ кармана стеклянный флаконъ съ какой-то металлической жидкостью, которую я принялъ за ртуть. Но страннымъ образомъ эта жидкость, наполнявшая не большіе трети флакона, находилась не на днѣ его, а въ верхней части, около горлышка, и въ горлышкѣ до самой пробки. Мэнни перевернулъ флаконъ, и жидкость перелилась ко дну, т.-е. прямо вверхъ. Мэнни выпустилъ склянку изъ рукъ, и она повисла въ воздухѣ. Это было невѣроятно, но несомнѣнно и очевидно.

— Флаконъ этотъ изъ обыкновеннаго стекла,—пояснилъ Мэнни,—а налита въ него жидкость, которая отталкивается тѣлами солнечной системы. Жидкости налито ровно столько, чтобы уравновѣсить тяжесть флакона; такимъ образомъ то и другое вмѣстѣ не имѣетъ вѣса. По этому способу мы устраиваемъ и всѣ летательныя аппараты: они дѣлаются изъ обыкновенныхъ матеріаловъ, но заключаютъ въ себѣ резервуаръ, наполненный достаточнымъ количествомъ «матеріи отрицательнаго типа». Затѣмъ, остается дать всей этой невѣсомой системѣ надлежащую скорость движенія. Для земныхъ летательныхъ машинъ примѣняются простые электрическіе двигатели съ воздушнымъ винтомъ; для междупланетнаго передвиженія этотъ способъ, конечно, негоденъ, и тутъ мы пользуемся

совершенно инымъ методомъ, съ которымъ впоследствии я могу познакомиться вась ближе.

Сомнѣваться больше не приходилось.

— Какія же ограниченія налагаетъ ваше общество на вступающихъ въ него, кромѣ, разумѣется, обязательной тайны?

— Да вообще-то почти никакихъ. Ни личная жизнь, ни общественная дѣятельность товарищей ничѣмъ не стѣснены, лишь бы не вредили дѣятельности общества въ цѣломъ. Но каждый долженъ при самомъ своемъ вступленіи исполнить какое-либо важное и ответственное порученіе общества. Этимъ способомъ, съ одной стороны, укрѣпляется его связь съ обществомъ, съ другой—выясняется на дѣлѣ уровень, его способностей и энергій.

— Значить, и мнѣ будетъ теперь же предложено такое порученіе?

— Да.

— Какое именно?

— Вы должны принять участіе въ отправляющейся завтра экспедиціи большого этеронефа на планету Марсъ.

— Насколько продолжительна будетъ экспедиція?

— Это неизвѣстно. Одна дорога туда и обратно требуетъ не менѣе 5 мѣсяцевъ. Можно и совсѣмъ не вернуться.

— Это-то я понимаю; не въ томъ дѣло. Но какъ мнѣ быть съ моей революціонной работой? Вы сами, повидимому, социаль-демократъ и поймете мое затрудненіе.

— Выбирайте. Мы считаемъ перерывъ въ работѣ необходимымъ для завершенія вашей подготовки. Порученіе не можетъ быть отложено. Отказъ отъ него есть отказъ отъ всего.

Я задумался. Съ выступленіемъ на сцену широкихъ массъ устраненіе того или другого работника—фактъ совершенно ничтожный по своему значенію для дѣла въ его цѣломъ. Къ тому же, это устраненіе временное, и, вернувшись къ работѣ, я буду гораздо болѣе полезенъ ей со своими новыми связями, знаніями и средствами. Я рѣшился.

— Когда же я долженъ отправляться?

— Сейчасъ, со мною.

— Вы дадите мнѣ два часа, чтобы извѣстить товарищей? Меня надо завтра же замѣнить въ районѣ.

— Это почти сдѣлано. Сегодня пріѣхалъ Андрей, бѣжавшій съ Юга. Я предупредилъ его, что вы можете ухватъ, и онъ готовъ занять ваше

мѣсто. Дожидаясь васъ, я написалъ ему на случай письмо съ подробными указаніями. Мы можемъ завести ему это письмо по дорогѣ.

Больше толковать было не о чемъ. Я быстро уничтожилъ лишнія бумаги, написалъ записку своей хозяйкѣ и сталъ одѣваться. Мэнни былъ уже готовъ.

— Итакъ, идемъ. Съ этой минуты я—вашъ плѣнникъ.

— Вы мой товарищъ!—отвѣчалъ Мэнни.

III. Ночь.

Квартира Мэнни занимала весь пятый этажъ большого дома, обособленно возвышавшагося среди маленькихъ домиковъ одной изъ окраинъ столицы. Насъ никто не встрѣчалъ. Въ комнатахъ, по которымъ мы шли, было пусто, и при яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ пустота эта казалась особенно мрачной и неестественной. Въ третьей комнатѣ Мэнни остановился.

— Вотъ здѣсь,—онъ указалъ на дверь четвертой комнаты,—находится воздушная лодочка, въ которой мы сейчасъ поѣдемъ къ большому этеронефу. Но раньше я долженъ подвергнуться маленькому превращенію. Въ этой маскѣ мнѣ трудно было бы управлять гондолой.

Онъ разстегнулъ воротничекъ и снялъ съ себя вмѣстѣ съ очками ту удивительно сдѣланную маску, которую я, какъ и всѣ другіе, принималъ до этого момента за его лицо. Я былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ при этомъ. Его глаза были чудовищно громадны, какими никогда не бываютъ человѣческіе глаза. Ихъ зрачки были расширены даже по сравненію съ этой неестественной величиной самихъ глазъ, что дѣлало ихъ выраженіе почти страшнымъ. Верхняя часть лица и головы была настолько широка, насколько это было неизбежно для помѣщенія такихъ глазъ; напротивъ, нижняя часть лица, безъ всякихъ признаковъ бороды и усовъ, была сравнительно мала. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе крайней оригинальности, пожалуй уродства, но не карикатуры.

— Вы видите, какой наружностью надѣлила меня природа,—сказалъ Мэнни.—Вы понимаете, что я долженъ скрывать ее, хотя бы ради того, чтобы не пугать людей, не говоря уже о требованіяхъ конспираціи. Но вамъ ужъ придется привыкать къ моему безобразію, вы по необходимости будете проводить много времени со мною.

Онъ отворилъ дверь слѣдующей комнаты и освѣтилъ ее. Это была обширная зала. Посрединѣ ея лежала небольшая, довольно широкая лодочка, сдѣланная изъ металла и стекла. Въ ея передней части и борта, и дно были стеклянные, со стальными переплетами; эта прозрачная стѣнка въ два сантиметра толщиною была, очевидно, очень прочна. Надъ носовыми бортами двѣ плоскихъ хрустальныхъ пластинки, соединенныхъ подъ острымъ угломъ, должны были разрѣзывать воздухъ и охранять пассажировъ отъ вѣтра при быстромъ движеніи. Машина занимала среднюю часть лодочки, винтъ съ тремя лопастями въ полъ-метра ширины находился въ кормовой части. Передняя половина лодочки вмѣстѣ съ машиной была прикрыта сверху тонкимъ пластинчатымъ навѣсомъ, прикрѣпленнымъ къ металлической оковкѣ стеклянныхъ бортовъ и къ легкимъ стальнымъ колонкамъ. Все вмѣстѣ было изящно, какъ игрушка.

Мэнни предложилъ мнѣ сѣсть на боковую скамеечку гондолы, погасилъ электрическій свѣтъ и раскрылъ огромное окно залы. Самъ онъ сѣлъ спереди возлѣ машины и выбросилъ нѣсколько мѣшковъ балласта, лежавшихъ на днѣ лодки. Затѣмъ онъ положилъ руку на рычагъ машины. Лодка заколебалась, медленно поднялась и тихо проскользнула въ открытое окно.

— Благодаря минусъ-матеріи, для нашихъ аэроплановъ не требуется ломкихъ и неуклюжихъ крыльевъ,—замѣтилъ Мэнни.

Я сидѣлъ, какъ прикованный, не рѣшаясь пошевелиться. Шумъ винта становился все слышнѣе, холодный зимній воздухъ врывался подъ навѣсъ, пріятно освѣжая мое горѣвшее лицо, но безсильный проникнуть подъ мое теплое платье. Надъ нами сверкали, переливаясь, тысячи звѣздъ, а внизу... Я видѣлъ черезъ прозрачное дно гондолы, какъ уменьшались черныя пятна домовъ и уходили въ даль яркія точки электрическихъ фонарей столицы, и снѣжныя равнины свѣтились далеко подъ нами тусклымъ синевато-бѣлымъ свѣтомъ. Головокруженіе, сначала легкое и почти пріятное, становилось все сильнѣе, и я закрылъ глаза, чтобы избавиться отъ него.

Воздухъ становился все рѣзче, шумъ винта и свистъ вѣтра все выше,—очевидно, быстрота движенія возрастала. Скоро среди этихъ звуковъ мое ухо стало различать тонкій, непрерывный и очень ровный серебристый звонъ,—это дрожала, разбивая воздухъ, стеклянная стѣнка гондолы. Странная музыка заполняла сознаніе, мысли путались и уходили, оставалось только чувство стихійно-легкаго и свободного

движенія, уносящаго куда-то впередъ и впередъ, въ безконечное пространство.

— Четыре километра въ минуту,—сказалъ Мэнни, и я открылъ глаза.

— Это еще далеко?—спросилъ я.

— Около часу пути, на льду одного озера.

Мы находились на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, и лодка летѣла горизонтально, не опускаясь и не поднимаясь. Мои глаза привыкали къ темнотѣ, и я видѣлъ все ясно. Мы вступали въ страну озеръ и гранитныхъ скалъ. Эти скалы чернѣли мѣстами, свободными отъ снѣга. Между ними кой-гдѣ тѣпились деревушки.

Надѣво позади насъ оставалось вдаль снѣжное поле замерзшаго залива, справа—бѣлыя равнины громаднаго озера. На этомъ безжизненномъ зимнемъ ландшафтѣ мнѣ предстояло порвать свои связи со старой землею. И вдругъ я почувствовалъ—не сомнѣніе, нѣтъ, настоящую увѣренность, что это—разрывъ навсегда...

Гондола медленно опустилась между скалами, въ небольшой бухтѣ горнаго озера, передъ темнымъ сооруженіемъ, возвышавшимся на снѣгу. Ни оконъ, ни дверей не было видно. Часть металлической оболочки сооруженія медленно сдвинулась въ сторону, открывая черное отверстіе, въ которое и выплыла наша лодка. Затѣмъ отверстіе снова закрылось, а пространство, гдѣ мы находились, освѣтилось электрическимъ свѣтомъ. Это была большая, удлинненная комната безъ мебели; на полу ея лежала масса мѣшковъ съ балластомъ.

Мэнни прикрѣпилъ гондолу къ специально предназначеннымъ для этого колескамъ и отворилъ одну изъ боковыхъ дверей. Она вела въ длинный полуосвѣщенный корридоръ. По сторонамъ его были расположены, повидимому, каюты. Мэнни привелъ меня въ одну изъ нихъ и сказалъ:

— Вотъ ваша каюта. Устраивайтесь сами, а я пойду въ машинное отдѣленіе. Увидимся завтра утромъ.

Я былъ радъ остаться одинъ. Сквозь все возбужденіе, вызванное странными событіями вечера, утомленіе давало себя знать, я не прикоснулся къ приготовленному для меня на столѣ ужину, и, погасивъ лампочку, легъ въ постель. Мысли нелѣпо перемѣщивались въ головѣ, переходя отъ предмета къ предмету самымъ неожиданнымъ образомъ. Я упорно заставлялъ себя заснуть, не это мнѣ долго не удавалось. Нако-

нецъ, сознаниѣ стало неяснымъ; смутные, неустойчивые образы начали толпиться передъ глазами, окружающее ушло куда-то далеко, и тяжелыя грезы овладѣли моимъ мозгомъ.

Цѣнь снова закончилась ужаснымъ кошмаромъ. Я стоялъ на краю громадной черной пропасти, на днѣ которой сіяли звѣзды, и Мэнни съ непреодолимой силой увлекалъ меня внизъ, говоря, что не стоитъ бояться силы тяжести, и что черезъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ паденія мы достигнемъ ближайшей звѣзды. Я застоналъ въ мучительной послѣдней борьбѣ и проснулся.

Нѣжный голубой свѣтъ наполнялъ мою комнату. Около меня сидѣлъ на постели и наклонился ко мнѣ... Мэнни? Да, онъ, но призрачно-страшный и какъ-будто другой: мнѣ казалось, что онъ сталъ гораздо меньше, и глаза его не такъ рѣзко выступали на лицѣ, у него было мягкое, доброе выраженіе, а не холодное и непреклонное, какъ только что на краю бездны...

— Какой вы хорошій...—произнесъ я, смутно сознавая эту перемену.

Онъ улыбнулся и положилъ руку мнѣ на лобъ. Это была маленькая мягкая рука. Я снова закрылъ глаза, и съ нелѣпой мыслью о томъ, что надо поцѣловать эту руку, забылся въ спокойномъ, блаженномъ снѣ.

IV. Объясненіе.

Когда я проснулся и освѣтилъ комнату, часы показывали десять. Окончивъ свой туалетъ, я нажалъ кнопку звонка, и черезъ минуту въ комнату вошелъ Мэнни.

— Мы скоро отправляемся?—спросилъ я.

— Черезъ часъ,—отвѣчалъ Мэнни.

— Вы заходили ко мнѣ сегодня ночью, или мнѣ только приснилось?

— Нѣтъ, это не было сонъ; но приходилъ не я, а нашъ молодой докторъ, Нэтти. Вы плохо и тревожно спали, онъ долженъ былъ усыпить васъ посредствомъ голубого свѣта и внушенія.

— Онъ вашъ братъ?

— Нѣтъ,—улыбаясь, сказалъ Мэнни

— Вы до сихъ поръ не сказали мнѣ, какой вы національности... Ваши остальные товарищи принадлежатъ къ тому же типу, какъ и вы?

— Да, отвѣчалъ Мэнни.

— Значить, вы меня обманули,—рѣзко заявилъ я;—это не научное общество, а нѣчто другое?

— Да,—спокойно сказалъ Мэнни.—Всѣ мы—жители другой планеты, представители другого человѣчества. Мы—марсіане.

— Зачѣмъ же вы меня обманули?

— А вы стали бы меня слушать, если бы я сразу сказалъ вамъ всю правду? У меня было слишкомъ мало времени, чтобы убѣдить васъ. Приходилось исказить истину ради правдоподобія. Безъ этой переходной ступени ваше сознание было бы чрезмерно потрясено. Въ главномъ же я сказалъ вамъ правду,—въ томъ, что касается предстоящаго путешествія.

— Значить, я все-таки вашъ плѣнникъ?

— Нѣтъ, вы и теперь свободны. У васъ еще часъ времени, чтобы рѣшить вопросъ. Если вы откажетесь за это время,—мы отвеземъ васъ обратно, а путешествіе отложимъ, потому что намъ однимъ теперь возвращаться нѣтъ смысла.

— Зачѣмъ же я вамъ нуженъ?

— Чтобы послужить живой связью между нашимъ и земнымъ человѣчествомъ, чтобы ознакомишься съ нашимъ строемъ жизни и ближе ознакомить марсіанъ съ земнымъ, чтобы быть—пока вы этого пожелаете—представителемъ своей планеты въ нашемъ мірѣ.

— Это уже вполне правда?

— Да, вполне, если вы окажетесь въ силахъ выполнить эту роль.

— Въ такомъ случаѣ, надо попытаться. Я остаюсь съ вами.

— Это ваше окончательное рѣшеніе?—спросилъ Мэнни.

— Да, если и послѣднее ваше объясненіе не представляетъ какой-нибудь... переходной ступени.

— Итакъ, мы ѣдемъ,—сказалъ Мэнни, оставляя безъ вниманія мою болтовню.—Сейчасъ я пойду сдѣлать послѣднія указанія машинисту, а потомъ вернусь къ вамъ, и мы пойдемъ вмѣстѣ наблюдать отплатіе атеронефа.

Онъ ушелъ, а я предался размышленіямъ. Наше объясненіе, въ сущности, не было вполне закончено. Оставался еще одинъ вопросъ, и довольно серьезный; но я не рѣшился предложить его Мэнни. Сознательно ли содѣйствовалъ онъ моему разрыву съ Анной Николаевной? Мнѣ казалось, что да. Вѣроятно, онъ видѣлъ въ ней препятствіе для своей цѣли. Можетъ быть, онъ былъ правъ. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ только ускорить

этот разрывъ, а не создать его. Конечно, и это было дерзкимъ вмешательствомъ въ мои личные дѣла. Но теперь я уже былъ связанъ съ Мэнни и все равно долженъ былъ подавлять свою враждебность къ нему. Значитъ, пезачѣмъ было и трогать прошлое, лучше всего было и не думать объ этомъ вопросѣ.

Въ общемъ, новый оборотъ дѣла не слишкомъ меня перазилъ: сонъ подкрѣпилъ мои силы, а удивить меня чѣмъ-нибудь послѣ всего, пережитого наканунѣ, было уже довольно трудно. Надо было только выработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Задача состояла, очевидно, въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и полнѣе ориентироваться въ своей новой обстановкѣ. Самое лучшее было—начинать съ ближайшаго и переходить шагъ за шагомъ къ болѣе отдаленному. Ближайшимъ же являлось—этеропефъ, его обитатели и начинающееся путешествіе. Марсъ былъ еще далеко: самое меньшее на два мѣсяца разстоянія, какъ можно было заключить изъ вчерашнихъ словъ Мэнни.

Наружную форму этеропефа я успѣлъ замѣтить еще наканунѣ: это былъ почти шаръ со сглаженнымъ сегментомъ внизу, на манеръ поставленнаго колуμβова яйца,—форма, рассчитанная, конечно, на то, чтобы получался наибольшій объемъ при наименьшей поверхности, т.-е. наименьшей затратѣ матеріала и наименьшей площади охлажденія. Что касается матеріала, то преобладали, повидимому, алюминій и стекло. Внутреннее устройство мнѣ долженъ былъ показать и объяснить Мэнни, онъ же долженъ былъ познакомить меня со всѣми остальными «чудовищами», какъ я мысленно называлъ моихъ новыхъ товарищей.

Вернувшись, Мэнни повелъ меня къ остальнымъ марсіанамъ. Всѣ собрались въ боковой залъ съ громаднымъ хрустальнымъ окномъ въ половину стѣны. Настоящій солнечный свѣтъ былъ очень пріятенъ послѣ призрачнаго свѣта электрическихъ лампочекъ. Марсіанъ было человѣкъ двадцать, и всѣ были, какъ мнѣ тогда показалось, на одно лицо. Отсутствіе бороды, усовъ, а также и морщинъ на ихъ лицахъ почти сглаживало у нихъ даже разницу возраста. Я невольно слѣдилъ глазами за Мэнни, чтобы не потерять его среди этой чуждой мнѣ компаніи. Впрочемъ, я скоро сталъ различать между ними моего ночного посѣтителя, Нэтти, выделявшагося своей молодостью и живостью, а также широкоплечаго гиганта Стэрри, поражавшаго меня какимъ-то странно холоднымъ, почти зловѣщимъ выраженіемъ лица. Кромѣ самого Мэнни, одинъ Нэтти говорилъ со

мною по-русски, Стэрни и еще три-четыре чело́вѣка—по-французски, другіе по-английски и по-нѣмецки, между собою же они говорили на какомъ-то совершенно новомъ для меня—очевидно, своемъ родномъ языкѣ. Языкъ этотъ былъ звученъ и красивъ, и, какъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, не представлялъ, повидимому, никакихъ особенныхъ трудностей въ произношеніи.

V. Отплытіе.

Какъ ни интересны были «чудовища», но главное мое вниманіе было невольно устремлено къ приближающемуся торжественному моменту «отплытія». Я пристально смотрѣлъ на снѣжную поверхность, находившуюся передъ нами, и на отвѣсную гранитную стѣну, поднимавшуюся за нею. Я ожидалъ, что вотъ-вотъ почувствую рѣзкій толчокъ, и все это быстро замелькаетъ, удаляясь отъ насъ. Но ничего подобнаго я не дождался.

Безшумное, медленное, чуть замѣтное движеніе стало понемногу отдѣлять насъ отъ снѣжной площади. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ поднятіе было едва замѣтно.

— Ускореніе два сантиметра,—сказалъ Мэнни.

Я понялъ, что это значило. Въ первую секунду мы должны были пройти всего одинъ сантиметръ, во вторую 3, въ третью 5, въ четвертую 7 сант.; и скорость должна была все время измѣняться, непрерывно возрастая по закону арифметической прогрессіи. Черезъ минуту мы должны были достигнуть скорости идущаго чело́вѣка, черезъ 15 минутъ—курьерскаго поѣзда и т. д.

Мы двигались по закону паденія тѣлъ, по падали вверхъ и въ 500 разъ медленнѣе, чѣмъ обыкновенныя тяжелыя тѣла, падающія близъ поверхности земли.

Стеклянная пластинка окна начиналась отъ самаго пола и составляла съ нимъ тупой уголъ, сообразно направленію шаровой поверхности этеропефа, частью котораго она являлась. Благодаря этому мы могли, наклоняясь впередъ, видѣть и то, что было прямо подъ нами.

Земля все быстрѣе уходила изъ-подъ насъ, и горизонтъ расширялся. Уменьшились темныя пятна скалъ и деревушекъ, очертанія озеръ вырисовывались, какъ на планѣ. А небо стало все темнѣе; и въ то самое время, какъ синяя полоса незамерзшаго моря заняла всю западную сто-

рону горизонта—мои глаза уже стали различать наиболее яркія звѣзды при полуденномъ солнечномъ свѣтѣ.

Очень медленное вращательное движеніе этеронефа вокругъ его вертикальной оси позволило намъ видѣть все пространство вокругъ.

Намъ казалось, что горизонтъ поднимается вмѣстѣ съ нами, и земная площадь подъ нами представлялась громаднымъ вогнутымъ блюдечкомъ съ рельефными украшеніями. Ихъ контуры становились мельче, рельефъ все плоче, весь ландшафтъ принималъ все въ большей мѣрѣ характеръ географической карты, рѣзко вычерченной въ серединѣ, расплывчато и неясно къ ея краямъ, гдѣ все заволакивалось полупрозрачнымъ синеватымъ туманомъ. А небо сдѣлалось совсѣмъ чернымъ, и безчисленныя звѣзды, вплоть до самыхъ мелкихъ, сіяли на немъ спокойнымъ, не мерцающимъ свѣтомъ, не боясь яркаго солнца, лучи котораго стали жгучими до боли.

— Скажите, Мэнни, это ускореніе въ два сантиметра, съ которымъ мы сейчасъ движемся, будетъ продолжаться все время путешествія?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—только его направленіе будетъ около середины пути измѣнено на обратное и скорость будетъ тогда не увеличиваться, а уменьшаться каждую секунду на такую же величину. Такимъ образомъ, хотя наибольшая скорость этеронефа будетъ около 50 километровъ въ секунду, а средняя—около 25 километровъ, но къ моменту прибытія она стѣнетъ такъ же мала, какъ была въ самомъ началѣ пути, и мы безъ всякаго толчка и сотрясенія опустимся на поверхность Марса. Безъ этихъ огромныхъ переменныхъ скоростей мы бы не могли достигнуть ни Земли, ни Венеры, потому что даже ихъ ближайшія разстоянія—60 и 100 миллионъ километровъ—при скорости, напр., вашихъ поѣздовъ удался бы проѣхать только въ теченіе столѣтій, а не мѣсяцевъ, какъ это сдѣлаемъ мы съ вами. Что же касается способа «пушечнаго выстрѣла», о которомъ я читалъ въ вашихъ фантастическихъ романахъ, то это, конечно, прѣстая шутка, потому что по законамъ механики практически одно и то же—находиться ли внутри ядра во время выстрѣла, или получить ядро внутри.

— А какимъ путемъ вы достигаете такого равномернаго замедленія и ускоренія?

— Движущая сила этеронефа это—одно изъ радирующихъ веществъ, которое намъ удастся добывать въ большомъ количествѣ. Мы нашли способъ ускорять разложеніе его элементовъ въ сотни тысячъ разъ; это дѣлается въ нашихъ двигателяхъ при помощи довольно простыхъ электро-

химическихъ приёмовъ. Такимъ способомъ освобождается громадное количество энергій. Частицы распадающихся атомовъ разлетаются, какъ вамъ извѣстно, со скоростью, которая въ десятки тысячъ разъ превосходитъ скорость артиллерійскихъ снарядовъ. Когда эти частицы могутъ вылетать изъ этеронефа только по одному опредѣленному направленію, т.-е. по одному каналу съ непроницаемыми для нихъ стѣнками—тогда весь этеронефъ движется въ противоположную сторону, какъ это бываетъ при отдачѣ ружья или откатѣ орудія. По извѣстному вамъ закону живыхъ силъ вы легко можете разсчитать, что незначительной части миллиграмма такихъ частицъ въ секунду вполне достаточно, чтобы дать нашему этеронефу его равномерное-ускоренное движеніе.

Во время нашего разговора всѣ марсіане исчезли изъ зала. Мэнни предложилъ мнѣ идти позавтракать въ его каютѣ. Я пошелъ съ нимъ. Его каюта примыкала къ стѣнкѣ этеронефа, и въ ней было большое хрустальное окно. Мы продолжали бесѣду. Я зналъ, что мнѣ предстоятъ новыя, неиспытанныя ощущенія въ видѣ потери тяжести моего тѣла, и разспрашивалъ объ этомъ Мэнни.

— Да,—сказалъ Мэнни,—хотя солнце продолжаетъ притягивать насъ, но здѣсь это дѣйствіе ничтожно. Вліяніе земли тоже станетъ незамѣтно завтра—послѣзавтра. Только благодаря непрерывному ускоренію этеронефа у насъ будетъ сохраняться $\frac{1}{400}$ — $\frac{1}{500}$ нашего прежняго вѣса. Въ первый разъ привыкать къ этому нелегко, хотя переměна происходитъ очень постепенно. Приобрѣтая легкость, вы будете утрачивать ловкость, будете дѣлать массу неправильно разсчитанныхъ движеній, ведущихъ мимо цѣли. Удовольствіе летать по воздуху покажется вамъ весьма сомнительнымъ. Что касается неизбѣжныхъ при этомъ сердцебіеній, головокруженій и даже тошноты, то избавиться отъ нихъ поможетъ вамъ Нэтти. Трудно будетъ также справиться съ водою и другими жидкостями которыя будутъ при малѣйшихъ толчкахъ ускользать изъ сосудовъ и разбрасываться повсюду въ видѣ огромныхъ сферическихкихъ капель. Но у насъ все старательно приспособлено для устрaненія этихъ неудобствъ: мебель и посуда прикрѣпляются къ мѣсту, жидкости сохраняются закупоренными, всюду придѣланы ручки и ремни для остановки невольныхъ полетовъ при рывкахъ движенія. Вообще же, вы привыкнете; времени для этого хватитъ.

Со времени отъѣзда прошло около двухъ часовъ, а уменьшеніе вѣса было уже довольно ощутительно, хотя пока еще очень пріятно: тѣло

становилось легче, движенія свободнѣе и ничего больше. Атмосферу мы успѣли вполнѣ миновать, но это насъ не беспокоило, такъ какъ въ нашемъ герметически закрытомъ кораблѣ имѣлся, конечно, достаточный запасъ кислорода. Видимая область земной поверхности стала окончательно похожа на географическую карту—правда, съ перепутаннымъ масштабомъ: болѣе крупнымъ въ серединѣ, болѣе мелкимъ къ горизонту; кое-гдѣ ее закрывали еще бѣлыя пятна облаковъ. На югѣ, за Средиземнымъ моремъ, сѣверъ Африки и Аравіи былъ довольно ясно виденъ сквозь синюю дымку; на сѣверѣ, за Скандинавіей взглядъ терялся въ свѣжой и ледяной пустынѣ,—только скалы Шпицбергена выдѣлялись еще темнымъ пятномъ. На востокъ за зеленовато-бурой полосой Урала, мѣстами перерѣзанной свѣжими пятнами, начиналось опять сплошное царство бѣлаго цвѣта, кой-гдѣ только съ зеленоватымъ отливомъ—слабымъ напоминаніемъ о громадныхъ хвойныхъ лѣсахъ Сибири. На западѣ, за ясными контурами средней Европы терялись въ облакахъ очертанія береговъ Англіи и сѣверной Франціи. Я не могъ долго смотрѣть на эту гигантскую картину, такъ какъ мысль о страшной глубинѣ бездны, надъ которой мы находились, быстро вызывала у меня чувство, близкое къ обмороку. Я возобновилъ разговоръ съ Мэнни.

— Вы капитанъ этого корабля, не такъ ли?

Мэнни утвердительно кивнулъ головою и замѣтилъ:

— Но это не значить, чтобы я обладалъ тѣмъ, что у васъ называется властью начальника. Просто я наиболѣе опытенъ въ дѣлѣ управленія этеронефомъ, и мои указанія принимаются такъ же, какъ я принимаю астрономическія вычисленія, выполняемыя Стэрри, или какъ всѣ мы принимаемъ медицинскіе совѣты Нэтти для поддержанія нашего здоровья и рабочей силы.

— А сколько лѣтъ этому доктору Нэтти? Онъ кажется мнѣ очень ужъ молодымъ.

— Не помню, 16 или 17,—съ улыбкой отвѣтилъ Мэнни.

Приблизительно такъ мнѣ и казалось. Но я не могъ не удивляться такой ранней учености.

— И въ этомъ возрастѣ быть уже врачомъ!—невольно вырвалось у меня.

— И прибавьте: знающимъ и опытнымъ врачомъ,—дополнилъ Мэнни.

Въ то время я не сообразилъ,—а Мэнни умышленно не напомнилъ этого,—что годы марсианъ почти вдвое длиннѣе нашихъ: оборотъ Марса вокругъ Солнца совершается въ 686 нашихъ дней, и 16 лѣтъ Нэтти равнялись 30 земнымъ годамъ.

VI. Этеронефъ.

Послѣ завтрака Мэнни повелъ меня осматривать нашъ «корабль». Прежде всего мы направились въ машинное отдѣленіе. Оно занимало нижній этажъ этеронефа, примыкая прямо къ его уплощенному дну, и дѣлилось перегородками на пять комнатъ, одну центральную и четыре боковыхъ. Въ срединѣ центральной комнаты возвышалась движущая машина, а вокругъ нея со всѣхъ четырехъ сторонъ были сдѣланы въ полу круглыя стеклянныя окна, одно изъ чистаго хрусталя, три изъ цвѣтного стекла различной окраски; стекла были въ три сантиметра толщиной, удивительно прозрачныя. Въ данную минуту мы могли видѣть черезъ нихъ только часть земной поверхности.

Основную часть машины составлялъ вертикальный металлическій цилиндръ, трехъ метровъ вышины и полъ-метра въ діаметръ, сдѣланный, какъ мнѣ объяснилъ Мэнни, изъ осмія—очень тугоплавкаго, благороднаго металла, родственнаго платинѣ. Въ этомъ цилиндрѣ происходило разжеженіе радірующей матеріи; накаленные докрасна 20-сантиметровой толщины стѣнки ясно свидѣтельствовали объ энергіи этого процесса. И однако въ комнатѣ не было слишкомъ жарко: весь цилиндръ былъ окруженъ вдвое болѣе широкимъ футляромъ изъ какого-то прозрачнаго вещества, прекрасно защищающаго отъ жары; а вверху этотъ футляръ соединенъ былъ съ трубами, по которымъ нагрѣтый воздухъ отводился изъ него во всѣ стороны для равномернаго «отопленія» этеронефа.

Остальныя части машины, связанные разными способами съ цилиндромъ,—электрическія катушки, аккумуляторы, указатели съ циферблатами и т. п.,—были расположены вокругъ въ красивомъ порядкѣ, и дежурный машинистъ, благодаря системѣ зеркалъ, видѣлъ всѣ ихъ сразу, не сходя со своего кресла.

Изъ боковыхъ комнатъ одна была «астрономическая», справа и слева отъ нея находились «водяная» и «кислородная», а на противоположной сторонѣ—«вычислительная». Въ астрономической комнатѣ полъ

и наружная стѣнка были сплошь хрустальные, изъ геометрически отшлифованнаго стекла идеальной чистоты. Ихъ прозрачность была такова, что когда я, идя вслѣдъ за Мэнни по воздушнымъ мостикамъ, рѣшался взглянуть прямо внизъ, то я ничего не видѣлъ между собой и бездною, разстилавшейся подъ нами,—мнѣ приходилось закрыть глаза, чтобы остановить мучительное головокруженіе. Я старался смотрѣть по сторонамъ на инструменты, которые были расположены въ промежуткахъ сѣти мостиковъ, на сложныхъ штативахъ, спускавшихся съ потолка и внутреннихъ стѣнъ комнаты. Главный телескопъ былъ около двухъ метровъ длины, но съ непропорціонально большимъ объективомъ, и, очевидно, такой же оптической силой.

— Окуляры мы примѣняемъ только алмазные,—сказалъ Мэнни;—они даютъ наибольшее поле зрѣнія.

— Насколько значительно обычное увеличеніе этого телескопа?—спросилъ я.

— Ясное увеличеніе около 600 разъ,—отвѣчалъ Мэнни,—но когда оно недостаточно, мы фотографируемъ поле зрѣнія, и разсматриваемъ фотографію подъ микроскопомъ. Этимъ путемъ увеличеніе фактически доводится до 60 тысячъ и болѣе; а замедленіе съ фотографированіемъ не составляетъ у насъ и минуты.

Мэнни предложилъ мнѣ сейчасъ же взглянуть въ телескопъ на попутную Землю. Онъ самъ направилъ трубу.

— Разстояніе теперь около 2000 километровъ,—сказалъ онъ.—Узнаете ли вы, что передъ вами?

Я сразу узналъ гавань скандинавской столицы, гдѣ первѣдо проѣзжалъ по дѣламъ партіи. Мнѣ было интересно разсмотрѣть пароходы на рейдѣ. Мэнни однимъ поворотомъ боковой ручки, имѣвшейся при телескопѣ, поставилъ на мѣсто окуляра фотографическую камеру, а черезъ нѣсколько секундъ снялъ ее съ телескопа и цѣлкомъ перенесъ въ большой аппаратъ, стоявшій сбоку и оказавшійся микроскопомъ.

— Мы проявляемъ и закрѣпляемъ изображеніе тутъ же, въ микроскопѣ, не прикасаясь къ пластинкѣ руками,—пояснилъ онъ и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ операций, черезъ какія-нибудь полминуты предоставилъ мнѣ окуляръ микроскопа. Я съ поразительной ясностью увидѣлъ знакомый мнѣ пароходъ Сѣвернаго общества, какъ будто онъ находился въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ меня; изображеніе въ проходящемъ свѣтѣ казалось рельефнымъ и имѣло совер-

шенно натуральную окраску. На мостикъ стоялъ съдой капитанъ, съ которымъ я не разъ бесѣдовалъ во время поѣздки. Матросъ, опускавшій на палубу большой ящикъ, какъ будто застылъ въ своей позѣ, такъ же какъ и пассажиръ, указывавшій ему что-то рукою. И все это было за 2000 километровъ...

Молодой марсианинъ, помощникъ Стэрни, вошелъ въ комнату. Ему надо было произвести точное измѣреніе пройденнаго этеронефомъ разстоянія. Мы не хотѣли мѣшать ему въ работѣ и прошли дальше, въ «водяную» комнату. Тамъ находился огромный резервуаръ съ водою и большіе аппараты для ея очищенія. Множество трубъ проводили эту воду изъ резервуара по всему этеронефу.

Далѣе шла «вычислительная» комната. Тамъ стояли непонятныя для меня машины со множествомъ циферблатовъ и стрѣлокъ. За самой большой машиной работалъ Стэрни. Изъ нея тянулась длинная лента, заключавшая, очевидно, результаты вычисленій Стэрни; но знаки на ней, какъ и на всѣхъ циферблатахъ, были-мигъ незнакомы. Мигъ не хотѣлось мѣшать Стэрни и вообще разговаривать съ нимъ. Мы быстро прошли въ послѣднее боковое отдѣленіе.

Это была «кислородная» комната. Въ ней хранились запасы кислорода въ видѣ 25 тоннъ бертолетовой соли, изъ которой можно было выдѣлать, по мѣрѣ надобности, до 10000 кубическихъ метровъ кислорода; это количество достаточно для нѣсколькихъ путешествій, подобныхъ нашему. Тутъ же находились аппараты для разложенія бертолетовой соли. Далѣе, тамъ же хранились запасы барита и ѣдкаго кали для поглощенія изъ воздуха углекислоты, а также запасы сѣрнаго ангидрида для поглощенія лишней влаги и легучаго левкомаина,—того фізіологическаго яда, который выдѣляется при дыханіи и который несравненно вреднѣе углекислоты. Этою комнатою заведывалъ докторъ Нэтти.

Затѣмъ мы вернулись въ центральное машинное отдѣленіе и изъ него въ небольшомъ подъемникѣ переправились прямо въ самый верхній этажъ этеронефа. Тамъ центральную комнату занимала вторая обсерваторія, во всемъ подобная нижней, но только съ хрустальной оболочкой вверху, а по внизу, и съ инструментами болѣе крупныхъ размѣровъ. Изъ этой обсерваторіи видна была другая половина небесной сферы, вмѣстѣ съ «планетой назначенія». Марсъ сіялъ своимъ красноватымъ свѣтомъ въ сторонѣ отъ зенита. Мэнни направилъ туда телескопъ, и я отчетливо увидѣлъ знакомыя мигъ по картамъ Скиапарелли очертанія

материковъ, морей и сѣти каналовъ. Мэнни фотографировалъ планету, и подъ микроскопомъ выступила детальная карта. Но я не могъ ничего понять въ ней безъ объясненій Мэнни: пятна городовъ, лѣсовъ и озеръ отличались одни отъ другихъ неуловимыми и непонятными для меня частностями.

— Какъ велико разстояніе?—спросилъ я.

— Сейчасъ сравнительно близкое—около 100 милліоновъ километровъ.

— А почему Марсъ не въ зенитѣ купола? Мы, значить, летимъ не прямо къ нему, а въ сторону?

— Да, и мы не можемъ иначе. Отправляясь съ Земли, мы, въ силу инерціи, сохраняемъ, между прочимъ, скорость ея движенія вокругъ солнца—30 километровъ въ секунду. Скорость же Марса всего 24 километра, и если бы летѣли по перпендикулярѣ между обѣими орбитами, то мы ударились бы о поверхность Марса съ остаточной боковой скоростью 6 километровъ въ секунду. Это очень неудобно, и мы должны выбрать криволинейный путь, на которомъ уравнивается и лишняя боковая скорость.

— Какъ же великъ въ такомъ случаѣ весъ нашъ путь?

— Около 160 милліоновъ километровъ, что потребуетъ не менѣе $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

Если бы я не былъ математикомъ, эти цифры ничего не говорили бы моему сердцу. Но теперь онѣ вызвали во мнѣ ощущеніе, близкое къ кошмару, и я поспѣшилъ уйти изъ астрономической комнаты.

Шесть боковыхъ отдѣленій верхняго сегмента, окружавшихъ кольцомъ обсерваторію, были совсѣмъ безъ оконъ, и ихъ потолокъ, представлявшій часть шаровой поверхности, наклонно опускался къ самому полу. У потолка помѣщались большіе резервуары «минусъ-матеріи», оттаиваніе которой должно было парализовать весь всего этеронефа.

Средніе этажи—третій и второй—были заняты общими залами, лабораторіями отдѣльныхъ членовъ экспедиціи, ихъ каютами, ванными, бібліотекой, гимнастической комнатою и т. д.

Каюта Нэтти находилась рядомъ съ моею.

VII. Люди.

Потеря тяжести все больше давала себя знать. Возраставшее чувство легкости перестало быть пріятнымъ. Къ нему присоединился элементъ

неуверенности и какого-то смутнаго беспокойства. Я ушелъ въ свою комнату и легъ на койку.

Часа два спокойнаго положенія и усиленныхъ размышленій привели къ тому, что я незамѣтно заснулъ. Когда я проснулся, въ моей комнатѣ у стола сидѣлъ Нэтти. Я невольно рѣзкимъ движеніемъ поднялся съ постели и, какъ-будто подброшенный чѣмъ-то кверху, ударился головою о потолокъ.

— Когда вѣсншь менѣе 20 фунтовъ, то надо быть осторожнѣе,— добродушно-философскимъ тономъ замѣтилъ Нэтти.

Онъ пришелъ ко мнѣ со специальной цѣлью дать всѣ необходимыя указанія на случай той «морской болѣзни», которая уже начиналась у меня отъ потери тяжести. Въ каютѣ имѣлся особый сигнальный звонокъ къ его комнатѣ, которымъ я могъ его всегда вызвать, если бы еще потребовалась его помощь.

Я воспользовался случаемъ разговориться съ юнымъ докторомъ,—меня какъ-то невольно влекло къ этому симпатичному, очень ученому, но и очень веселому мальчику. Я спросилъ его, почему случилось такъ, что изъ всей компаніи марсианъ на этеронефть отъ однихъ, кромѣ Мэнни, владѣть моимъ роднымъ языкомъ.

— Это очень просто,—объяснилъ онъ.—Когда мы *искали* человека, то Мэнни выбралъ себя и меня для вашей страны, и мы провели въ ней больше года, пока намъ не удалось покончить это дѣло съ вами.

— Значить, другіе «искали человека» въ другихъ странахъ?

— Конечно, среди всѣхъ главныхъ народовъ земли. Но, какъ Мэнни и предвидѣлъ, найти его всего скорѣе удалось въ вашей странѣ, гдѣ жизнь идетъ наиболѣе энергично и ярко, гдѣ люди вынуждены всего больше смотреть впередъ. Найдя человека, мы извѣстили остальныхъ; они собрались изъ всѣхъ странъ; и вотъ, мы ѣдемъ.

— Что вы, собственно, подразумеваете, когда говорите, «искали человека», «нашли человека»? Я понимаю, что дѣло шло о субъектѣ, пригодномъ для извѣстной роли,—Мэнни объяснилъ мнѣ, какой именно. Мнѣ очень лестно видѣть, что выбрали меня, но я хотѣлъ бы знать, чему я этимъ обязанъ.

— Въ самыхъ общихъ чертахъ я могу сказать вамъ это. Намъ нуженъ былъ человекъ, въ натурѣ котораго совмѣщалось бы какъ можно больше здоровья и гибкости, какъ можно больше способности къ разумному труду, какъ можно меньше чисто личныхъ привязанностей на Землѣ,

какъ можно меньше индивидуализма. Наши фізіологи и психологи полагаи, что переходъ отъ условій жизни вашего общества, рѣзко раздробленнаго вѣчной внутренней борьбой, къ условіямъ нашего, организованнаго, какъ вы бы сказали, социалистически,—что переходъ этотъ очень тяжелъ и труденъ для отдѣльнаго человѣка и требуютъ особенно благоприятной организаціи. Мэнни нашелъ, что вы подходите больше другихъ.

— И мнѣнія Мэнни было для всѣхъ васъ достаточно?

— Да, мы вполне доверяемъ его оцѣнкѣ. Онъ—человѣкъ выдающейся силы и ясности ума и ошибается очень рѣдко. Онъ имѣетъ большое опыта въ сношеніяхъ съ земными людьми, чѣмъ кто-либо изъ насъ; онъ первый пачалъ эти сношенія.

— А кто открылъ самый способъ сообщенія между планетами?

— Это—дѣло многихъ, а не одного. «Минусъ-матерія» была добыта уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Но вначалѣ ее удавалось получать только въ ничтожныхъ количествахъ, и понадобились усилія очень многихъ фабричныхъ коллегій, чтобы найти и развить способы ея производства въ большихъ размѣрахъ. Затѣмъ понадобилось усовершенствовать технику добыванія и разложенія радірующей матеріи, чтобы имѣть подходящий двигатель для этеренефовъ. Это также требовало массы усилій. Далѣе, много трудностей вытекало изъ самыхъ условій междупланетной среды, съ ея страшнымъ холодомъ и жгучими солнечными лучами, не смягченными воздушной оболочкой. Вычисленіе пути оказалось тоже дѣломъ нелегкимъ и подверженнымъ такимъ погрѣшностямъ, которыхъ не предвидѣли раньше. Словомъ, прежнія экспедиціи на Землю оканчивались гибелью всѣхъ участниковъ, пока Мэнни не удалось организовать первую успѣшную экспедицію. А теперь, пользуясь его методами, мы проникли недавно и на Венеру.

— Но если такъ, то Мэнни—настоящій великій человѣкъ,—сказалъ я.

— Да, если вамъ нравится такъ называть человѣка, который дѣйствительно много и хорошо работалъ.

— Я хотѣлъ сказать не это: работать много и хорошо могутъ и исполнѣ обыкновенные люди, люди-исполнители. Мэнни же, очевидно, совсѣмъ иное: онъ гений, человѣкъ-творецъ, создающій новое и ведущій впередъ человѣчество.

— Это все ясно и, кажется, повѣрно. Творецъ—каждый работникъ, но въ каждомъ работникѣ творитъ человѣчество и природа. Развѣ въ рукахъ Мэнни не находился весь опытъ предыдущихъ поколѣній и совре-

мстныхъ ему изслѣдователей и развѣ не исходилъ изъ этого опыта каждый шагъ его работы? И развѣ не природа предоставила ему всѣ элементы и всѣ зародыши его комбинацій? И развѣ не изъ самой борьбы человечества съ природой возникли всѣ живые стимулы этихъ комбинацій? Человѣкъ—личность, но дѣло его безлично. Рано или поздно, онъ умираетъ съ его радостями и страданіями,—а оно остается въ безпредѣльно растущей жизни. Въ этомъ лѣтъ разницы между работниками; неодинакова только величина того, что они пережили, и того, что остается въ жизни.

— Но вѣдь, напр., *имя* такого человѣка, какъ Мэнни, не умираетъ же вмѣстѣ съ нимъ, а остается въ памяти человечества, тогда какъ безчисленныя имена другихъ исчезаютъ безслѣдно.

— Имя каждаго сохраняется до тѣхъ поръ, пока живы тѣ, кто жилъ съ нимъ и зналъ его. Но человечеству не нуженъ мертвый символъ личности, когда ея уже нѣтъ. Наша наука и наше искусство безлично хранятъ то, что сдѣлано общей работой. Балластъ имени прошлаго бесполезенъ для памяти человечества.

— Вы, пожалуй, и правы; но чувство нашего міра возмущается противъ этой логики. Для насъ имена воздѣй мысли и дѣла—живые символы, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни наша наука, ни наше искусство, ни вся наша общественная жизнь. Часто въ борьбѣ силъ и въ борьбѣ идей имя на знамени говоритъ больше, чѣмъ отвлеченный лозунгъ. И имена гонимыхъ—не балластъ для нашей памяти.

— Это оттого, что единое дѣло человечества для васъ все еще не единое дѣло; въ иллюзіяхъ, порождаемыхъ борьбою между людьми, оно дробится и кажется дѣломъ людей, а не человечества. Мнѣ тоже было трудно понять вашу точку зрѣнія, какъ вамъ нашу.

— Итакъ, хорошо это или плохо, но безсмертныхъ нѣтъ въ нашей компаніи. Зато смертные здѣсь, вѣроятно, все изъ самыхъ отборныхъ—не такъ ли?—изъ тѣхъ, которые «много и хорошо работали», какъ вы выражаетесь?

— Вообще, да. Мэнни подбиралъ товарищей изъ числа многихъ тысячъ, выразившихъ желаніе отправиться съ нимъ.

— А самый крупный послѣ него, это, можетъ быть, Стэрни?

— Да, если ужъ вамъ упорно хочется измѣрять и сравнивать людей. Стэрни—выдающийся ученый, хотя и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ Мэнни. Онъ—математикъ, какихъ очень мало. Онъ раскрылъ цѣлый рядъ

погрѣшностей въ тѣхъ вычисленіяхъ, по которымъ устраивались всѣ прежнія экспедиціи на Землю, и показалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей сами по себѣ уже были достаточны для гибели дѣла и работниковъ. Онъ нашелъ новые методы для такихъ вычисленій, и до сихъ поръ результаты, полученные имъ, оказывались непогрѣшимыми.

— Я такъ его себѣ и представлялъ на основаніи словъ Мэнни и первыхъ впечатлѣній. А между тѣмъ, я самъ не понимаю—почему его видъ вызываетъ во мнѣ какое-то тревожное чувство, какое-то неопредѣленное безпокойство, нѣчто въ родѣ безпричинной антипатіи. Не пайчется ли у васъ, докторъ, какого нибудь объясненія для этого?

— Видите ли, Стэрни—очень сильный, но холодный, главнымъ образомъ аналитическій умъ. Онъ все разлагаетъ, неумолимо и послѣдовательно, и выводы его часто односторонны, иногда чрезмерно суровы, потому что анализъ частей даетъ, видъ, не цѣлое, а меньше цѣлага: вы знаете, что вездѣ, гдѣ есть жизнь, цѣлое бываетъ больше суммы своихъ частей, какъ живое человѣческое тѣло больше, чѣмъ грудъ его членовъ. Вслѣдствіе этого, Стэрни меньше прочихъ можетъ входить въ настроенія и мысли другихъ людей. Онъ вамъ всегда охотно поможетъ въ томъ, съ чѣмъ вы сами къ нему обратитесь, но онъ никогда не угадаетъ за васъ, что вамъ пужно. Этому мѣшаетъ, конечно, и то, что его вниманіе почти всегда поглощено его работой, его голова постоянно полна какой-нибудь трудной задачей. Въ этомъ онъ очень не похожъ на Мэнни. тотъ всегда все видитъ вокругъ и не разъ умѣлъ объяснить даже мнѣ самому, чего мнѣ хочется, что меня безпокоитъ, чего ищетъ мой умъ или мое чувство.

— Если все это такъ, то Стэрни, должно быть, къ намъ, земнымъ людямъ, полнымъ противорѣчій и недостатковъ, относится довольно враждебно?

— Враждебно?—нѣтъ; ему это чувство чуждо. Но скептицизма у него, я думаю, больше, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ пробылъ во Франціи всего полгода и телеграфировалъ Мэнни: «здѣсь искать нечего». Можетъ быть, онъ былъ отчасти правъ, потому что и Летта, который былъ вмѣстѣ съ нимъ, не нашелъ подходящаго человѣка. Но характеристики, которыя онъ даетъ видѣвшимся людямъ этой страны, гораздо суровѣе, чѣмъ тѣ, которыя даетъ Летта, и, конечно, гораздо болѣе односторонни, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего прямо невѣрнаго.

— А кто такой этотъ Летта, о которомъ вы говорите? Я его какъ-то не запомнилъ.

— Химикъ, помощникъ Мэнни, молодой человѣкъ, старше всѣхъ на нашемъ этеронефѣ. Съ нимъ вы сойдетесь легко, и это будетъ для васъ очень полезно. У него-мягкая натура и много пониманія чужой души, хотя онъ и не психологъ, какъ Мэнни. Приходите къ нему въ лабораторію, онъ будетъ радъ этому и покажетъ вамъ много интереснаго.

Въ этотъ моментъ я вспомнилъ, что мы уже далеко улетѣли отъ Земли, и мнѣ захотѣлось посмотреть на нее. Мы отправились вмѣстѣ въ одну изъ боковыхъ залъ съ большими окнами.

— Не придется ли намъ пролѣтать близко отъ Луны?—спросилъ я по дорогѣ.

— Нѣтъ, Луна остается далеко въ сторонѣ, и это жаль. Мнѣ тоже хотѣлось посмотреть Луну поближе. Съ Земли она казалась мнѣ такой странной. Большая, холодная, медленная, загадочно-спокойная, она совсѣмъ не то, что наши двѣ маленькія луны, которыя такъ быстро бѣгаютъ по небу и такъ быстро мѣняютъ свое личико, точно живыя, капризные дѣти. Правда, ваша Луна зато гораздо ярче, и свѣтъ ея такой пріятный. Ярче и наше Солнце; вотъ въ чемъ вы гораздо счастливѣе насъ. Вашъ міръ вдвое свѣтлѣе: оттого и не нужны вамъ такіе глаза, какъ наши, съ большими зрачками для собиранія слабыхъ лучей нашего дня и нашей ночи.

Мы сѣли у окна. Земля сіяла вдали, какъ гигантскій серпъ, на которомъ можно было различить только очертанія запада Америки, сѣверо-востока Азии, тусклое пятно, обозначающее часть Великаго океана, и блѣлое пятно Сѣвернаго Ледовитаго. Весь Атлантическій океанъ и Старый Свѣтъ лежали во мракѣ; за расплывчатымъ краемъ серпа ихъ можно было только угадывать, и именно потому, что невидимая часть Земли закрывала звѣзды на обширномъ пространствѣ чернаго неба. Наша косвенная траекторія и вращеніе Земли вокругъ оси привели къ такой пере-мѣнѣ картины.

Я смотрѣлъ, и мнѣ было грустно, что я не вижу родной страны, гдѣ столько жизни, борьбы и страданій, гдѣ вчера еще я стоялъ въ рядахъ товарищей, а теперь на мое мѣсто долженъ былъ стать другой. И сомнѣніе поднялось въ моей душѣ.

— Тамъ, внизу, льется кровь,—сказалъ я,—а здѣсь вчерашній работникъ въ роли спокойнаго созерцателя...

— Кровь льется тамъ ради лучшаго будущаго,—отвѣчала Нэтти;— но и для самой борьбы надо *знать* лучшее будущее. И ради этого знанія—вы здѣсь.

Съ невольнымъ порывомъ я сжалъ его маленькую, почти дѣтскую, руку.

VIII. Сближеніе.

Земля все болѣе удалялась и, точно худѣя отъ разлуки, превращалась въ луновидный серпъ, сопровождаемый теперь совсѣмъ маленькимъ серпомъ настоящей Луны. Параллельно съ этимъ всѣ мы, обитатели этеронефа, становились какими-то фантастическими акробатами, способными летать безъ крыльевъ и удобно располагаться въ любомъ направленіи пространства, головой къ полу или къ потолку или къ стѣнамъ—почти безразлично... Понемногу я сходилъ со своими новыми товарищами и начиналъ чувствовать себя съ ними свободнѣе.

Уже на другой день послѣ нашего отплытія (мы сохраняли этотъ счетъ времени, хотя для насъ, конечно, уже не существовало настоящихъ дней и ночей) я по собственной инициативѣ переодѣлся въ марсіанскій костюмъ, чтобы менѣе выдѣляться между всѣми. Правда, костюмъ этотъ и самъ по себѣ пріятенъ мнѣ: простой, удобный, безъ всякихъ бесполезныхъ, условныхъ частей въ родѣ галстука или манжетъ, онъ оставлялъ наибольшую возможную свободу для движеній. Отдѣльные части костюма такъ соединялись маленькими застѣжками, что весь костюмъ превращался въ одно цѣлое, и въ то же время легко было, въ случаѣ надобности, отстегнуть и снять, напр., одинъ рукавъ или оба или всю блузу. И манеры моихъ спутниковъ были похожи на ихъ костюмъ; простота, отсутствіе всего лишняго и условнаго. Они никогда не здоровались, не прощались, не благодарили, не затягивали разговора изъ вѣжливости, если прямая цѣль его была исчерпана; и въ то же время они съ большимъ терпѣніемъ давали есгдѣ всякія разъясненія, тщательно приспосаблиаясь къ уровню пониманія собесѣдника и входивъ въ его психологію, какъ бы мало она ни подходила къ ихъ собственной.

Разумѣется, я съ первыхъ же дней принялся за изученіе ихъ родного языка, и всѣ они съ величайшей готовностью исполняли роль моихъ наставниковъ, а больше всѣхъ Нэтти. Языкъ этотъ очень оригина-

налепъ; и несмотря на большую простоту его грамматики и правилъ образованія словъ, въ немъ есть особенности, съ которыми мнѣ было нелегко справиться. Его правила вообще не имѣютъ исключеній, въ немъ нѣтъ такихъ разграниченій, какъ мужескій, женскій и средній роды; но рядомъ съ этимъ всѣ названія предметовъ и свойствъ измѣняются по временамъ. Это никакъ не укладывалось въ моей головѣ.

— Скажите, какой смыслъ въ этихъ формахъ?—спрашивалъ я Нэтти.

— Неужели вы не понимаете? А между тѣмъ въ вашихъ языкахъ, называя предметъ, вы старательно обозначаете, считаете ли вы его мужчиной или женщиной, что, въ сущности, очень не важно, а по отношенію къ не-живымъ предметамъ даже довольно странно. Насколько важнѣе различіе между тѣми предметами, которые существуютъ, и тѣми, которыхъ уже нѣтъ, или тѣми, которые еще должны возникнуть. У васъ «домъ»—мужчина, а «лодка»—женщина, у французовъ это наоборотъ,—и дѣло отъ того нисколько не мѣняется. Но когда вы говорите о домѣ, который уже сгорѣлъ или который еще собирается выстроить, вы употребляете слово въ той же формѣ, въ какой говорите о домѣ, въ которомъ живете. Развѣ есть въ природѣ большее различіе, чѣмъ между человѣкомъ, который живетъ, и человѣкомъ, который умеръ,—между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, чего нѣтъ? Вамъ нужны цѣлыя слова и фразы для обозначенія этого различія,—не лучше ли выражать его прибавленіемъ одной буквы въ самомъ словѣ?

Во всякомъ случаѣ, Нэтти былъ доволенъ моей памятью, а его методъ обученія былъ превосходенъ, и дѣло подвигалось впередъ быстро. Это помогало мнѣ сблизиться съ марсіанами,—я начиналъ все съ большей увѣренностью путешествовать по всему этеронефу, заходя въ комнаты и въ лабораторіи моихъ спутниковъ и разспрашивая ихъ обо всемъ, что меня занимало.

Молодой астрономъ Энно, помощникъ Стэрри, живой и веселый, тоже почти мальчикъ по возрасту, показывалъ мнѣ массу интересныхъ вещей, явно увлекаясь не столько измѣреніями и формулами, въ которыхъ онъ былъ, однако, настоящимъ мастеромъ, сколько красотой наблюдаемаго. У меня было хорошо на душѣ съ юнымъ астрономомъ-поэтомъ; а законное стремленіе оріентироваться въ нашемъ положеніи среди природы давало мнѣ постоянный поводъ проводить помпогу времени у Энно и его телескоповъ.

Одинъ разъ Энно показалъ мнѣ при самомъ сильномъ увеличеніи крошечную планету Эротъ, часть орбиты которой проходитъ между путями Земли и Марса, а остальная часть лежитъ дальше Марса, переходя въ районъ астероидовъ. И хотя въ это время Эротъ находился отъ насъ на разстояніи 150 милліоновъ километровъ, но фотографія его маленькаго диска представляла въ полѣ зрѣнія микроскопа цѣлую географическую карту, подобную картамъ Луны. Конечно, это безжизненная планета, такая же, какъ Луна.

Въ другой разъ Энно фотографировалъ рой метеоритовъ, проходившій всего въ нѣсколькихъ милліонахъ километровъ отъ насъ. Изображенію представляло, разумѣется, только неопредѣленную туманность. При этомъ случаѣ Энно разсказалъ мнѣ, что въ одной изъ прежнихъ экспедицій на Землю этеронефъ погибъ какъ разъ въ то время, когда прорѣзывалъ другой подобный рой. Астрономы, слѣдившіе за этеронефомъ въ самые большіе телескопы, увидали, какъ погасъ его электрический свѣтъ,—и этеронефъ навѣки исчезъ въ пространствѣ.

— Вѣроятно, этеронефъ столкнулся съ нѣсколькими изъ этихъ маленькихъ тѣлецъ, а при громадной разности скоростей они должны были насквозь пронзить всѣ его стѣнки. Тогда воздухъ ушелъ изъ него въ пространство, и холодъ междупланетной среды оледенить уже мертвыя тѣла путешественниковъ. И теперь этеронефъ летитъ, продолжая свой путь по кометной орбитѣ; онъ удаляется отъ Солнца навсегда, и неизвѣстно, гдѣ конецъ пути этого страшнаго корабля, населеннаго трупами.

При этихъ словахъ Энно холодъ эфирныхъ пустынь какъ-будто проникъ и въ мое сердце. Я живо представилъ себѣ нашъ крошечный, свѣтлый островокъ среди безконечнаго мертваго океана. Безъ всякой опоры къ головокругительному быстрому движенію, и черная пустота повсюду вокругъ... Энно угадалъ мое настроеніе.

— Мэнни надежный кормчій,—сказалъ онъ,—и Стэрни не дѣлаетъ ошибокъ... А смерть... вы ее, вѣроятно, видали близко въ своей жизни... вѣдь она—только смерть, не болѣе.

Очень скоро наступилъ часъ, когда мнѣ пришлось вспомнить эти слова въ борьбѣ съ мучительной душевною болью.

Химикъ Летта привлекалъ меня къ себѣ не только той особенной мягкостью и чуткостью натуры, о которой говорилъ мнѣ Нэтти, но также и своими громадными знаніями въ наиболѣе интересномъ для меня научномъ вопросѣ—о строеніи матеріи. Одинъ Мэнни былъ еще компе-

тентѣе его въ этой области, но я старался какъ можно меньше обращаться къ Мэнни, понимая, что его время слишкомъ драгоценно и для интересовъ науки, и для интересовъ экспедиціи, чтобы я имѣлъ право отвлекать его для себя. А добродушный старикъ Летта съ такимъ неистощимымъ терпѣніемъ относился къ моему невѣжеству, съ такой предупредительностью и даже видимымъ удовольствіемъ разъяснялъ мнѣ самую азбуку предмета, что съ нимъ я нисколько не чувствовалъ себя стѣсненнымъ.

Летта сталъ читать мнѣ цѣлый курсъ по теоріи строенія матеріи, при чемъ иллюстрировалъ его рядомъ опытовъ разложенія элементовъ и ихъ синтеза. Многіе изъ относящихся сюда опытовъ онъ долженъ былъ, однако, пропускать, ограничиваясь словеснымъ ихъ описаніемъ,—именно тѣ, въ которыхъ явленія имѣютъ особенно бурный характеръ и протекаютъ въ формѣ взрыва или могутъ принять такую форму.

Какъ-то разъ во время лекціи въ лабораторіи зашелъ Мэнни. Летта заканчивалъ описаніе очень интереснаго эксперимента и собирався приступить къ его выполнению.

— Будьте осторожны,—сказалъ ему Мэнни;—я помню, что этотъ опытъ однажды копчился у меня пехорошо; достаточно ничтожнѣйшей посторонней примѣси къ веществу, которое вы разлагаете, и тогда самый слабый электрическій разрядъ можетъ вызвать взрывъ во время пагрѣванія.

Летта хотѣлъ уже отказаться отъ выполненія опыта, но Мэнни, неизмѣнно внимательный и любезный по отношенію ко мнѣ, самъ предложилъ помочь ему тщательной проверкой всѣхъ условій опыта; и реакция прошла превосходно.

На слѣдующій день предстояли новыя опыты съ тѣмъ же веществомъ. Мнѣ казалось, что на этотъ разъ Летта взялъ его не изъ той банки, изъ которой накапунѣ. Когда онъ поставилъ уже реторту на электрическую баню, мнѣ пришло въ голову сказать ему объ этомъ. Обезпокоенный, онъ тотчасъ пошелъ къ шкафу съ реактивами, оставивъ баню и реторту на столѣхъ у стѣны, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ наружной стѣнкой этеронефа. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Вдругъ раздался оглушительный трескъ, и насъ обоихъ съ большой силой ударило о дверцы шкафа. Затѣмъ послѣдовалъ оглушительный свистъ и вой и металлическое дребезжанье. Я почувствовалъ, что непреодолимая сила, подобная урагану, увлекаетъ меня назадъ, къ наружной

стѣнѣ. Я успѣлъ машинально схватиться за крѣпкую ремennую ручку, придѣланную къ шкафу, и повисъ горизонтально, удерживаемый въ этомъ положеніи могучимъ потокомъ воздуха. Летта сдѣлалъ то же самое.

— Держитесь крѣпче!—крикнулъ онъ мнѣ, и я едва слышалъ его голосъ среди шума бури. Рѣзкій холодъ пронизалъ мое тѣло.

Летта быстро осмотрѣлся вокругъ. Лицо его было страшно своей блѣдностью, но выраженіе растерянности вдругъ смѣнилось на немъ выраженіемъ ясной мысли и твердой рѣшимости. Онъ сказалъ только два слова—я не могъ ихъ слышать, но угадалъ что это было прощанье навѣки,—и его руки разжались.

Глухой звукъ удара, и вой урагана прекратился. Я почувствовалъ, что можно выпустить ручку, и оглянулся. Отъ столика не было и слѣда, а у стѣны, плотно прижавшись къ ней спиной, неподвижно стоялъ Летта. Глаза его были широко раскрыты, и все лицо какъ будто застыло. Однимъ прыжкомъ я очутился у двери и отворилъ ее. Порывъ теплаго вѣтра отбросилъ меня назадъ. Черезъ секунду въ комнату вошелъ Мэнни. Онъ быстро подошелъ къ Летта.

Еще черезъ нѣсколько секундъ комната была полна пароду. Нэтти оттолкнулъ всѣхъ съ пути и бросился къ Летта. Всѣ остальные окружили насъ въ тревожномъ молчаніи.

— Летта умеръ,—раздался голосъ Мэнни.—Взрывъ во время химическаго опыта пробилъ стѣнку этеронеза, и Летта своимъ тѣломъ закрылъ брешь. Давленіе воздуха разорвало его легкія и парализовало сердце. Смерть была мгновенная. Летта спасъ нашего гостя,—иначе гибель обоихъ была неизбежна.

У Нэтти вырвалось глухое рыданіе.

IX. Прошлое.

Нѣсколько дней послѣ катастрофы Нэтти не выходилъ изъ своей комнаты, а въ глазахъ Стэрни я сталъ подмѣчать иногда прямо недоброжелательное выраженіе. Безспорно, изъ-за меня погибъ выдающійся ученикъ; и математическій умъ Стэрни не могъ не дѣлать сравненія между величиной цѣнности той жизни, которая была утрачена, и той, которая была спасена. Мэнни оставался неизмѣнно ровнымъ и спокойнымъ, и даже удвоилъ свое вниманіе и заботливость обо мнѣ; такъ же велъ себя и Энно, и всѣ остальные.

Я сталъ усиленно продолжать изученіе языка марсіанъ, и при первомъ удобномъ случаѣ обратился къ Мэнни съ просьбой дать мнѣ какую-нибудь книгу по исторіи ихъ человѣчества. Мэнни напелъ мою мысль очень удачной и принесъ мнѣ руководствъ, въ которомъ популярно излагалась для дѣтей-марсіанъ всемірная исторія.

Я началъ, съ помощью Нэтти, читать и переводить книжку. Меня поражаало искусство, съ какимъ неизвѣстный авторъ оживлялъ и конкретизировалъ иллюстраціями самыя общія, самыя отвлеченныя на первый взглядъ понятія и схемы. Это искусство позволяло ему вести изложеніе по такой геометрически-стройной системѣ, въ такой логически-выдержанной послѣдовательности, какъ не рѣшился бы писать для дѣтей ни одинъ изъ нашихъ земныхъ популяризаторовъ.

Первая глава имѣла прямо философскій характеръ и была посвящена идеѣ Вселенной, какъ Единого Цѣлаго, все заключающаго въ себѣ и все опредѣляющаго собой. Эта глава живо напомнила мнѣ произведенія того рабочаго-мыслителя, который въ простой и наивной формѣ первый изложилъ основы пролетарской философіи природы.

Въ слѣдующей главѣ изложеніе возвращалось къ тому необозримо отдаленному времени, когда во Вселенной не сложились еще никакихъ знакомыхъ намъ формъ, когда хаосъ и неопредѣленность царили въ безграничномъ пространствѣ. Авторъ рассказывалъ, какъ обособлялись въ этой средѣ первыя безформенныя скопленія неуловимо-тонкой, химически не опредѣлившейся матеріи; скопленія эти послужили зародышами гигантскихъ звѣздныхъ міровъ, какими являются звѣздныя туманности, и въ числѣ ихъ нашъ Млечный Путь съ 20 милліонами солнцъ, среди которыхъ наше солнце—одно изъ самыхъ маленькихъ.

Далѣе шла рѣчь о томъ, какъ матерія, концентрируясь и переходя къ болѣе устойчивымъ сочетаніямъ, принимала форму химическихъ элементовъ, а рядомъ съ этимъ первичныя, безформенныя скопленія распались и среди нихъ выдѣлялись газообразныя солнечно-планетныя туманности, какихъ сейчасъ еще при помощи телескопа можно пайти мѣгкія тысячи. Исторія развитія этихъ туманностей, кристаллизаціи изъ нихъ солнцъ и планетъ излагалась одинаково съ нашей канто-лапласовской теоріей происхожденія міровъ, но съ болѣе опредѣленностью и болѣшими подробностями.

— Скажите, Мэнни,—спросилъ я,—неужели вы считаете правильнымъ давать дѣтямъ съ самаго начала эти безпредѣльно общія и почти

столь же отвлеченныя ідеи, эти блѣдныя міровыя картины, столь далекія отъ ихъ ближайшей конкретной обстановки? Не значить ли это насмѣлять дѣтскій мозгъ почти пустыми, почти только словесными образами?

— Дѣло въ томъ, что у насъ никогда не начинають обученія съ книгъ,—отвѣчалъ Мэнни.—Ребенокъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ живого наблюденія природы и живого общенія съ другими людьми. Раньше, чѣмъ онъ возьмется за такую книгу, онъ уже совершилъ множество поѣздокъ, видѣлъ разнообразныя картины природы, знаетъ множество породъ растений и животныхъ, знакомъ съ употребленіемъ телескопа, микроскопа, фотографіи, фонографа, слышалъ отъ старшихъ дѣтей, отъ воспитателей и другихъ взрослыхъ друзей много разсказовъ о прошломъ и отдаленномъ. Книга, подобная этой, должна только связать воедино и упрочить его знанія, заполняя мѣсто случайныхъ пробѣловъ и намѣчая дальнѣйшій путь изученія. Понятно, что при этомъ идея цѣлаго прежде всего и постоянно должна выступать съ полной отчетливостью, должна проводиться отъ начала и до конца, чтобы никогда не теряться въ частностяхъ. Цѣльнаго человѣка надо создавать уже въ ребенкѣ.

Все это было для меня очень непривычно, но я не сталъ подробно разспрашивать Мэнни: мнѣ все равно предстояло непосредственно познакомиться съ марсіанскими дѣтьми и системой ихъ воспитанія. Я возвратился къ своей книжкѣ.

Предметомъ слѣдующихъ главъ являлась геологическая исторія Марса. Ея изложеніе, хотя и очень сжатое, было полно сопоставленій съ исторіей Земли и Венеры. При значительномъ параллелизмѣ всѣхъ трехъ, основное различіе заключалось въ томъ, что Марсъ оказывался вдвое старше Земли и почти вчетверо старше Венеры. Были установлены и цифры возраста планетъ, я ихъ хорошо помню, но не стану приводить здѣсь, чтобы не раздражать земныхъ ученыхъ, для которыхъ онѣ оказались бы довольно неожиданными.

Далѣе шла исторія жизни съ самаго ея начала. Давалось описаніе тѣхъ первичныхъ соединений, сложныхъ цѣановыхъ производныхъ, которыя, не будучи еще настоящей живой матеріей, обладали многими ея свойствами, и описаніе тѣхъ геологическихъ условій, при которыхъ эти соединенія химически создались. Выяснялись причины, въ силу которыхъ такія вещества сохранялись и накапливались среди другихъ, болѣе устойчивыхъ, но менѣе гибкихъ соединений. Прослѣживалось шагъ за шагомъ усложненіе и дифференціація этихъ химическихъ зародышей всякой

жизни, вплоть до образованія настоящихъ живыхъ клѣтокъ, съ которыхъ начинается «царство протистовъ».

Картина дальнѣйшаго развитія жизни сводилась къ лѣстницѣ прогресса живыхъ существъ, или, вѣрнѣе, къ ихъ общему генеалогическому дереву: отъ протистовъ до высшихъ растений, съ одной стороны, до человека, съ другой стороны,—вмѣстѣ съ различными боковыми отвлѣченіями. При сравненіи съ «земной» линіей развитія оказывалось, что на пути отъ первичной клѣтки до человека рядъ первыхъ звеньевъ цѣпи почти одинаковъ и такъ же незначительны различія въ послѣднихъ звеньяхъ,—а въ среднихъ различій гораздо больше. Это представлялось мнѣ чрезвычайно страннымъ.

— Этотъ вопросъ,—сказалъ мнѣ Нэтти,—насколько я знаю, еще не изслѣдованъ спеціально. Вѣдь еще двадцать лѣтъ тому назадъ мы не знали, какъ устроены высшія животныя на Землѣ, и мы сами были очень удивлены, найдя такое сходство съ нашимъ типомъ. Очевидно, число возможныхъ высшихъ типовъ, выражающихъ наибольшую полноту жизни, не такъ велико; и на планетахъ, настолько сходныхъ какъ наши, въ предѣлахъ весьма однородныхъ условій природа могла достигнуть этого максимума жизни только однимъ способомъ.

— И при томъ,—замѣтилъ Мэнпи,—высшій типъ, который завлаждаетъ своей планетой, есть тотъ, который наиболѣе цѣлостно выражаетъ всю сумму ея условій, тогда какъ промежуточныя стадіи, способныя захватить только часть своей среды, выражаютъ эти условія такъ же частично и односторонне. Поэтому, при громадномъ сходствѣ общей суммы условій, высшіе типы должны совпадать въ наибольшей мѣрѣ, а промежуточные, въ силу своей односторонности, представляютъ больше простора для различій.

Я вспомнилъ, какъ мнѣ, еще во время моихъ университетскихъ занятій, та же мысль объ ограниченномъ числѣ возможныхъ высшихъ типовъ пришла въ голову по совершенно другому поводу: у спрутовъ, морскихъ головоногихъ моллюсковъ, высшихъ организмовъ цѣлой вѣтви развитія глаза необычайно сходны съ глазами нашей вѣтви—позвоночныхъ; а между тѣмъ происхожденіе и развитіе глазъ головоногихъ совершенно иное, настолько иное, что даже соответственные слои тканей зрительнаго аппарата расположены у нихъ въ обратномъ нашему порядкѣ ..

такъ или иначе, фактъ былъ на-лицо: на другой планетѣ жили люди, похожіе на насъ, и мнѣ оставалось усердно продолжать свое ознакомленіе съ ихъ жизнью и исторіей.

Что касается до историческихъ временъ и вообще начальныхъ фазъ жизни человѣчества на Марсѣ, то и здѣсь сходство съ земнымъ міромъ было огромное. Тѣ же формы родового быта, то же обособленное существованіе отдѣльныхъ общинъ, то же развитіе связи между ними посредствомъ обмѣна. Но дальше начиналось расхожденіе, хотя и не въ основномъ направленіи развитія, а скорѣе въ его стили и характеръ.

Ходъ исторіи на Марсѣ былъ какъ-то мягче и проще, чѣмъ на землѣ. Были, конечно, войны племенъ и народовъ, была и борьба классовъ; но войны играли сравнительно небольшую роль въ исторической жизни и сравнительно рано совсѣмъ прекратились; а классовая борьба гораздо меньше и рѣже проявлялась въ видѣ столкновеній грубой силы. Это, правда, не указывалось прямо въ книгѣ, которую я читалъ, но это было очевидно для меня изъ всего изложенія.

Рабства марсіане вовсе не знали; въ ихъ феодализмъ было очень мало военщины; а ихъ капитализмъ очень рано освободился отъ національно-государственнаго дробленія и не создалъ ничего подобнаго нашимъ современнымъ арміямъ.

Объясненія всему этому я долженъ былъ искать самъ: марсіане, даже и самъ Мэнни, еще только начинали изучать исторію земного человѣчества и не успѣли произвести сравнительнаго изслѣдованія своего и нашего прошлаго.

Я вспомнилъ одинъ изъ прежнихъ разговоровъ съ Мэнни. Собираясь изучать языкъ, на которомъ говорили между собою мои спутники, я интересовался узнать, былъ ли это наиболѣе распространенный изъ всѣхъ, какіе существуютъ на Марсѣ. Мэнни объяснилъ, что это единственный литературный и разговорный языкъ всѣхъ марсіанъ.

— Когда-то и у насъ,—прибавлялъ Мэнни,—люди изъ различныхъ странъ не понимали другъ друга; но уже давно, за нѣсколько сотъ лѣтъ до социалистическаго переворота, всѣ различные діалекты сблизились и слились въ одномъ всеобщемъ языкѣ. Это произошло свободно и стихійно,—никто не старался и никто не думалъ объ этомъ. Долго сохранились еще нѣкоторыя мѣстные особенности, такъ что были какъ бы отдѣльныя нарѣчія, но достаточно понятныя для всѣхъ. Развитіе литературы покончило и съ ними.

— Я только одинъ могу объяснить себѣ это,—сказалъ я.—Очевидно, на вашей планетѣ сношенія между людьми съ самаго начала были гораздо шире, легче и тѣснѣе, чѣмъ у насъ.

— Именно такъ,—отвѣчалъ Мэнни.—На Марсѣ нѣтъ ни вашихъ громадныхъ океановъ, ни вашихъ непроходимыхъ горныхъ хребтовъ. Наши моря не велики и нигдѣ не производятъ полного разрыва суши на самостоятельные континенты; наши горы не высоки, кромѣ немногихъ стѣльных вершинъ. Вся поверхность нашей планеты въчетверо менѣе обширна, чѣмъ поверхность земли; а между тѣмъ сила тяжести у насъ въ два съ половиною раза меньше, и благодаря легкости тѣла мы можемъ довольно быстро передвигаться даже безъ искусственныхъ средствъ сообщенія: мы бѣгаемъ сами не хуже и устаемъ при этомъ не больше, чѣмъ вы, когда ѣздите верхомъ на лошадяхъ. Природа поставила между нашими племенами гораздо меньше стѣнъ и перегородокъ, чѣмъ у васъ.

Такова и была, значить, первоначальная и основная причина, помѣшавшая рѣзкому расовому и національному разединенію марсианскаго человечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полному развитію войскъ, милитаризма и вообще, системы массоваго убійства. Вѣроятно, капитализмъ силою своихъ противорѣчій все-таки дошелъ бы до созданія всѣхъ этихъ отличій высокой культуры; но и развитіе капитализма шло тамъ своеобразно, выдвигая новыя условія для политическаго объединенія всѣхъ племенъ и народовъ Марса. Именно, въ земледѣліи мелкое крестьянство было весьма рано вытѣснено крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, и скоро послѣ этого произошла націонализація всей земли.

Причина заключалась въ непрерывно возраставшемъ высыханіи почвы, съ которымъ мелкіе земледѣльцы не въ силахъ были бороться. Кора планеты глубоко поглощала воду и не отдавала ее обратно. Это было продолженіе того стихійнаго процесса, благодаря которому существовавшіе некогда на Марсѣ океаны обмелѣли и превратились въ сравнительно небольшія замкнутыя моря. Такой процессъ поглощенія идетъ и на нашей землѣ, но здѣсь онъ пока еще не зашелъ далеко; на Марсѣ, который вдвое старше Земли, положеніе уже тысячу лѣтъ тому назадъ успѣло стать серьезнымъ, такъ какъ съ уменьшеніемъ морей, естественно, шло рядомъ уменьшеніе облаковъ, дождей, а значитъ и обмелѣніе рѣкъ, и высыханіе ручьевъ. Искусственное орошеніе стало необходимымъ въ большинствѣ мѣстностей. Что могли тутъ сдѣлать независимые мелкіе земледѣльцы?

Въ однихъ случаяхъ они прямо разорялись, и ихъ земли переходили къ окрестнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, располагавшимъ достаточными капиталами для устройства орошенія. Въ другихъ случаяхъ крестьяне образовывали большія ассоціаціи, соединяя свои средства для этого общаго дѣла. Но рано или поздно такимъ ассоціаціямъ приходилось испытывать недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, вначалѣ, казалось бы, лишь временный; а разъ только заключались первые займы у крупныхъ капиталистовъ, дѣла ассоціацій начинали идти подъ гору все быстрѣе: немалую проценты по займамъ увеличивали издержки веденія дѣла, наступала необходимость въ новыхъ займахъ и т. п. Ассоціаціи подпали подъ экономическую власть своихъ кредиторовъ, и тѣ ихъ, въ концѣ концовъ, разорили, захватывая себѣ сразу участки цѣлыхъ сотенъ и тысячъ крестьянъ.

Такъ вся воздѣланная земля перешла къ нѣсколькимъ тысячамъ крупныхъ земельныхъ капиталистовъ; но внутри материковъ оставались еще огромныя пустыни, гдѣ вода не была, да и не могла быть проведена средствами отдѣльныхъ капиталистовъ. Когда государственная власть, къ тому времени уже вполне демократическая, принуждена была заняться этимъ дѣломъ, чтобы отвлечь возрастающій излишекъ пролетаріата и помочь остаткамъ вымирающаго крестьянства, то и у самой этой власти не оказалось такихъ средствъ, какія были необходимы для проведенія гигантскихъ каналовъ. Синдикаты капиталистовъ хотѣли взять дѣло въ свои руки,—но противъ этого возсталъ весь народъ, понимая, что тогда эти синдикаты вполне закрѣпостятъ себѣ и государство. Послѣ долгой борьбы и отчаяннаго сопротивленія земельныхъ капиталистовъ былъ введенъ большой прогрессивный налогъ на доходъ отъ земли. Средства, добытыя отъ этого налога, послужили фондомъ для гигантскихъ работъ по проведенію каналовъ. Сила лэндлордовъ была подорвана, и вскорѣ совершилась націонализациа земли. При этомъ исчезли послѣдніе остатки мелкаго крестьянства, потому что государство въ собственныхъ интересахъ сдавало земли только крупнымъ капиталистамъ, и земледѣльческія предпріятія стали еще болѣе обширными, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, знаменитые каналы явились и могучимъ двигателемъ экономическаго развитія, и прочной опорой политическаго единства цѣлаго человѣчества.

Когда я прочиталъ все это, то не могъ удержаться, чтобы не выразить Мэнни своего изумленія, что руками людей могли быть созданы такіе гигантскіе водные пути, видимые даже съ земли въ наши плохіе телескопы.

— Тутъ вы отчасти ошибаетесь,—замѣтилъ Мэнни:—эти каналы, дѣйствительно, громадны, но все же не по нѣсколько десятковъ километровъ ширины,—только при такихъ размѣрахъ могли бы, собственно, ихъ разглядѣть ваши астрономы. То, что они видятъ, это широкія полосы льсовъ, разведенныхъ нами вдоль каналовъ, чтобы поддерживать равномерную влажность воздуха и тѣмъ самымъ не допускать слишкомъ быстрого испаренія воды. Кажется, нѣкоторые изъ вашихъ ученыхъ угадали это.

Эпоха прорытія каналовъ была временемъ большого процвѣтанія во всѣхъ областяхъ производства и глубокаго затишья въ классовой борьбѣ. Спросъ на рабочую силу былъ громадный, и безработица исчезла. Но когда Великія Работы закончились, а вслѣдъ за ними закончилась и шедшая рядомъ капиталистическая колонизація прежнихъ пустынь, то вскорѣ разразился промышленный кризисъ, и «соціальный миръ» былъ нарушенъ. Дѣло пошло къ соціальной революціи. И опять ходъ событій былъ довольно мирный; главнымъ оружіемъ рабочихъ были стачки, до возстаній дѣло доходило лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и въ немногихъ мѣстностяхъ, почти исключительно въ земледѣльческихъ районахъ. Шагъ за шагомъ хозяева отступали передъ неизбежнымъ; и даже тогда, когда государственная власть оказалась въ рукахъ рабочей партіи, со стороны побѣжденных не послѣдовало попытки отстоять свое дѣло насиліемъ.

Выкупа, въ точномъ смыслѣ этого слова, при социализаціи орудій труда примѣнено не было. Но капиталисты были сначала оставлены на пенсіяхъ. Многие изъ нихъ играли затѣмъ крупную роль въ организаціи общественныхъ предпріятій. Нелегко было преодолѣть трудности распредѣленія рабочихъ силъ согласно призванію самихъ работниковъ. Около столѣтія существовалъ обязательный для всѣхъ, кромѣ пенсіонеровъ-капиталистовъ, рабочий день, сначала около 6 часовъ, потомъ все меньше. Но прогрессъ техники и точный учетъ свободнаго труда помогли избавиться отъ этихъ послѣднихъ остатковъ старой системы.

Вся картина ровной, не залитой, какъ у насъ, сплошь огнемъ и кровью эволюціи общества вызывала во мнѣ невольное чувство зависти. Я заговорилъ объ этомъ съ Нэтти, когда мы дочитывали книгу.

— Не знаю,—задумчиво сказалъ юноша,—но мнѣ кажется, что вы неправы. Противорѣчія острѣе на Землѣ, это вѣрно; и ея природа расточаетъ удары и смерть гораздо щедрѣ нашей. Но, можетъ быть, это именно потому, что богатства земной природы изначала несравненно большія, и

Солнце гораздо больше даетъ ей своей живой силы. Посмотрите, на сколько миллионъ лѣтъ старше наша планета, а ея человѣчество возникло лишь на нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ раньше вашего, и теперь идетъ впереди его по развитію едва ли на двѣ—три сотни лѣтъ. Мы оба челоѣчества представляются, какъ два брата. У старшаго натура спокойная и уравновѣшенная, у младшаго бурная и порывистая. Младшій братъ хуже тратитъ свои силы и дѣлаетъ больше ошибокъ: его дѣтство было болѣзненное и безпокойное, а теперь, въ переходномъ возрастѣ къ юности, бываютъ часто мучительные судорожные припадки. Но не выйдетъ ли изъ него художникъ-творецъ болѣе крупный и сильный? чѣмъ его старшій братъ, не сумѣетъ ли онъ тогда лучше и богаче украсить нашу Великую Природу? Не знаю, но мнѣ кажется, что это будетъ такъ.

Х. Прибытіе.

Управляемый ясной головой Мэнни этеронефъ безъ новыхъ приключеній продолжалъ свой путь къ далекой цѣли. Мы удалось уже сносно приспособиться къ условіямъ невѣсимаго существованія, а также и справиться съ главными трудностями языка марсіанъ,—когда Мэнни объявилъ намъ всѣмъ, что мы прошли половину пути и достигли наивысшаго предела скорости, которая отнынѣ будетъ уменьшаться.

Въ точно указанный Мэнни моментъ этеронефъ быстро и плавно перевернулся. Земля, которая давно уже изъ большого свѣтлаго серпа усилъа сдѣлаться маленькимъ, а изъ маленькаго серпа—яркой зеленоватою звѣздой вблизи солнечнаго диска, теперь изъ нижней части чернаго шара небосвода перешла въ верхнее полушаріе, а красная звѣзда Марса, ярко сіявшая надъ нашими головами, оказалась внизу.

Прошли еще десятки и сотни часовъ, и звѣзда Марса превратилась въ ясный маленькій дискъ, и скоро стали замѣтны двѣ маленькія звѣздочки его спутниковъ—Деймосъ и Фобосъ, невидимыя крошечныя планеты, ничѣмъ не заслужившія этихъ грозныхъ именъ, озапачающихъ по-гречески «Ужасъ» и «Страхъ». Серьезные марсіане оживились и все чаще приходили въ обсерваторію Энно—посмотрѣть на родныя страны. Смотрѣлъ и я, но плохо понималъ то, что видѣлъ, несмотря на терпѣливыя объясненія Энно. Тамъ было, дѣйствительно, много для меня страннаго.

Красныя пятна оказывались лѣсами и лугами, а совсѣмъ темныя— полями, готовыми къ жатвѣ. Города представлялись въ видѣ синеватыхъ пятенъ,—и только воды и снѣга имѣли понятный для меня оттѣнокъ. Веселый Энцо иногда заставлялъ меня угадывать, что я вижу въ полѣ аппарата, и мои наивныя ошибки сильно смѣшили его и Нэтти; я же за это платилъ имъ шутками въ свою очередь, называя ихъ планету царствомъ ученыхъ совъ и перепутанныхъ красокъ.

Размѣры краснаго диска все болѣе возрастали,—скоро онъ уже во много разъ превосходилъ замѣтно уменьшившійся кружокъ Солнца и былъ похожъ на астрономическую карту безъ надписей. Сила тяжести тоже замѣтно начинала прибавляться, что было для меня удивительно пріятно. Деймосъ и Фобосъ изъ свѣтлыхъ точекъ превратились въ крошечные, но ясно очерченные кружки.

Еще 15—20 часовъ, и вотъ уже Марсъ, какъ плоскошаріе, развертывается подъ нами, и простымъ глазомъ я вижу больше, чѣмъ даютъ всѣ астрономическія карты нашихъ ученыхъ. Дискъ Деймоса скользитъ по этой круглой картѣ, а Фобосъ намъ не виденъ—онъ теперь по ту сторону планеты.

Всѣ радуются вокругъ меня,—я одинъ не могу преодолѣть тревожнаго, тоскливаго ожиданія.

Ближе и ближе... Никто не въ силахъ, чѣмъ бы то ни было записаться,—всѣ смотрятъ внизъ, гдѣ развертывается другой міръ—для нихъ родной, для меня полный тайны и загадокъ. Одного Мэнни нѣтъ съ нами—онъ стоитъ у машины: послѣдніе часы пути самые опасные, надо провѣрять разстояніе и регулировать скорость.

Что же я, невольный Колумбъ этого міра, не чувствую ни радости, ни гордости, ни даже того успокоенія, которое долженъ принести видъ твердаго берега послѣ долгаго пути по океану Неосызаемаго?

Будущія событія уже бросаютъ тѣнь на настоящее...

Остается всего два часа. Скоро мы вступимъ въ предѣлы атмосферы. Сердце начинаетъ мучительно биться; я не могу больше смотрѣть и ухожу въ свою комнату. Нэтти уходитъ за мною.

Онъ начинаетъ со мною разговоръ,—не о настоящемъ, а о прошломъ, о далекой Землѣ, тамъ вверху.

— Вы должны еще туда вернуться, когда выполните задачу,—говоритъ онъ, и его слова звучатъ для меня, какъ нѣжное напоминаніе о мужествѣ.

Мы разговариваемъ объ этой задачѣ, объ ея необходимости и ея трудностяхъ. Время незамѣтно для меня проходить.

Нэтти смотритъ на хронометръ.—Мы прѣхали, пойдемъ къ нимъ!—говоритъ онъ.

Этеронефъ остановился, сдвигаются широкія металлическія пластинки, свѣжій воздухъ врывается внутрь. Чистое зеленоваго-синее небо падъ нами,—толпы народа вокругъ.

Мэнни и Стэрни выходятъ первыми, они несутъ на рукахъ прозрачный гробъ, гдѣ лежитъ оледенѣлое тѣло погибшаго товарища—Летта.

За ними выходятъ другіе. Я и Нэтти выходимъ послѣдними и вмѣстѣ, рука объ руку, идемъ черезъ многотысячную толпу людей, похожихъ на него...

ЧАСТЬ II.

I. У Мэнни.

На первое время я поселился у Мэнни, въ фабричномъ городкѣ, центрѣ и основу котораго составляетъ большая химическая лабораторія, расположенная глубоко подъ землею. Надземная часть городка разбросана среди парка на протяженіи десятка квадратныхъ километровъ: это нѣсколько сотъ жилищъ работниковъ лабораторіи, большой Домъ Собраній, Потребительный складъ—нѣчто въ родѣ универсальной лавки, и Станція Сообщеній, которая связываетъ химическій городокъ со всѣмъ остальнымъ міромъ. Мэнни былъ тамъ руководителемъ всѣхъ работъ и жилъ вблизи отъ общественныхъ зданій, рядомъ съ главнымъ спускомъ въ лабораторію.

Первое, что меня поразило въ природѣ Марса и съ тѣмъ мнѣ всего труднѣе было освоиться,—это красный цвѣтъ растений. Ихъ красящее вещество, по составу чрезвычайно близкое къ хлорофилу земныхъ растений, выполняетъ совершенно аналогичную ему роль въ жизненной экономіи природы: создаетъ ткани растений за счетъ углекислоты воздуха и энергіи солнечныхъ лучей.

Заботливый Нэтти предлагалъ мнѣ носить предохранительные очки, чтобы избавиться отъ непривычнаго раздраженія глазъ. Я отказался.

— Это цвѣтъ нашего социалистическаго знамени,—сказалъ я.— Долженъ же я освоиться съ вашей социалистической природой.

— Если такъ, то надо признать, что и въ земной флорѣ есть социализмъ, но въ скрытомъ видѣ,—замѣтилъ Мэнни.—Листья земныхъ растений имѣютъ и красный оттѣнокъ,—онъ только замаскированъ гораздо болѣе сильнымъ зеленымъ. Достаточно надѣть очки изъ стеколъ, вполне поглощающихъ зеленые лучи и пропускающихъ красные, чтобы ваши лѣса и поля стали красными, какъ у насъ.

Я не могу тратить время и мѣсто на то, чтобы описывать своеобразныя формы растений и животныхъ на Марсѣ или его атмосферу, чистую и прозрачную, сравнительно разреженную, но богатую кислородомъ, или

его небо, глубокое и темное, зеленоватого цвѣта, съ похудѣвшимъ солнцемъ и крошечными лунами, съ двумя яркими вечерними или утренними звѣздами—Венерой и Землей. Все это—страшное и чуждое тогда, прекрасное и дорогое мнѣ теперь, въ окраскѣ воспоминаній,—но такъ тѣсно связано съ задачами моего повѣствованія. Люди и ихъ отношенія—вотъ что всего важнѣе для меня; и во всей той сказочной обстановкѣ имелись они были всего фантастичнѣе, всего загадочнѣе.

Мэнни жилъ въ небольшомъ двухъ-этажномъ домикѣ, по архитектурѣ не отличавшемся отъ остальныхъ. Самая оригинальная черта этой архитектуры заключалась въ прозрачной крышѣ изъ нѣсколькихъ громадныхъ пластинокъ голубого стекла. Прямо подъ этой крышей помѣщалась спальня и комната для бесѣдъ съ друзьями. Марсіане проводятъ часы отдыха непременно среди голубого освѣщенія, ради его успокаивающаго дѣйствія, и не находятъ неприятнымъ тотъ мрачный для нашего глаза оттѣнокъ, который это освѣщеніе придаетъ человѣческому лицу.

Всѣ рабочія комнаты—кабинетъ, домашняя лабораторія, комната сообщеній—находились въ нижнемъ этажѣ, большія окна котораго свободно пропускали волны безпокойнаго краснаго свѣта, отбронентаго яркой листвою деревьевъ парка. Этотъ свѣтъ, который во мнѣ первое время вызывалъ тревожное и разсѣянное настроеніе, для марсіанъ является привычнымъ возбужденіемъ, полезнымъ при работѣ.

Въ кабинетѣ Мэнни было много книгъ и различные приборы для письма, отъ простыхъ карандашей до печатающаго фонографа. Послѣдній аппаратъ представляетъ изъ себя сложный механизмъ, въ которомъ запись фонографа при отчетливомъ произнесеніи словъ тотчасъ передается рычагамъ пишущей машины такимъ способомъ, что получается точный переводъ этой записи на обыкновенный алфавитъ. При этомъ фонограмма сохраняется въ цѣлости, такъ что ею можно пользоваться одинаково съ печатнымъ переводомъ, смотря по тому, что кажется удобнѣе.

Надъ письменнымъ столомъ Мэнни висѣлъ портретъ марсіанина средняго возраста. Черты лица его сильно напоминали Мэнни, но отличались выраженіемъ суровой энергіи и холодной рѣзительности, почти грознымъ выраженіемъ, чуждымъ Мэнни, на лицѣ котораго всегда была только спокойная и твердая воля. Мэнни рассказалъ мнѣ исторію этого человѣка.

То былъ предокъ Мэнни, великій инженеръ. Отъ жилъ задолго до соціальной революціи, въ эпоху прорытія Великихъ Каналовъ; эти гран-

діовнія работы были організовані по его плану и велись подь его руководствомъ. Его первый помощникъ, завидуя его славі и могуществу, новелъ интригу противъ него. Одинъ изъ главныхъ каналовъ, надъ которыми работало нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, начинался въ болотистой, нездоровой мѣстности. Многія тысячи работниковъ умирали тамъ отъ болѣзней, и среди остальныхъ разгоралось недовольство. Въ то самое время, какъ главный инженеръ велъ переговоры съ центральнымъ правительствомъ Марса о пенсіяхъ семьямъ погибшихъ на работѣ и тѣхъ, кто отъ болѣзней потерялъ способность къ труду,—старшій помощникъ тайно велъ агитацію противъ него среди недовольныхъ: онъ подстрекалъ ихъ устроить стачку, съ требованіемъ перенесенія работъ изъ этой мѣстности въ другую, что было невозможно по существу дѣла, такъ какъ разрушало весь планъ Великихъ Работъ, и отставивъ главного инженера, что было, конечно, вполне осуществимо. Когда тотъ узналъ все это, онъ пригласилъ къ себѣ старшаго помощника для объясненій и убилъ его на мѣстѣ. На судѣ инженеръ отказался отъ всякой защиты, а только заявилъ, что онъ считаетъ свой образъ дѣйствій справедливымъ и необходимымъ. Его приговорили къ многолѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

Но вскорѣ оказалось, что никто изъ его преемниковъ не въ силахъ вести гигантскую организацію работъ; начались недоразумѣнія, хитрости, беспорядки, весь механизмъ дѣла принесть въ разстройство, расходы возросли на сотни милліоновъ, а среди рабочихъ острое недовольство грозило перейти въ возстаніе. Центральное правительство послѣднѣе обратилось къ прежнему инженеру; ему было предложено полное помилованіе и возстановленіе въ должности. Онъ рѣшительно отказался отъ помилованія, но согласился руководить работами изъ тюрьмы.

Назначенные имъ ревизоры быстро выяснили положеніе дѣла на мѣстахъ; при этомъ были разогнаны и отданы подь судъ тысячи инженеровъ и подрядчиковъ. Заработная плата была повышена, организація доставки рабочимъ пищи, одежды, орудій труда была перестроена заново, планы работъ пересмотрѣны и исправлены. Скоро порядокъ былъ вполне возстановленъ, и громадный механизмъ сталъ работать быстро и точно, какъ послушное орудіе въ рукахъ настоящаго мастера.

* А мастеръ не только руководилъ всѣмъ дѣломъ, но и разрабатывалъ планъ его продолженія на будущіе годы; и одновременно онъ готовилъ бѣ замѣстителя въ лицѣ одного энергичнаго и талантливаго инженера, вынужденнаго изъ рабочей среды. Къ тому дню, когда истекъ срокъ

тюремного заключенія, все было подготовлено настолько, что великій мастеръ нашель возможнымъ передать дѣлю въ другія руки безъ опасенія за его судьбу; и въ тотъ самый моментъ, когда въ тюрьму явился первый министръ центрального правительства, чтобы освободить заключеннаго, главный инженеръ покончилъ съ собой.

Когда Мэнни рассказывалъ мнѣ все это, его лицо какъ-то странно измѣнилось; у него появилось то же выраженіе непреклонной суровости, и онъ сталъ совершенно похожъ на своего предка. А я почувствовалъ, до какой степени ему былъ близокъ и понятенъ этотъ человѣкъ, умершій за сотни лѣтъ до его рожденія.

Комната сообщеній была центральной комнатою нижняго этажа. Въ ней находились телефоны и соотвѣтствующіе имъ оптическіе аппараты, передающіе на какомъ угодно разстояніи изображенія того, что передъ ними происходитъ. Одни изъ приборовъ соединяли жилище Мэнни со Станціей Сообщеній, а черезъ нее—со всѣми домами города и со всѣми городами планеты. Другіе служили связью съ подземной лабораторіей, которою управлялъ Мэнни. Эти послѣдніе дѣйствовали непрерывно: на нѣсколькихъ тонко-рѣшетчатыхъ пластинкахъ видны были уменьшенные изображенія освѣщенныхъ залъ, гдѣ находились большія металлическіе машины и стеклянные аппараты, а передъ ними—десятки и сотни работающихъ людей. Я обратился къ Мэнни съ просьбой взять меня съ собой въ эту лабораторію.

— Это неудобно,—отвѣчалъ онъ.—Тамъ ведутся работы надъ матеріей въ ея неустойчивыхъ состояніяхъ; и какъ ни мала, при палыхъ предосторожностяхъ, опасность взрыва или отравленія невидимыми лучами, по эта опасность всегда существуетъ. Вы не должны ей подвергаться, потому что вы теперь у насъ одинъ и замѣнить васъ было бы некъмъ.

Въ домашней лабораторіи Мэнни находились всегда только тѣ приборы и матеріалы, которые относились къ его изслѣдованіямъ, выполняемымъ въ данное время.

Въ корридорѣ нижняго этажа у потолка была подвѣшена воздушная гондола, на которую во всякое время можно было сѣсть и отправиться куда угодно.

— Гдѣ живетъ Нэтти?—спросилъ я у Мэнни.

— Въ большомъ городѣ, въ двухъ часахъ воздушнаго пути отсюда. Тамъ находится машинный заводъ съ нѣсколькими десятками тыся

работниковъ, и у Нэтти больше матеріала для его медицинскихъ изслѣдованій. Здѣсь же у насъ есть другой докторъ.

— А машинный заводъ мнѣ не воспрещается осмотрѣть при случаѣ?

— Конечно, нѣтъ; тамъ не угрожаютъ никакія особенныя опасности. Если хотите, мы завтра же отправимся туда вмѣстѣ.

Такъ мы и рѣшили.

II. На заводѣ.

Около 500 километровъ въ два часа—скорость самаго быстрого соколиного полета, не достигнутая до сихъ поръ даже нашими электрическими дорогами... Внизу развѣртывались въ быстрой снѣгѣ незнакомые, странные ландшафты; еще быстрее проносились иногда мимо насъ незнакомыя странныя птицы. Лучи солнца вспыхивали синимъ свѣтомъ на крышахъ домовъ и обычнымъ желтоватымъ свѣтомъ на огромныхъ куполахъ какихъ-то незнакомыхъ мнѣ зданій. Рѣки и каналы мелькали стальными лентами; мои глаза отдыхали на нихъ, потому что они были такія же, какъ на землѣ. Вотъ вдаль сталъ виденъ огромный городъ, раскинутый вокругъ маленькаго озера и перерѣзанный каналомъ. Гондола замедлила ходъ и плавно опустилась около небольшого красиваго домика—домика Нэтти.

Нэтти былъ дома, и радостно насъ встрѣтилъ. Опъ сѣлъ въ нашу гондолу, и мы отправились дальше: заводъ былъ еще въ нѣсколькихъ километрахъ, на той сторонѣ озера.

Пять громаднхъ зданій, расположенныхъ крестообразно, всѣ одинаковаго устройства; чистый стеклянный сводъ, лежащій на нѣсколькихъ десяткахъ темныхъ колоннъ, образующихъ точный кругъ или мало растянутый эллипсъ; такія же стеклянныя пластинки, поочередно прозрачныя и матовыя, между колоннами въ видѣ стѣнъ. Мы остановились у центральнаго, самаго большаго корпуса, передъ воротами, занимавшими цѣлый промежутокъ отъ колонны до колонны, метровъ 10 ширины и метровъ 12 вышины. Потолокъ перваго этажа горизонтально перерѣзывалъ по серединѣ пространство воротъ; нѣсколько паръ рельсовъ входили въ ворота и терялись внутри корпуса.

Мы поднялись къ верхней половинѣ воротъ и, оглушенные шумомъ машинъ, сразу попали во второй этажъ. Впрочемъ, это не былъ особый

этажъ въ точномъ смыслѣ слова, а спорѣ сѣть воздушныхъ мостиковъ, оплетавшая со всѣхъ сторонъ гигантскія машины незнакомаго мнѣ устройства. На нѣсколько метровъ надъ нею находилась другая подобная сѣть, еще выше третья, четвертая, пятая; всѣ онѣ были образованы изъ стекляннаго паркета, охваченнаго брусьями желѣзныхъ рѣшетокъ, всѣ были связаны множествомъ подъемниковъ и лѣстницъ, и каждая слѣдующая сѣть была меньше предыдущей.

Ни дыма, ни копоти, ни запаха, ни мелкой пыли. Среди чистаго, свѣжаго воздуха машины, залитыя свѣтомъ, не яркимъ, но проникающимъ всюду, работали стройно и разбѣренно. Онѣ рѣзали, пилили, строга-ли, сверлили громадные куски желѣза, алюминія, никкеля, мѣди. Рычаги, похожіе на исполинскія стальные руки, двигались ровно и плавно; большія платформы ходили впередъ и назадъ со стихійной точностью; колеса и передаточные ремни казались неподвижными. Не грубая сила огня и пара, а тонкая, но еще болѣе могучая сила электричества была душой этого грознаго механизма.

Самый шумъ машинъ, когда ухо къ нему нѣсколько привыкало, начиналъ казаться почти мелодичнымъ, кромѣ тѣхъ моментовъ, когда падаетъ главный молотъ въ нѣсколько тысячъ тоннъ и все содрогается въ громовомъ ударѣ.

Сотни работниковъ увѣренно ходили между машинами, и ни шаги ихъ, ни голоса не были слышны среди моря звуковъ. Въ выраженіи ихъ лицъ не было напряженной озабоченности, а только спокойное вниманіе; они казались любознательными, учеными наблюдателями, которые, собственно, не при чемъ во всемъ происходящемъ; имъ просто интересно видѣть, какъ громадные куски металла, на рельсовыхъ платформахъ всплывающіе подъ прозрачный куполъ, попадаютъ въ желѣзныя объятія темныхъ чудовищъ, какъ эти чудовища затѣмъ разгрызаютъ ихъ своими крѣпкими челюстями, вьнутъ своими тяжелыми, твердыми лапами, строгаютъ и сверлятъ своими блестящими, острыми когтями и какъ, наконецъ, остатки этой жестокой игры увозятся съ другой стороны корпуса легкими вагонами электрической дороги въ видѣ стройныхъ и изящныхъ машинныхъ частей съ загадочнымъ назначеніемъ. Казалось вполнѣ естественнымъ, что стальные чудовища не трогаютъ маленькихъ большеглазыхъ созерцателей, доврчиво гуляющихъ между ними: это было просто пренебреженіе къ слабости, признаніе добычи слишкомъ ничтожною, недостойною грозной силы гигантовъ. Были неувидимы и неслышимы

со стороны тѣхъ нити, которыя связывали пѣжрый мозгъ людей съ несокрушимыми органами механизма.

Когда мы, наконецъ, вышли изъ корпуса, водившій насъ техникъ спросилъ, желаемъ ли мы осматривать другіе корпуса и вспомогательныя строенія сейчасъ же или намѣрены сдѣлать перерывъ для отдыха. Я высказался за перерывъ.

— Я видѣлъ машины и работниковъ,—сказалъ я,—по самой организаціи труда совершенно себя не представляю. Вотъ объ этомъ мнѣ хотѣлось бы спросить васъ.

Вмѣсто отвѣта, техникъ повелъ насъ къ малпськскому кубической формы строенію, находившемуся между центральнымъ и однимъ изъ угловыхъ корпусовъ. Такихъ строеній было еще три, и всѣ они были аналогично расположены. Ихъ черныя стѣны были покрыты рядами блестящихъ бѣлыхъ знаковъ: это были просто таблицы статистики труда. Я уже владѣлъ языкомъ марсіанъ настолько, что могъ разбирать ихъ. На одной, отмѣченной номеромъ первымъ, значилось:

«Машинное производство имѣетъ излишекъ въ 968.757 рабочихъ часовъ ежедневно, изъ нихъ 11.325 часовъ труда опытныхъ специалистовъ.

«На этомъ заводѣ излишекъ 753 часа, изъ нихъ 29 часовъ труда опытныхъ специалистовъ.

«Нѣтъ недостатка работниковъ въ производствахъ: земледѣльческомъ, горномъ, земляныхъ работъ, химическомъ...» и т. д. (было перечислено въ алфавитномъ порядкѣ множество различныхъ отраслей труда).

На таблицѣ номеръ второй было написано:

«Производство одежды имѣетъ недостатокъ въ 392.685 рабочихъ часовъ ежедневно, изъ нихъ 21.380 часовъ труда опытныхъ механиковъ для специальныхъ машинъ и 7.852 часа труда специалистовъ-организаторовъ.

«Производство обуви пуждается въ 79.360 часахъ; изъ нихъ...» и т. д.

«Институтъ подсчетовъ—въ 3.078 часахъ...» и т. д.

Такого же содержанія были и таблицы номеровъ 3-го и 4-го. Въ списокѣ отраслей труда были и такія, какъ воспитаніе дѣтей младшаго возраста, воспитаніе дѣтей средняго возраста, медицина городовъ, медицина сельскихъ округовъ и проч.

— Почему излишек труда точно указанъ только въ машинномъ производствѣ, а недостатокъ повсюду отмѣченъ съ такими подробностями?—спросилъ я,

— Это очень понятно,—отвѣчала Мэнни: посредствомъ таблицъ надо повліять на распредѣленіе труда; для этого необходимо, чтобы каждый могъ видѣть, гдѣ рабочей силы не хватаетъ, и въ какой именно мѣрѣ. Тогда, при одинаковой или приблизительно равной склонности къ двумъ занятіямъ, человѣкъ выберетъ то изъ нихъ, гдѣ недостатокъ сильнѣе. А объ излишкѣ труда знать точныя данныя достаточно только тамъ, гдѣ этотъ излишекъ имѣется, чтобы каждый работникъ такой отрасли могъ сознательно принять въ расчетъ и степень излишка и степень своей склонности къ перемѣнѣ занятія.

Въ то время, какъ мы такимъ образомъ разговаривали, я вдругъ замѣтилъ, что нѣкоторыя цифры таблицы исчезли, а затѣмъ на ихъ мѣстѣ появились новыя. Я спросилъ, что это значить.

— Цифры мѣняются каждый часъ,—объяснилъ Мэнни:—въ теченіе часа нѣсколько тысячъ человѣкъ успѣли заявить о своемъ желаніи перейти съ однихъ работъ на другія. Центральнѣйшій статистическій механизмъ все время отмѣчаетъ это, и каждый часъ электрическая передача разноситъ его сообщенія повсюду.

— Но какимъ образомъ центральная статистика устанавливаетъ свои цифры излишка и недочета?

— Институтъ подсчетовъ имѣетъ вездѣ свои агентуры, которыя слѣдить за движеніемъ продуктовъ въ складахъ, за производительностью всѣхъ предприятий и измѣненіемъ числа работниковъ въ нихъ. Этимъ путемъ точно выясняется, сколько и чего слѣдуетъ произвести на опредѣленный срокъ и сколько рабочихъ часовъ для этого требуется. Затѣмъ институту остается подсчитывать по каждой отрасли труда разницу между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть, и сообщать объ этомъ повсюду. Потокъ добровольцевъ тогда возстановляетъ равновѣсіе.

— А потребленіе продуктовъ ничѣмъ не ограничено?

— Рѣшительно ничѣмъ: каждый беретъ то, что ему нужно, и столько, сколько хочетъ.

— И при этомъ не требуется ничего похожего на деньги, никакихъ свидѣтельствъ о количествѣ выполненнаго труда, или обязательствъ его выполнить, или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ?

— Ничего подобного. Въ свободномъ трудѣ у насъ и безъ этого никогда не бываетъ недостатка: трудъ—естественная потребность развитого соціального человѣка, и всякіе виды замаскированнаго или явнаго принужденія къ труду совершенно для насъ излишни.

— Но если потребленіе ничѣмъ не ограничено, то не возможны ли въ немъ рѣзкія колебанія, которыя могутъ опрокинуть всѣ статистическіе расчеты?

— Конечно, нѣтъ. Отдѣльный человѣкъ, можетъ быть, станетъ ѣсть то или иное кушанье въ двойномъ, въ тройномъ противъ обычнаго количества или захочетъ переменить десять костюмовъ въ десять дней, но общество въ три тысячи миллионовъ человѣкъ не подвержено такимъ колебаніямъ. При такихъ большихъ числахъ отклоненія въ ту и другую сторону уравниваются, и среднія величины измѣняются очень медленно, въ строгой непрерывности.

— Такимъ образомъ, ваша статистика работаетъ почти автоматически,—простыя вычисленія, и ничего больше?

— Ну, нѣтъ, Трудности тутъ очень большія. Институтъ подсчетовъ долженъ зорко слѣдить и за новыми изобрѣтеніями и за измѣненіемъ природныхъ условій производства, чтобы ихъ точно учитывать. Вводится новая машина,—она сразу требуетъ перемѣщенія труда какъ въ той области, гдѣ примѣняется, такъ и въ машинномъ производствѣ, а иногда и въ производствѣ матеріаловъ для той или другой отрасли. Истощается руда, открываются новыя минеральныя богатства,—опять перемѣщеніе труда въ цѣломъ рядѣ развѣтвленій производства—въ горномъ дѣлѣ, въ постройкѣ рельсовыхъ путей и т. д. Все это надо разсчитать съ самаго начала если не вполне точно, то съ достаточной степенью приближенія,—а это вовсе не легко, пока не будутъ получены данныя прямого наблюденія.

— При такихъ трудностяхъ,—замѣтилъ я,—очевидно, необходимо имѣть постоянно въ запасѣ нѣкоторый излишекъ труда?

— Именно такъ,—въ этомъ и заключается главная опора нашей системы. Лишь 200 тому назадъ, когда коллективнаго труда лишь кое-какъ хватало для удовлетворенія всѣхъ потребностей общества, тогда была необходима полная точность въ расчетахъ, и распределеніе труда не могло даже совершаться вполне свободно: существовалъ обязательный рабочій день, и въ его предѣлахъ приходилось не всегда и не вполне считаться съ призваніемъ товарищей. Но каждое изобрѣтеніе, создавая

статистикѣ временныя трудности, облегчало главную задачу—переходъ къ неограниченной свободѣ труда. Сначала рабочій день сокращался, затѣмъ, когда во всѣхъ областяхъ труда оказался избытокъ, всякая обязательность была окончательно устранена. Замѣтите, какъ незначительны всѣ цифры, выражающія недостатокъ труда по производствамъ: тысячи, десятки, сотни тысячъ рабочихъ часовъ, не болѣе,—это при милліонахъ и десяткахъ милліоновъ часовъ труда, который уже затрачивается въ тѣхъ же производствахъ.

— Однако, и недостатокъ труда все же бываетъ,—возразилъ я.— Правда, опъ, вѣроятно, покрывается послѣдующимъ избыткомъ, не такъ ли?

— И не только послѣдующимъ избыткомъ. Въ дѣйствительности, самое вычисленіе необходимаго труда ведется такимъ образомъ, что къ основной цифрѣ надбавляется еще нѣкоторое количество. Въ самыхъ важныхъ для общества отрасляхъ—въ производствѣ пищи, одежды, зданій, машинъ—эта надбавка достигаетъ 6 процентовъ, въ менѣе важныхъ—1—2 процента. Такимъ образомъ, цифры недостатка въ этихъ таблицахъ выражаютъ, вообще говоря, только относительный, а не абсолютный недочетъ. Если бы обозначенные здѣсь десятки и сотни тысячъ часовъ и не были пополены, это еще не значить, что общество стало бы терпѣть недостатокъ.

— А сколько времени работаетъ ежедневно каждый, напр., на этомъ заводѣ?

— Большею частью 2, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ часа,—отвѣтилъ техникъ;—но бываетъ и меньше, и больше. Вотъ, напр., товарищъ, который завѣдуетъ главнымъ молотомъ, до того увлекается своей работой, что никому не позволяетъ смѣнить себя за все рабочее время завода, т.-е. 6 часовъ ежедневно.

Я мысленно перевелъ для себя всѣ эти цифры на земной счетъ съ марсіанскаго, по которому сутки, немного болѣе длинныя, чѣмъ наши, заключаютъ въ себѣ 10 часовъ. Оказалось: обычная работа 4, 5, 6 часовъ; наибольшая продолжительность—15 часовъ, т.-е. такая, какъ у насъ, на Землѣ, въ наиболѣе эксплуатируемыхъ предпріятіяхъ.

— А развѣ не вредно товарищу при молотѣ работать такъ много?—спросилъ я.

— Пока еще не вредно,—отвѣчалъ Нэтти,—еще съ полноца онъ можетъ позволять себѣ такую роскошь. Но я, конечно, предупредилъ его объ

опасностяхъ, которыми угрожаетъ ему его увлеченіе. Одна изъ нихъ—это возможность судорожнаго психическаго припадка, который съ непреодолимой силой потянетъ его подъ молотъ. Въ прошломъ году подобный случай произошелъ на этомъ же заводѣ съ другимъ механикомъ—такимъ же любителемъ сильныхъ ощущеній. Только благодаря счастливой случайности успѣли оставить молотъ, и невольное самоубійство не удалось. Жажда сильныхъ ощущеній сама по себѣ не есть еще болѣзнь, но она легко подвергается извращеніямъ, какъ только первая система хоть немного пошатнулася отъ переутомленія, душевной борьбы или какой-нибудь случайной болѣзни. Вообще же я, разумѣется, не упускаю изъ виду тѣхъ товарищей, которые неумѣренно предаются какой бы то ни было однообразной работѣ.

— А не долженъ ли былъ бы этотъ товарищъ, о которомъ мы говоримъ, сократить свою работу въ виду того, что въ машинномъ производствѣ есть избытокъ труда?

— Конечно, пѣтъ,—засмѣялся Мэнни:—почему именно онъ долженъ за свой счетъ восстанавливать равновѣсіе? Статистика никого ни къ чему не обязываетъ. Каждый принимаетъ ее во вниманіе при своихъ расчетахъ, но не можетъ руководиться ею одной. Если бы вы пожелали немедленно поступить на этотъ заводъ, вамъ, вѣроятно, попалась бы работа, а въ центральной статистикѣ цифра излишка увеличилась бы на 1—2 часа, только и всего. Вліяніе статистики непрерывно сказывается на массахъ перемѣщеніяхъ труда, но каждая личность свободна.

За разговоромъ мы успѣли достаточно отдохнуть, и всѣ, кромѣ Мэнни, отправились дальше осматривать заводъ. А Мэнни уѣхалъ домой—его вызывали въ лабораторію.

Вечеромъ я рѣшилъ остаться у Нэтти: онъ обѣщалъ на слѣдующій день свести меня въ «домъ дѣтей», гдѣ одной изъ воспитательницъ была его мать.

III. Домъ дѣтей.

«Домъ дѣтей» занималъ цѣлую значительную и при томъ лучшую часть города, съ населеніемъ въ 15—20 тысячъ человѣкъ. Это населеніе составляли, дѣйствительно, почти только дѣти съ ихъ воспитателями. Такія учрежденія имѣются во всѣхъ большихъ городахъ планеты, а во многихъ случаяхъ образуютъ и самостоятельные города; только въ маленькихъ

поселеніяхъ, такихъ, какъ «химическій городокъ» Мэнни, ихъ по большей части нѣтъ.

Большіе двухъ-этажные дома съ обычными голубыми крышами, разбросанные среди садовъ съ ручейками, прудами, площадками для игръ и гимнастики, грядками цвѣтовъ и полезныхъ травъ, домиками для ручныхъ животныхъ и птицъ... Толпы большеглазыхъ ребятишекъ неизвѣстнаго пола—благодаря одинаковому для мальчиковъ и дѣвочекъ костюму... Правда, и среди взрослыхъ марсіанъ трудно различать мужчинъ и женщинъ по костюму,—въ основныхъ чертахъ онъ одинаковъ, нѣкоторая разница только въ стилѣ: у мужчинъ платье болѣе точно передаетъ формы тѣла, у женщинъ въ большей мѣрѣ ихъ маскируетъ. Во всякомъ случаѣ, та немолодая особа, которая встрѣтила насъ при выходѣ изъ гол-долы, передъ дверями одного изъ самыхъ большихъ домовъ, была, несомнѣнно, женщина, ибо Нэтти, обнимая, назвала ее «мамой». Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ, впрочемъ, часто обозначалъ ее, какъ и всякаго другого товарища, просто по имени—Нэлла.

Марсіанка уже знала о цѣли нашего пріѣзда и прямо повела насъ въ свой «домъ дѣтей», по всѣмъ его отдѣленіямъ, начиная съ отдѣленія самыхъ маленькихъ, которымъ она сама завѣдывала, до отдѣленія старшаго дѣтскаго возраста, граничащаго съ отрочествомъ. Маленькія чудовища по пути присоединялись къ намъ и шли за нами, съ интересомъ наблюдая своими огромными глазами человѣка съ другой планеты,—они хорошо знали, кто я такой; и когда мы обходили послѣднія отдѣленія, насъ сопровождала уже цѣлая толпа, хотя большинство ребятишекъ еще съ утра разбѣжалось по садамъ.

Всего жило въ этомъ домѣ около 300 дѣтей различныхъ возрастовъ. Я спросилъ Нэллу, почему въ домахъ дѣтей всѣ возрасты соединяются вмѣстѣ, а не отдѣляются каждый въ особомъ домѣ, что значительно облегчило бы раздѣленіе труда между воспитателями и упростило бы всю ихъ работу.

— Потому что тогда не было бы дѣйствительнаго воспитанія,—отвѣчала мнѣ Нэлла.—Чтобы получить воспитаніе для общества, ребенокъ долженъ жить въ обществѣ. Всего больше жизненнаго опыта и знаній дѣти усваиваютъ другъ у друга. Изолировать одинъ возрастъ отъ другого—значило бы создавать для нихъ одностороннюю и узкую жизненную среду, въ которой развитіе будущаго человѣка должно идти медленно, вяло и однообразно. И для прямой активности различіе возрастовъ даетъ наибольшую

шій просторъ. Старшія дѣти—наши лучшіе помощники въ уходѣ за маленькими. Нѣтъ, мы не только сознательно соединяемъ всѣ дѣтскіе возрасты, но и воспитателей въ каждомъ дѣтскомъ домѣ стараемся подобрать самыхъ различныхъ возрастовъ и различныхъ практическихъ спеціальностей.

— Однако, въ этомъ домѣ дѣти распределены по отдѣленіямъ сообразно съ возрастомъ,—это какъ будто не согласуется съ тѣмъ, что вы говорите?

— Дѣти собираются по отдѣленіямъ только для того, чтобы спать, завтракать, обѣдать,—тутъ, конечно, нѣтъ надобности смѣшивать различные возрасты. Но для игръ и занятій они постоянно группируются такъ, какъ это имъ самимъ нравится. Даже когда бываютъ какія-нибудь чтенія, беллетристическія или научныя, для дѣтей одного отдѣленія,—въ аудиторію всегда набивается масса ребятшекъ всѣхъ другихъ отдѣленій. Дѣти сами выбираютъ себѣ свое общество и сами любятъ сходиться съ дѣтьми другихъ возрастовъ, а особенно со взрослыми.

— Нелла,—сказалъ въ это время, выступая изъ толпы, одинъ малышъ,—Эста унесла мою лодочку, которую я самъ сдѣлалъ; возьми лодочку у нея и отдай мнѣ.

— А она гдѣ?—спросила Нелла.

— Она убѣжала къ пруду спускать лодочку на воду,—объяснилъ ребенокъ.

— Ну, у меня сейчасъ нѣтъ времени идти туда; пусть кто-нибудь изъ старшихъ дѣтей идетъ съ тобой и убѣдитъ Эсту не обижать тебя. А всего лучше, иди туда одинъ и помогай ей спускать лодочку; нѣтъ ничего удивительнаго, что лодочка ей понравилась, если сдѣлана хорошо.

Ребенокъ ушелъ, а Нелла обратилась къ остальнымъ:

— А вы, дѣтки, хорошо бы сдѣлали, если бы оставили насъ однихъ. Иностранцу едва ли пріятно, что на него таращится сотня дѣтскихъ глазъ. Представь себѣ, Эльви, что на тебя внимательно смотритъ цѣлая толпа такихъ иностранцевъ. Что бы ты тогда сдѣлала?

— Я бы убѣжала,—храбро заявилъ ближайшій изъ толпы, котораго она назвала. И всѣ дѣти въ ту же минуту со смѣхомъ разбѣжались. Мы вышли въ садъ.

— Да, вотъ, посмотрите, какова сила прошлаго,—съ улыбкой сказала воспитательница:—казалось бы, коммунизмъ у насъ полный, отказывать дѣтямъ почти никогда ни въ чемъ не приходится,—откуда взяты чув-

ству личной собственности? А ребенок приходит и заявляет: «моя» лодочка, «я самъ» дѣлалъ. И это очень часто; иногда дѣло доходитъ и до драки. Ничего не подѣлаешь,—общій законъ жизни: развитіе организма сокращенно повторяетъ развитіе вида, развитіе личности такимъ же образомъ повторяетъ развитіе общества. Самоопредѣленіе ребенка средняго и старшаго возраста въ большинствѣ случаевъ имѣетъ такой смутно-индивидуалистическій характеръ. Приближеніе половой зрѣлости сначала еще усиливаетъ этотъ отгѣнокъ. Только въ юношескомъ возрастѣ социальная среда настоящаго омонотельно побуждаетъ остатки прошлаго.

— А вы знакомите дѣтей съ этимъ прошлымъ?—спросилъ я.

— Конечно, знакомимъ; и они очень любятъ разговоры и рассказы о старыхъ временахъ. Сначала для нихъ это сказки, красивыя, немножко страшныя сказки о другомъ мірѣ, далекомъ и странномъ, но пробуждающемъ своими картинками борьбы и насилія неясныя отзвуки въ атактистической глубинѣ дѣтскихъ инстинктовъ. Только впоследствии, преодолевая живые остатки прошлаго въ своей собственной душѣ, ребенокъ научается яснѣе воспринимать связь временъ, и картины-сказки становятся для него дѣйствительностью исторіи, преобразуются въ живыя звенья живой непрерывности.

Мы шли по аллеямъ обширнаго сада. Временами намъ попадались группы дѣтей, занятыхъ то играми, то рытвемъ канавокъ, то работой съ какими-нибудь ремесленными инструментами, то постройкой бѣсѣдокъ, то просто оживленнымъ разговоромъ. Всѣ они съ интересомъ обращались на меня, но никто не шелъ за нами: повидимому, всѣ были предупреждены. Большинство встрѣчавшихся группъ были смѣшаннаго возраста; во многихъ было по одному, по двое взрослыхъ.

— Въ нашемъ домѣ довольно много воспитателей,—замѣтилъ я.

— Да, особенно если въ числѣ ихъ считать всѣхъ дѣтей старшаго возраста, какъ это по справедливости слѣдуетъ. Но воспитателей-специалистовъ у насъ здѣсь всего трое; остальные взрослые, которыхъ вы видите, это большей частью матери и отцы, временно поселяющіеся у насъ около своихъ дѣтей, или молодые люди, желающіе изучить дѣло воспитанія.

— Что же, всѣ желающіе родители могутъ здѣсь поселиться, чтобы жить со своими дѣтьми?

— Да, разумѣется; и нѣкоторыя изъ матерей живутъ здѣсь по нѣскольку лѣтъ. Но большинство ихъ пріѣзжаетъ время отъ времени

на педѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ. Отцы живутъ здѣсь рѣже. Въ нашемъ домѣ всего 60 отдѣльныхъ комнатъ для родителей и для тѣхъ дѣтей, которыя ищутъ уединенія,—и я не помню случая, чтобы этихъ комнатъ не хватало.

— Значитъ, и дѣти иногда отказываются жить въ общихъ помѣщеніяхъ?

— Да, дѣти старшаго возраста нерѣдко предпочитаютъ жить отдѣльно. Въ этомъ сказывается отчасти тотъ неопредѣленный индивидуализмъ, о которомъ я вамъ говорила, отчасти же, особенно у дѣтей, склонныхъ сильно углубляться въ научныя занятія, просто стремленіе отстранить все, что развлекаетъ и разсѣиваетъ вниманіе. Въдѣ и изъ числа взрослыхъ у насъ любятъ жить совершенно отдѣльно главнымъ образомъ тѣ, кто всего больше занимается научными изслѣдованіями или художественнымъ творчествомъ.

Въ этотъ моментъ впереди себя на небольшой полянкѣ мы замѣтили ребенка, на мой взглядъ лѣтъ шести или семи, который съ палкой въ рукахъ гонялся за какимъ-то животнымъ. Мы ускорили шаги; ребенокъ не обращалъ на насъ вниманія. Въ тотъ моментъ, какъ мы подошли, онъ наступилъ свою добычу,—это оказалось нѣчто въ родѣ большой лягушки,—и сильно ударилъ ее палкой. Животное медленно поползло по травѣ съ перепищенной лапой.

— Затѣмъ ты это сдѣлалъ, Альдо?—спокойно спросила Нелла.

— Я никакъ не могъ ее поймать, она все убѣгала,—объяснилъ мальчикъ.

— А ты знаешь, что ты сдѣлалъ? Ты причинилъ лягушкѣ боль и переломилъ ей лапку. Дай сюда палку, я тебѣ объясню это.

Мальчикъ подалъ тросточку Нэллѣ, и она быстрымъ движеніемъ сильно ударила его по рукѣ. Мальчикъ вскрикнулъ.

— Тебѣ больно, Альдо?—все такъ же спокойно спросила воспитательница.

— Очень больно, злая Нелла!—отвѣчалъ онъ.

— А лягушку ты ударилъ сильнѣе этого. Я только ушибла тебѣ руку, а ты ей сломалъ лапку. Ей не только гораздо больнѣе, чѣмъ тебѣ, но она теперь не можетъ бѣгать и прыгать, ей нельзя будетъ находить пищу, и она умретъ съ голоду, или ее загрызутъ злые животныя, отъ которыхъ она не можетъ убѣжать. Что ты объ этомъ думаешь, Альдо?

Ребенокъ стоялъ молча, со слезами боли на глазахъ, придерживая ушибленную руку другой рукой. Но онъ задумался. Черезъ минуту онъ сказалъ:—Надо починить ей ланку.

— Вотъ это вѣрно,—сказалъ Нэтти.—Дай, я научу тебя, какъ это сдѣлать.

Они тотчасъ поймали раненое животное, которое успѣло отползти только на нѣсколько шаговъ. Нэтти вынулъ свой платокъ и разорвалъ его на полоски, а Альдо, по его указанію, принесъ ему нѣсколько тонкихъ щепочекъ. Затѣмъ они оба, съ серьезностью истинныхъ дѣтей, заняты очень важнымъ дѣломъ, принялись устраивать плотную, укрѣпляющую повязку на сломанную ланку лягушки.

Вскорѣ я и Нэтти собрались уходить домой.

— Да, вотъ что,—вспомнила Нелла:—сегодня вечеромъ вы могли бы застать у насъ вашего стараго друга Энно. Онъ будетъ читать дѣтямъ старшаго возраста о планетѣ Венерѣ.

— Значить, онъ живетъ въ этомъ же городѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, обсерваторія, въ которой онъ работаетъ, лежитъ въ трехъ часахъ пути отсюда. Но онъ очень любитъ дѣтей и не забываетъ меня, свою старую воспитательницу. Поэтому онъ часто пріѣзжаетъ сюда и каждый разъ рассказываетъ дѣтямъ что-нибудь интересное.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, мы, разумѣется, опять явились въ домъ дѣтей, въ большую аудиторію, гдѣ собрались уже всѣ дѣти, кромѣ совѣтъ маленькихъ, и нѣсколько десятковъ взрослыхъ. Энно радостно меня встрѣтилъ.

— Я выбралъ тему какъ будто нарочно для васъ,—шутливо говорилъ онъ.—Васъ огорчаетъ отсталость вашей планеты и злые нравы вашего человечества. Я буду рассказывать о такой планетѣ, гдѣ высшіе представители жизни пока только—динозавры и летучіе ящеры, а ихъ обычай хуже, чѣмъ у вашей буржуазіи. Вашъ каменный уголь тамъ не горитъ въ огнѣ капитализма, а еще только растетъ въ видѣ гигантскихъ лѣсовъ. Поѣдемъ когда-нибудь туда вмѣстѣ охотиться на динозавровъ? Это—тамошніе Ротшильды и Рокфеллеры, правда, много умѣреннѣе вашихъ земныхъ, но зато гораздо менѣе культурные. Тамъ царство самаго первоначальнаго накопленія, забытаго въ «Капиталѣ» вашего Маркса... Ну, Нелла уже хмурится на мою легкомысленную болтовню. Сейчасъ начинаю.

Онъ увлекательно описывалъ далекую планету, съ ея глубокими бурными океанами и горами громадной высоты, съ ея жгучимъ солнцемъ и густыми бѣлыми облаками, съ ея страшными ураганами и грозами, съ ея безобразными чудовищами и величественными исполинскими растеніями. Все это онъ иллюстрировалъ живыми фотографіями на экранѣ, занимавшемъ цѣлую стѣну залы. Голосъ Энно одинъ былъ слышенъ во мракѣ; глубокое вниманіе царило въ залѣ. Когда онъ, описывая приключенія первыхъ путешественниковъ въ этомъ мірѣ, рассказалъ, какъ одинъ изъ нихъ ручной гранатой убилъ исполинскую ящерицу, произошла страшная маленькая сцена, не замѣченная большинствомъ публики. Альдо, все время державшійся около Нэллы, вдругъ тихо заплакалъ.

— Что съ тобой?—наклонившись къ нему, спросила Нелла.

— Мнѣ жаль чудовище. Ему было очень больно, и оно совсѣмъ умерло,—тихо отвѣчалъ мальчикъ.

Нелла обняла ребенка и стала что-то ему объяснять вполголоса; но онъ не скоро еще успокоился.

А Энно между тѣмъ рассказывалъ о неисчислимыхъ естественныхъ богатствахъ прекрасной планеты, о ея гигантскихъ водопадахъ въ сотни милліоновъ лошадиныхъ силъ, о благородныхъ металлахъ, найденныхъ прямо на поверхности ея горъ, о богатѣйшихъ залежахъ радія на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, о запасахъ энергіи на сотни тысячъ лѣтъ. Я еще не настолько владѣлъ языкомъ, чтобы чувствовать красоту изложенія, но самыя картины приковывали мое вниманіе такъ же всецѣло, какъ и вниманіе дѣтей. Когда Энно кончилъ, и зала освѣтилась, мнѣ стало даже немного грустно,—какъ дѣтямъ бываетъ жаль, когда окончена красивая сказка.

По окончаніи лекціи начались вопросы и возраженія со стороны слушателей. Вопросы были разнообразны, какъ сами слушатели; они касались то подробностей въ картинахъ природы, то способовъ борьбы съ этой природой. Былъ и такой вопросъ: черезъ сколько времени на Венерѣ должны были бы изъ ея собственной природы появиться люди, и какое должно у нихъ быть устройство тѣла?

Возраженія, большей частью наивныя, но иногда и довольно остроумныя, направлялись, главнымъ образомъ, противъ того вывода Энно, что въ настоящую эпоху Венера—планета очень неудобная для людей, и едва ли скоро удастся использовать сколько-нибудь значительно ея великія богатства. Юные оптимисты энергично возставали противъ этого

положенія, выражавшаго взгляды большинства исследователей. Энно указывалъ, что жгучее солнце и влажный воздухъ съ массою бактерій создаютъ для людей, опасность многихъ болѣзней, что испытали на себѣ всѣ путешественники, побывавшіе на Венерѣ; что ураганы и грозы затрудняютъ работу и угрожаютъ жизни людей, и многое другое. Дети находили, что передъ подобными препятствіями странно отступать, когда надо овладѣть такой прекрасной планетой. Для борьбы съ бактеріями и болѣзнями надо какъ можно скорѣе послать туда тысячу врачей, для борьбы съ ураганами и грозами—сотни тысячъ строителей, которые проведутъ, гдѣ надо, высокія стѣны и поставятъ громоотводы. «Пусть девять десятыхъ погибнетъ,—говорилъ одинъ пылкій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати,—тутъ есть изъ-за чего умереть, лишь бы была одержана побѣда!» И по его горящимъ глазамъ было видно, что самъ онъ, конечно, не отступилъ бы передъ тѣмъ, чтобы оказаться въ числѣ этихъ девяти десятыхъ.

Энно мягко и спокойно разрушалъ карточныя дѣмки своихъ противниковъ; но было видно, что въ глубинѣ души онъ сочувствуетъ имъ и что въ его горячей юной фантазіи скрываются такіе же рѣшительные планы—разумѣется, болѣе обдуманые, но, можетъ быть, не менѣе самоотверженные. Онъ самъ еще не былъ на Венерѣ, и по его увлеченію было ясно, что ея красота и ея опасности сильно притягиваютъ его.

Когда бесѣда закончилась, Энно отправился со мною и Нэтти. Онъ рѣшилъ пробыть еще день въ этомъ городѣ и предложилъ мнѣ назаутра вмѣстѣ пойти въ музей искусства. Нэтти былъ занятъ,—его вызывали въ другой городъ на большое совѣщаніе врачей.

IV. Музей искусства.

— Вотъ ужъ никакъ не предполагалъ, чтобы у васъ существовали особые музеи художественныхъ произведеній,—сказалъ я Энно по дорогѣ въ музей.—Я думалъ, что скульптурныя и картинныя галлерей—особенность именно капитализма съ его показной роскошью и стремленіемъ грубо нагромождать богатства. Въ социалистическомъ же обществѣ, я предполагалъ, искусство разсѣивается повсюду рядомъ съ жизнью, которую оно украшаетъ.

— Въ этомъ вы и не ошибались,—отвѣчать Энно.—Большая часть произведеній искусства предназначена у насъ всегда для общественныхъ зданій—тѣхъ, въ которыхъ мы обсуждаемъ наши общія дѣла, тѣхъ, въ которыхъ учимся и изслѣдуемъ, тѣхъ, въ которыхъ отдыхаемъ... Гораздо меньше мы украшаемъ наши фабрики и заводы: эстетика могучихъ машинъ и ихъ стройнаго движенія пріятна намъ въ ея чистомъ видѣ, и очень мало такихъ произведеній искусства, которыя вполне гармонизировали бы съ нею, нисколько не разбивая и не ослабляя ея впечатлѣній. Всего меньше мы украшаемъ наши дома, въ которыхъ большей частью живемъ очень мало. А наши музеи искусства—это научно-эстетическія учрежденія, это школы для изученія того, какъ развиваются искусства, или, вѣрнѣе, какъ развивается человѣчество въ его художественной дѣятельности.

Музей находился на маленькомъ островкѣ озера, который узкимъ мостомъ соединялся съ берегомъ. Самое зданіе, удлинненнымъ четырехугольникомъ окружавшее садъ съ высокими фонтанами и множествомъ синихъ, бѣлыхъ, черныхъ, зеленыхъ цвѣтовъ, было изящно разукрашено снаружи и полно свѣта внутри.

Тамъ, дѣйствительно, не было такого сумбурнаго скопленія статуй и картинъ, какъ въ большихъ музеяхъ Земли. Передо мною въ нѣсколькихъ сотняхъ образовъ прошла цѣль развитія пластическихъ искусствъ, отъ первобытныхъ грубыхъ произведеній доисторической эпохи, до технически-идеальныхъ произведеній послѣдняго вѣка. И отъ начала до конца, всюду чувствовалась печать той живой внутренней цѣльности, которую люди называютъ «гениемъ». Очевидно, это были лучшія произведенія всѣхъ эпохъ.

Чтобы вполне ясно пошмать красоту другого міра, надо глубоко знать его жизнь, а чтобы дать другимъ понятіе объ этой красотѣ, необходимо быть самому органически къ ней причастнымъ... Вотъ почему для меня невозможно описать то, что я тамъ видѣлъ; я могу дать только намеки, только отрывочныя указанія на то, что меня всего болѣе поразило.

Основной мотивъ марсіанской, какъ и нашей, скульптуры,—это прекрасное человѣческое тѣло. Различія физическаго сложенія марсіанъ отъ сложенія земныхъ людей въ общемъ не велики; если не считать рѣзкой разницы въ величинѣ глазъ и отчасти, значитъ, въ устройствѣ черепа, то различія эти не превосходятъ тѣхъ, какія существуютъ между зем-

ными расами. Я не сумѣлъ бы точно объяснить ихъ,—для этого я слишкомъ плохо знаю анатомію; но мой глазъ легко привыкалъ къ нимъ и воспринималъ ихъ почти сразу не какъ безобразіе, а какъ оригинальность.

Я замѣтилъ, что мужское и женское сложеніе сходны въ большей мѣрѣ, чѣмъ у большинства земныхъ племенъ: сравнительно широкія плечи женщинъ, не такъ рѣзко, благодаря нѣкоторой полнотѣ, выступающая мускулатура мужчинъ и ихъ менѣе узкій тазъ сглаживаютъ разницу. Это, впрочемъ, относится, главнымъ образомъ, къ послѣдней эпохѣ, — къ эпохѣ свободнаго человѣческаго развитія: въ статуяхъ капиталистическаго періода половыя различія выражены сильнѣе. Очевидно, домашнее рабство женщины и лихорадочная борьба за существованіе мужчины искажаютъ ихъ тѣло въ двухъ несходныхъ направленіяхъ.

Ни на минуту не исчезало во мнѣ—то ясное, то смутное—сознаніе, что передо мною образы чуждаго міра; оно придавало всѣмъ впечатлѣніямъ какую-то странную, полупризрачную окраску. И даже прекрасное женское тѣло этихъ статуй и картинъ вызывало во мнѣ непонятное чувство, какъ будто совсѣмъ непохожее на знакомое мнѣ любовно-эстетическое влеченіе, а похожее, скорѣе, на тѣ неясныя предчувствія, которыя волновали меня когда-то давно, на границѣ дѣтства и юности.

Статуи раннихъ эпохъ были одноцвѣтныя, какъ у насъ, позднѣйшія—естественныхъ цвѣтовъ. Это меня не удивило. Я всегда думалъ, что отклоненіе отъ дѣйствительности не можетъ быть необходимымъ элементомъ искусства, что оно даже анти-художественно, когда уменьшаетъ богатство воспріятія, какъ одноцвѣтность скульптуры,—что оно въ этомъ случаѣ не помогаетъ, а мѣшаетъ художественной идеализаціи, концентрирующей жизнь.

Въ статуяхъ и картинахъ древнихъ эпохъ, какъ въ нашей античной скульптурѣ, преобладали образы величественнаго спокойствія, образы безмятежной гармоніи, свободной отъ всякаго напряженія. Въ среднія, переходныя эпохи выступаетъ иной характеръ: порывъ, страсть, волнующее стремленіе, иногда смягченное до степени блужданія мечты, эротической или религіозной, иногда рѣзко прорывающееся въ предѣльномъ напряженіи неуравновѣшенныхъ силъ души и тѣла. Въ социалистическую эпоху основной характеръ опять мѣняется: это—гармоническое движеніе, спокойное-увѣренное проявленіе силы, дѣйствіе, чуждое болѣзненности усилія, стремленіе, свободное отъ волненія, живая активность, проникнутая сознаніемъ своего стройнаго единства и своей непобѣдимой разумности.

Если идеальная женская красота древняго искусства выражала безпредѣльную возможность любви, а идеальная красота средних вѣковъ и временъ Возрожденія—неутолимую жажду любви, мистическую или чувственную, то здѣсь, въ идеальной красотѣ другого, идущаго впереди насъ, міра воплощалась сама любовь въ ея спокойномъ и гордомъ самосознаніи, сама любовь—ленивая, свѣтлая, всепобуждающая...

Для позднѣйшихъ художественныхъ произведеній, какъ и для древнѣйшихъ, характерна чрезвычайная простота и единство мотива. Изображаются очень сложныя человѣческія существа, съ богатымъ и стройнымъ жизненнымъ содержаніемъ, и при этомъ выбираются такіе моменты ихъ жизни, когда вся она сосредоточивается въ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, стремленіи... Любимыя темы новѣйшихъ художниковъ—экстазъ творческой мысли, экстазъ любви, экстазъ наслажденія природой, спокойствіе добровольной смерти,—сюжеты, глубоко очерчивающіе сущность великаго племени, которое умѣетъ жить со всей полнотой и напряженностью, умирать сознательно и съ достоинствомъ.

Отдѣлы живописи и скульптуры составляли одну половину музея, другая была посвящена всецѣло архитектурѣ. Подъ архитектурой марсіане понимаютъ не только эстетику зданій и большихъ инженерныхъ сооружений, но также эстетику мебели, орудіи, машинъ, вообще эстетику всего матеріально-полезнаго. Какую громадную роль въ ихъ жизни играютъ это искусство, о томъ можно было судить по особенной полнотѣ и тщательности составленія этой коллекціи. Отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ, съ ихъ грубо украшенной утварью, до роскошныхъ общественныхъ домовъ изъ стекла и алюминія, съ ихъ внутренней обстановкой, исполненной лучшими художниками, до гигантскихъ заводовъ, съ ихъ грозно-красивыми машинами, до величайшихъ каналовъ, съ ихъ гранитными набережными и воздушными мостами,—тутъ были представлены всѣ типическія формы, въ видѣ картинъ, чертежей, моделей, и особенно—стереограммъ въ большихъ стереоскопахъ, гдѣ все воспроизводилось съ полной иллюзіей тожества. Особое мѣсто занимала эстетика садовъ, полей и парковъ; и какъ ни была непривычна для меня природа планеты, но даже мнѣ часто была понятна красота тѣхъ сочетаній цвѣтовъ и формъ, которыя создавались изъ этой природы коллективнымъ гениемъ племени съ большими глазами.

Въ произведеніяхъ прежнихъ эпохъ очень часто, какъ и у насъ, изящество достигалось за счетъ удобства, украшенія вредили прочности,

искусство совершало насиліе надъ прямымъ полезнымъ назначеніемъ предметовъ. Ничего подобнаго мой глазъ не улавливалъ въ произведеніяхъ повѣйшей эпохи,—ни въ ея мебели, ни въ ея орудіяхъ, ни въ ея сооруженіяхъ. Я спросилъ Энно, допускаетъ ли ихъ современная архитектура уклоненіе отъ практическаго совершенства предметовъ ради ихъ красоты.

— Никогда,—отвѣчалъ Энно;—это была бы фальшивая красота, искусственность, а не искусство.

Въ до-соціалистическія времена марсіане ставили памятники своимъ великимъ людямъ; теперь они ставятъ памятники только великимъ событіямъ, такимъ, какъ первая попытка достигнуть земли, закончившаяся гибелью изслѣдователей, такимъ, какъ уничтоженіе смертельной эпидемической болѣзни, такимъ, какъ открытіе разложенія и синтеза всѣхъ химическихъ элементовъ. Рядъ памятниковъ былъ представленъ въ стереограммахъ того же отдѣла, гдѣ находились гробницы и храмы (у марсіанъ раньше существовали и религіи). Однимъ изъ послѣднихъ памятниковъ великимъ людямъ былъ памятникъ того инженера, о которомъ рассказывалъ мнѣ Мэнни. Художникъ сумѣлъ ясно представить силу души чловека, побѣдоносно руководившаго арміей труда въ борьбѣ съ природой и гордо отвергнувшаго трусливый судъ нравственности надъ его поступками. Когда я въ невольной задумчивости остановился передъ напоромъ памятника, Энно тихо произнесъ нѣсколько стиховъ, выражавшихъ сущность душевной трагедіи героя.

— Чьи это стихи?—спросилъ я.

— Мои,—отвѣчалъ Энно;—я написалъ ихъ для Мэнни.

Я не могъ вполне судить о внутренней красотѣ стиховъ по чуждомъ еще для меня языкѣ; но несомнѣнно, что ихъ мысль была ясна, ритмъ очень стройный, рима звучная и богатая. Это дало новое направленіе моимъ мыслямъ.

— Значить, у васъ въ поэзіи еще процвѣтаютъ строгій ритмъ и рима?

— Конечно,—съ отгѣнкомъ удивленія сказалъ Энно.—Развѣ это кажется вамъ некрасивымъ?

— Нѣтъ, вовсе не то,—объяснилъ я;—но у васъ распространено мнѣніе, что эта форма была пороклена вкусами господствующихъ классовъ нашего общества, какъ выраженіе ихъ прихотливости и пристрастія къ условностямъ, сковывающимъ свободу художественной рѣчи. Изъ этого

дѣлають выводъ, что поэзія будущаго, поэзія эпохи социализма должна отвергнуть и забыть эти стѣснительные законы.

— Это совершенно несправедливо,—горячо возразилъ Энно.—Правильно-ритмическое кажется намъ красивымъ вовсе не изъ пристрастія къ условному, а потому, что оно глубоко гармонируетъ съ ритмической правильностью процессовъ нашей жизни и сознанія. А рима, завершающая рядъ многообразій въ одинаковыхъ конечныхъ аккордахъ,—развѣ она не находится въ такомъ же глубокомъ родствѣ съ той жизненной связью людей, которая ихъ внутреннее многообразіе увѣчиваетъ единствомъ наслажденія въ любви, единствомъ разумной цѣли въ трудѣ, единствомъ настроенія въ искусствѣ? Безъ ритма вообще нѣтъ художественной формы. Гдѣ нѣтъ ритма звуковъ, тамъ должны быть, и при томъ тѣмъ строже, ритмъ образовъ, ритмъ идей... А если рима, дѣйствительно, феодальнаго происхожденія, то вѣдь это можно сказать и о многихъ другихъ хорошихъ и красивыхъ вещахъ.

— Но вѣдь рима, въ самомъ дѣлѣ, стѣсняетъ и затрудняетъ выраженіе поэтической идеи?

— Такъ что же изъ этого? Вѣдь это стѣсненіе вытекаетъ изъ цѣли, которую свободно ставитъ себѣ художникъ. Оно не только затрудняетъ, но и совершенствуетъ выраженіе поэтической идеи, и только ради этого оно и существуетъ. Чѣмъ сложнее цѣль, тѣмъ труднѣе путь къ ней и, слѣдовательно, тѣмъ больше стѣсненій на этомъ пути. Если вы хотите построить красивое зданіе, сколько правилъ техники и гармоніи будутъ опредѣлять и, значитъ, «стѣснять» вашу работу! Вы свободны въ выборѣ цѣлей,—это и есть единственная человѣческая свобода. Но развѣ вы желаете цѣли,—тѣмъ самымъ вы желаете и средствъ, которыми она достигается.

Мы сошли въ садъ отдохнуть отъ массы впечатлѣній. Былъ уже вечеръ, ясный и мягкій весенній вечеръ. Цвѣты начинали свертывать свои чашечки и листья, чтобы закрыть ихъ на ночь: это общая особенность растений Марса, порожденная его холодными почвами. Я возобновилъ начатый разговоръ.

— Скажите, какіе роды беллетристики у васъ теперь преобладаютъ?

— Драма, особенно трагедія, и поэзія картинъ природы,—отвѣтилъ Энно.

— Въ чемъ же содержаніе вашей трагедіи? Гдѣ матеріалъ для ней въ вашемъ счастливомъ мирномъ существованіи?

— Счастливое? мирное? откуда вы это взяли? У насъ царствуетъ миръ между людьми, это правда,—но нѣтъ мира со стихійностью природы, и не можетъ его быть. А это такой врагъ, въ самомъ пораженіи котораго всегда есть новая угроза. За послѣдній періодъ нашей исторіи мы въ десятки разъ увеличили эксплуатацію нашей планеты, наша численность возрастаетъ, и еще несравненно быстрее растутъ наши потребности. Опасность истощенія природныхъ силъ и средствъ уже не разъ вставала передъ нами то въ одной, то въ другой области труда. До сихъ поръ намъ удавалось преодолѣть ее, не прибѣгая къ ненавистному сокращенію жизни—въ себѣ и въ потомствѣ; но именно теперь борьба принимаетъ особенно серьезный характеръ.

— Я никакъ не думалъ, что при вашемъ техническомъ и научномъ могуществѣ возможны такія опасности. Вы говорите, что это уже случилось въ вашей исторіи?

— Еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда изсякли запасы каменнаго угля, а переходъ на водяную и электрическую энергіи былъ далеко еще не завершёнъ, намъ, чтобы выполнить громадную перестройку машинъ, пришлось истребить значительную долю дорогихъ намъ лѣсовъ нашей планеты, что на десятки лѣтъ обезобразило ее и ухудшило климатъ. Потомъ, когда мы уже оправились отъ этого кризиса—лѣтъ двадцать тому назадъ, оказалось, что приходятъ къ концу желѣзные руды. Началось спѣшное изученіе твердыхъ сплавовъ алюминій, и громадная доля техническихъ силъ, которыми мы располагали, была направлена на электрическое добываніе алюминія изъ почвы. Теперь, по вычисленіямъ статистиковъ, намъ угрожаетъ черезъ тридцать лѣтъ недостатокъ пищи, если до того времени не будетъ выполненъ синтезъ бѣлковыхъ веществъ изъ элементовъ.

— А другія планеты?—возразилъ я.—Развѣ тамъ вы не можете найти, чѣмъ пополнить недостатокъ?

— Гдѣ? Венера, повидимому, еще недоступна. Земля? Она имѣетъ свое человѣчество, и вообще до сихъ поръ не выяснено, насколько удастся намъ использовать ея силы. На перѣздъ туда нужна каждый разъ громадная затрата энергіи; а запасы радирующей матеріи, необходимой для этого, по словамъ Мэнни, который недавно рассказывалъ мнѣ о своихъ послѣднихъ изслѣдованіяхъ, очень не велики на нашей планетѣ. Нѣтъ, трудности повсюду значительны; и чѣмъ тѣснѣе наше человѣчество смы-

касть свои ряды для завоеванія природы, тѣмъ тѣснѣе смыкаются и стихіи для мести за побѣды.

— Но всегда же достаточно, напр., сократить размноженіе, чтобы поправить дѣло?

— Сократить размноженіе? Да вѣдь это и есть побѣда стихій. Это—отказъ отъ безграничнаго роста жизни, это неизбежная ея остановка на одной изъ ближайшихъ ступеней. Мы побуждаемъ, пока нападаемъ. Когда же мы откажемся отъ роста нашей арміи, это будетъ значить, что мы уже осаждены стихіями со всѣхъ сторонъ. Тогда станетъ ослабѣвать вѣра въ нашу коллективную силу, въ нашу великую общую жизнь. А вмѣстѣ съ этой вѣрой будетъ теряться и смыслъ жизни каждаго изъ насъ, потому что въ каждомъ изъ насъ, маленькихъ клѣтокъ великаго организма, живетъ цѣлое, и каждый живетъ этимъ цѣлымъ. Нѣтъ! сократить размноженіе—это послѣднее, на что мы бы рѣшились; а когда это случится помимо нашей воли, то оно будетъ началомъ конца.

— Ну, хорошо, я понимаю, что трагедія цѣлаго для васъ всегда существуетъ, по крайней мѣрѣ, какъ угрожающая возможность. Но пока побѣда остается еще за человечествомъ, личность достаточно защищена отъ этой трагедіи коллективностью; даже когда наступаетъ прямая опасность, гигантскія усилія и страданія напряженной борьбы такъ ровно распределяются между безчисленными личностями, что не могутъ серьезно нарушить ихъ спокойнаго счастья. А для такого счастья у васъ, кажется, есть все, что надо.

— Спокойное счастье! Да развѣ можетъ личность не чувствовать сильно и глубоко потрясеній жизни цѣлаго, въ которомъ ея начало и конецъ? И развѣ не возникаетъ глубокихъ противорѣчій жизни изъ самой ограниченности отдѣльнаго существа по сравненію съ его цѣлымъ, изъ самаго безсилія вполне слиться съ этимъ цѣлымъ, вполне растворить въ немъ свое сознаніе и охватить его своимъ сознаніемъ? Вамъ непонятны эти противорѣчія? Это потому, что они затемнены въ вашемъ мірѣ другими, болѣе близкими и грубыми. Борьба классовъ, группъ, личностей отнимаетъ у васъ идею цѣлаго, а съ ней и то счастье и тѣ страданія, которыя она приноситъ. Я видѣлъ вашъ міръ; я не могъ бы вывести десятой доли того безумія, среди котораго живутъ ваши братья. Но именно поэтому я не взялся бы рѣшить, кто изъ насъ ближе къ спокойному счастью: чѣмъ жизнь стройнѣе и гармоничнѣе, тѣмъ мучительнѣе въ ней неизбежные диссонансы.

— Но скажите, Энню, развѣ, напр., вы не счастливый человѣкъ? Молодость, наука, поэзія и, навѣрно, любовь... Что могли вы испытать такого тяжелаго, чтобы говорить настолько горячо о трагедіи жизни?

— Это очень удачно,—засмѣялся Энню, и странно звучалъ его смѣхъ.—Вы не знаете, что веселый Энню одинъ разъ уже рѣшилъ было умереть. И если бы Мэнни всего на одинъ день опоздалъ написать ему шесть словъ, разстроившихъ всѣ расчеты: «не хотите ли ѣхать на Землю?»,—то у васъ не было бы вашего веселаго спутника. Но сейчасъ я не сумѣлъ бы объяснить вамъ всего этого. Вы сами увидите потомъ, что если есть у насъ счастье, такъ только не то мирное и спокойное счастье, о которомъ вы говорили.

Я не рѣшился идти дальше въ вопросахъ. Мы встали и вернулись въ музей. Но я не могъ больше систематически осматривать коллекціи: мое вниманіе было разсѣяно, мысли ускользали. Я остановился въ отдѣлѣ скульптуры передъ одной изъ новѣйшихъ статуй, изображавшей прекраснаго мальчика. Черты его лица напоминали Нэтти; но всего больше меня поразило то искусство, съ которымъ художникъ сумѣлъ въ несложившемся тѣлѣ, въ незаконченныхъ чертахъ, въ тревожныхъ, пытливо вглядывающихся глазахъ ребенка воплотить зарождающуюся геніальность. Я долго неподвижно стоялъ передъ статуей, и все остальное успѣло исчезнуть изъ моего сознанія, когда голосъ Энню заставилъ меня очнуться.

— Это вы,—сказалъ онъ, указывая на мальчика,—это вашъ міръ. Это будетъ чудный міръ, но онъ еще въ дѣтствѣ; и посмотрите, какія смутныя грезы, какіе тревожные образы волнуютъ его сознаніе... Онъ въ полуснѣ,—но онъ проснется, я чувствую это, я глубоко вѣрю въ это!

Къ радостному чувству, которое вызвали во мнѣ эти слова, примѣшивалось странное сожалѣніе:

«Зачѣмъ не Нэтти сказалъ это!»

V. Въ лѣчебницѣ.

Я возвратился домой очень утомленный; а послѣ двухъ бессонныхъ ночей и цѣлаго дня полной неспособности къ работѣ я рѣшилъ опять отправиться къ Нэтти, такъ какъ мнѣ не хотѣлось обращаться къ незнакомому врачу химическаго городка. Нэтти съ утра работалъ въ лѣчебницѣ; тамъ я и нашелъ его за пріемомъ приходящихъ больныхъ.

Когда Нэтти увидалъ меня въ приемной, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, внимательно посмотрѣлъ на мое лицо, взялъ за руку и отвелъ въ отдаленную маленькую комнату, гдѣ съ мягкимъ голубымъ свѣтомъ смѣшивался легкій пріятный запахъ незнакомыхъ мнѣ духовъ, и тишина ничѣмъ не нарушалась. Тамъ онъ удобно усадилъ меня въ глубокое кресло и сказалъ:

— Ни о чемъ не думайте, ни о чемъ не заботьтесь. На сегодня я беру все это себѣ. Отдохните, я потомъ приду.

Онъ ушелъ, а я ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ не заботился, такъ какъ онъ взялъ на себя всѣ мысли и заботы. Это было очень пріятно, и черезъ нѣсколько минутъ я заснулъ. Когда я очнулся, Нэтти опять стоялъ предо мной и съ улыбкой смотрѣлъ на меня.

— Вамъ теперь лучше?—спросилъ онъ.

— Я совершенно здоровъ, а вы гениальный врачъ,—отвѣчалъ я.— Идите къ своимъ больнымъ и не безпокойтесь обо мнѣ.

Моя работа на сегодня уже кончена. Если хотите, я покажу вамъ нашу лѣчебницу,—предложилъ Нэтти.

Мнѣ это было очень интересно, и мы отправились въ обходъ по всему обширному красивому зданію.

Среди больныхъ преобладали хирургическіе и нервныя. Большая часть хирургическихъ были жертвы несчастныхъ случаевъ съ машинами.

— Неужели у васъ на заводахъ и фабрикахъ недостаточно ограждений?—спросилъ я Нэтти.

— Абсолютныхъ ограждений, при которыхъ несчастные случаи были бы невозможны, почти не существуетъ. Но здѣсь собраны эти больные изъ района съ населеніемъ больше двухъ милліоновъ челоуѣкъ,—на такой районъ нѣсколько десятковъ пострадавшихъ не такъ много. Часто всего это—новички, еще не освоившіеся съ устройствомъ машинъ, на которыхъ работаютъ: у насъ вѣдь всѣ любятъ переходить изъ одной области производства въ другую. Специалисты ученые и художники особенно легко становятся жертвами своей разсѣянности: вниманіе имъ часто измѣняется, они задумываются или забываются въ созерцаніи.

— А нервныя больные—это, конечно, главнымъ образомъ, отъ переутомленія?

— Да, такихъ не мало. Но не меньше и болѣзней, вызванныхъ волненіями и кризисами половой жизни, а также другими душевными потрясеніями, напр., смертью близкихъ людей.

— А здѣсь есть душевно-больные съ затемненнымъ или спутаннымъ сознаниемъ?

— Нѣтъ, такихъ здѣсь нѣтъ; для нихъ есть отдѣльныя лѣчебницы. Тамъ нужны особыя приспособленія для тѣхъ случаевъ, когда больной можетъ причинить вредъ себѣ или другимъ.

— Въ этихъ случаяхъ и у васъ прибѣгаютъ къ насилію надъ больными?

— Настолько, насколько это безусловно необходимо, разумѣется.

— Вотъ, уже второй разъ я встрѣчаюсь съ насиліемъ въ вашемъ мірѣ. Первый разъ это было въ домѣ дѣтей. Скажите, вамъ, значитъ, не удастся вполнѣ устранивъ эти элементы изъ вашей жизни, вы принуждены ихъ сознательно допускать.

— Да, какъ мы допускаемъ болѣзнь и смерть, или, пожалуй, какъ горькое лѣкарство. Какое же разумное существо откажется отъ насилія, напр., для самозащиты?

— Знаете, для меня это значительно уменьшаетъ пропасть между нашими мірами.

— Но въдъ ихъ главное различіе вовсе не въ томъ заключается, что у васъ много насилія и принужденія, а у насъ мало. Главное различіе въ томъ, что у васъ то и другое облекается въ законы, внѣшніе и внутренніе, въ нормы права и нравственности, которыя господствуютъ надъ людьми и постоянно тяготеютъ надъ ними. У насъ же насиліе существуетъ либо какъ проявленіе болѣзни, либо какъ разумный поступокъ разумнаго существа. Въ томъ и другомъ случаѣ ни изъ него, ни для него не создается никакихъ общественныхъ законовъ и нормъ, никакихъ личныхъ или безличныхъ повелѣній.

— Но установлены же у васъ правила, по которымъ вы ограничиваете свободу вашихъ душевно-больныхъ или вашихъ дѣтей?

— Да, чисто научныя правила ухода за больными и педагогики. Но, конечно, и въ этихъ техническихъ правилахъ вовсе не предусматриваются ни всѣ случаи необходимости насилія, ни всѣ способы его примѣненія, ни его степень,—все это зависитъ отъ совокупности дѣйствительныхъ условий.

— Но если такъ, то здѣсь возможенъ произволъ со стороны воспитателей или тѣхъ, кто ухаживаетъ за больными?

— Что означаетъ это слово—«произволъ»? Если оно означаетъ пенужное, излишнее насиліе, то оно возможно только со стороны боль-

ного человека, который самъ подлежитъ лѣченію. А разумный и сознательный человекъ, конечно, неспособенъ на это.

Мы миновали комнаты больныхъ, операционныя, комнаты лѣкарствъ, квартиры ухаживающихъ за больными, и, поднявшись въ верхній этажъ, прошли въ большую красивую залу, черезъ прозрачныя стѣны которой открывался видъ на озеро, лѣсъ и отдаленныя горы. Комнату украшали высоко-художественныя статуи и картины, мебель была роскошна и изящна.

— Это комната умирающихъ,—сказалъ Нэтти.

— Вы приносите сюда всѣхъ умирающихъ?—спросилъ я.

— Да, или они сами сюда приходятъ,—отвѣчалъ Нэтти.

— Но развѣ ваши умирающіе могутъ еще сами ходить?—удивился я.

— Тѣ, которые физически здоровы, конечно, могутъ.

Я понялъ, что рѣчь шла о самоубійцахъ.

— Вы предоставляете самоубійцамъ эту комнату для выполненія ихъ дѣла?

— Да, и всѣ средства спокойной, безболѣзненной смерти.

— И при этомъ—никакихъ препятствій?

— Если сознаніе пациента ясно и его рѣшеніе твердо, то какія же могутъ быть препятствія? Врачъ, конечно, сначала предлагаетъ больному посоветоваться съ нимъ. Нѣкоторые соглашаются на это, другіе—нѣтъ...

— И самоубійства очень часты между вами?

— Да, особенно среди стариковъ. Когда чувство жизни слабѣетъ и притупляется, тогда многіе предпочитаютъ не ждать естественнаго конца.

— Но вамъ приходится сталкиваться и съ самоубійствомъ молодыхъ людей, полныхъ силы и здоровья?

— Да, бываетъ и это, но это не часто. На моей памяти въ этой лѣчебницѣ было два такихъ случая; въ третьемъ случаѣ попытку удалось остановить.

— Кто же были эти несчастные, и что привело ихъ къ гибели?

— Первый былъ мой учитель, замѣчательный врачъ, который внесъ въ науку много новаго. У него была чрезмѣрно развита способность чувствовать страданія другихъ людей. Это направило его умъ и энергію въ сторону медицины, но это и погубило его. Онъ не вынесъ. Свое душевное состояніе онъ скрывалъ отъ всѣхъ такъ хорошо, что крушеніе про-

изошло совершенно неожиданно. Это случилось послѣ тяжелой эпидеміи, возникшей при работахъ по осушенію одного морского залива, въслѣдствіе разложенія нѣсколькихъ сотъ милліоновъ килограммовъ погибшей при этомъ рыбы. Болѣзнь была мучительна, какъ наша холера, но еще гораздо опаснѣе и въ десяти случаяхъ изъ десяти оканчивалась смертію. Благодаря этой слабой возможности выздоровленія, врачи не могли даже исполнять просьбъ своихъ больныхъ о скорой и легкой смерти: вѣдь нельзя считать вполне сознательнымъ человѣка, захваченнаго острой лихорадочной болѣзнію. Мой учитель безумно работалъ во время эпидеміи, и его изслѣдованія помогли довольно скоро покончить съ нею. Но когда это было сдѣлано, онъ отказался жить.

— Сколько лѣтъ ему было тогда?

— По вашему счету—сколо пятидесяти. У насъ это еще совсѣмъ молодой возрастъ.

— А другой случай?

— Это была женщина, у которой умерли мужъ и ребенокъ одновременно.

— И, наконецъ, третій случай?

— Его могъ бы рассказать вамъ только самъ товарищъ, его пережившій.

— Это правда,—сказалъ я.—Но объясните мнѣ другое: почему у васъ, марсіанъ, такъ долго сохраняется молодость? Особенность ли это вашей расы или результатъ лучшихъ условій жизни, или еще что-нибудь?

— Раса тутъ не при чемъ: лѣтъ 200 тому назадъ мы были вдвое менѣе долговѣчны. Лучшія условія жизни? Да, въ значительной мѣрѣ именно это. Но не только это. Главную роль тутъ играетъ примѣняемое нами обновленіе жизни.

— Это что же такое?

— Вещь, въ сущности, очень простая, но вамъ она, вѣроятно, покажется странной. А между тѣмъ въ вашей наукѣ уже имѣются всѣ данныя для этого метода. Вы знаете, что природа, чтобы повысить жизнеспособность кѣловокъ или организмовъ, постоянно дополняетъ одну особь другою. Для этой цѣли однокѣлочные существа, когда ихъ жизнеспособность понизится въ однообразной обстановкѣ, сливаются по два въ одно, и только этимъ путемъ возвращается въ полной мѣрѣ способность ихъ къ размноженію—«бессмертіе» ихъ протоплазмы. Такой же смыслъ

имѣть и половое скрещиваніе высшихъ растений и животныхъ: здѣсь также соединяются жизненные элементы двухъ-различныхъ существъ, чтобы получился болѣе совершенный зародышъ третьяго. Наконецъ, вы знаете уже и примѣненіе кровяныхъ сыворотокъ для передачи отъ одного существа другому элементовъ жизнеспособности, такъ сказать, по частямъ—въ видѣ, напр., повышеннаго сопротивленія той или другой болѣзни. Мы же идемъ дальше и устраниваемъ о б ѣ н ь к р о в и между двумя человѣческими существами, изъ которыхъ каждое можетъ передавать другому массу условій повышенія жизни. Это просто одновременное переливаніе крови отъ одного человѣка другому и обратно, путемъ двойного соединенія соотвѣтственными приборами ихъ кровеносныхъ сосудовъ. При соблюденіи всѣхъ предосторожностей, это совершенно безопасно; кровь одного человѣка продолжаетъ жить въ организмѣ другого, смѣшавшись тамъ съ его кровью и внося глубокое обновленіе во всѣ его ткани

— И такимъ образомъ можно возвращать молодость старикамъ, вливая въ ихъ жилы юшескую кровь?

— Отчасти да, но не вполне, разумѣется, потому что кровь—не все въ организмѣ, и она, въ свою очередь, имъ перерабатывается. Поэтому, напр., молодой человѣкъ не старѣетъ отъ крови пожилого: то, что въ ней есть слабого, старческаго, быстро преодолевается молодымъ организмомъ, но въ то же время изъ нея усваивается многое такое, чего не хватаетъ этому организму; энергія и гибкость его жизненныхъ отправленій также возрастаютъ.

— Но если это такъ просто, то почему же наша земная медицина до сихъ поръ не пользуется этимъ средствомъ? Видѣ она знаетъ и переливаніе крови ужъ нѣсколько сотъ лѣтъ, если не ошибаюсь.

— Не знаю, можетъ быть, есть какія-нибудь особыя органическія условія, которыя у васъ лишаютъ это средство его значенія. А можетъ быть, это просто результатъ господствующей у васъ психологіи индивидуализма, которая такъ глубоко ограничиваетъ у васъ одного человѣка отъ другого, что мысль объ ихъ жизненномъ сліянніи для вашихъ ученыхъ почти недоступна. Кроме того, у васъ распространена такая масса болѣзней, отравляющихъ кровь, болѣзней, о которыхъ сами больные часто не знаютъ, а иногда и просто скрываютъ. Практикуемое въ вашей медицинѣ—теперь очень рѣдко—переливаніе крови имѣетъ какой-то филантропическій характеръ: тотъ, у кого ее много, даетъ

другому, у котораго въ ней есть острая нужда, вслѣдствіе, напримѣръ, большого кровотеченія изъ раны. У насъ бываетъ, конечно, и это; но постоянно примѣняется другое—то, что соответствуетъ всему нашему строю: товарищескій обменъ жизни не только въ идейномъ, но и въ фیزیологическомъ существованіи...

VI. Работа и призраки.

Впечатлѣнія первыхъ дней, бурнымъ потокомъ нахлынувшія на мое сознаніе, дали мнѣ понятіе о громаднѣхъ размѣрахъ той работы, которая мнѣ предстояла. Надо было прежде всего постигнуть этотъ міръ, неизмѣримо богатый и своеобразный въ своей жизненной стройности. Надо было затѣмъ войти въ него не въ качествѣ интереснаго музейнаго экземпляра, а въ качествѣ чловѣка среди людей, работника среди работниковъ. Только тогда могла быть выполнена моя миссія, только тогда я могъ послужить началомъ дѣйствительной взаимной связи двухъ міровъ, между которыми я, социалистъ, находился на границѣ, какъ безконечно малый моментъ настоящаго—между прошлымъ и будущимъ.

Когда я уѣзжалъ изъ лѣчебницы, Нэтти сказала мнѣ: «Не очень спѣшите!» Мнѣ казалось, что онъ неправъ. Надо было именно спѣшить, надо было пустить въ ходъ всѣ свои силы, всю свою энергію,—потому что отвѣтственность была страшно велика! Какую колоссальную пользу, нашему старому, измученному чловѣчеству, какое гигантское ускореніе его развитія, его расцвѣта должно было принести живое, энергичное вліяніе высшей культуры, могучей и гармоничной! И каждый моментъ замедленія въ моей работѣ могъ отдалять это вліяніе... Нѣтъ, ждать, отдыхать было некогда.

И я очень много работалъ. Я знакомился съ наукой и техникой новаго міра, я напряженно наблюдалъ его общественную жизнь, я изучалъ его литературу. Да, тутъ было много труднаго.

Ихъ научные методы ставили меня въ тупикъ: я механически усваивалъ ихъ, убѣждался на опытѣ, что примѣненіе ихъ легко, просто и непогрѣшимо, а, между тѣмъ, я не понималъ ихъ, не понималъ, почему они ведутъ къ цѣли, гдѣ ихъ связь съ живыми явленіями, въ чемъ ихъ сущность. Я былъ точно тѣ старые математики XVII вѣка, неподвижная мысль которыхъ органически не могла усваивать живой динамики безконечно малыхъ величинъ.

Общественныя собранія марсіанъ поражали меня своимъ напряженно-дѣловымъ характеромъ. Были ли они посвящены вопросамъ науки, или вопросамъ организации работъ, или даже вопросамъ искусства,—доклады и рѣчи были страшно сжаты и кратки, аргументація опредѣленна и точна, никто никогда не повторялся и не повторялъ другихъ. Рѣшенія собраній, чаще всего единогласныя, выполнялись со сказочной быстротой. Рѣшалось собраніе ученыхъ одной спеціальности, что надо организовать такое-то научное учрежденіе; собраніе статистиковъ труда, что надо устроить такое-то предпріятіе; собраніе жителей города, что надо украсить его такимъ-то зданіемъ,—немедленно появлялись новыя цифры необходимаго труда, публикуемыя центральнымъ бюро, пріѣзжали по воздуху сотни и тысячи новыхъ работниковъ, и через нѣсколько дней или недѣль все было уже сдѣлано, а новые работники исчезали неизвѣстно куда. Все это производило на меня впечатлѣніе какъ-будто своеобразной магіи, странной магіи—спокойной и холодной, безъ заклинаній и мистическихъ украшеній, но тѣмъ болѣе загадочной въ своемъ сверхчеловѣческомъ могуществѣ.

Литература новаго міра, даже чисто художественная, не была также для меня ни отдыхомъ, ни успокоеніемъ. Ея образы были какъ-будто несложны и ясны, но какъ-то внутренне чужды для меня. Мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ проникнуть, сдѣлать ихъ близкими и понятными, но мои усилія приводили къ совершенно неожиданному результату: образы становились призрачными и одѣвались туманомъ.

Когда я шелъ въ театръ, то и здѣсь меня преслѣдовало все то же чувство непонятнаго. Сюжеты были просты, игра превосходна, а жизнь оставалась далекой. Рѣчи героевъ были такъ сдержанны и мягки, поведение такъ спокойно и осторожно, ихъ чувства подчеркивались такъ мало, какъ будто они не хотѣли навязывать зрителю никакихъ настроеній, какъ будто они были сплошные философы, да еще, какъ мнѣ казалось, сильно идеализированные. Только историческія пьесы изъ далекаго прошлаго давали мнѣ сколько-нибудь знакомыя впечатлѣнія, а игра актеровъ тамъ была настолько же энергична и выраженія личныхъ чувствъ настолько же откровенны, какъ я привыкъ видѣть въ нашихъ театрахъ.

Было одно обстоятельство, которое, несмотря на все привлекало меня въ театръ нашего маленькаго городка съ особенной силой. Это именно то, что въ немъ вовсе не было актеровъ. Пьесы, которыя я

тамъ видѣлъ, либо передавались оптическими и акустическими переда-точными аппаратами изъ далекихъ большихъ городовъ, либо даже—и это чаще всего—были воспроизведеніемъ игры, которая была давно, иногда такъ давно, что сами актеры уже умерли. Марсіане, зная способы моментальнаго фотографированія въ естественныхъ цвѣтахъ, примѣняли ихъ для того, чтобы фотографировать жизнь въ движеніи, какъ это дѣлается для нашихъ кинематографовъ. Но они не только соединяли кинематографъ съ фонографомъ, какъ это начинаютъ дѣлать и у насъ на Землѣ,—еще еще весьма неудачно,—но они пользовались идеей стереоскопа и превращали изображенія кинематографа въ рельефныя. На экранѣ давалось одновременно два изображенія—два половины стереограммы, а передъ каждымъ кресломъ зрительной залы былъ прикрѣпленъ соответствующій стереоскопическій бинокль, который сливалъ два плоскихъ изображенія въ одно, но въ трехъ измѣреніяхъ. Было странно видѣть ясно и отчетливо живыхъ людей, которые движутся, дѣйствуютъ, выражаютъ свои мысли и чувства, и сознавать въ то же время, что тамъ ничего нѣтъ, а есть матовая пластинка и за нею—фонографъ и электрический фонарь съ часовымъ механизмомъ. Это было почти мистически-странно и порождало смутное сомнѣніе во всей дѣйствительности.

Все это, однако, не облегчало мнѣ выполненія моей задачи—понять чужой міръ. Мнѣ, конечно, нужна была помощь со стороны. Но я все рѣже обращался къ Мэнни за указаніями и объясненіями. Мнѣ было тяжело обнаруживать свои затрудненія во всемъ ихъ объемѣ. Къ тому же вниманіе Мэнни въ это время было страшно занято однимъ важнымъ изслѣдованіемъ изъ области добыванія «минусъ-матеріи». Онъ работалъ неутомимо, часто не спалъ цѣлыя ночи, и мнѣ не хотѣлось мѣшать ему и отвлекать его: а его увлеченіе-работой было какъ будто живымъ при-мѣромъ, который невольно побуждалъ меня идти дальше въ своихъ усиліяхъ.

Остальные друзья, между тѣмъ, временно исчезли съ моего горизонта. Нэтти уѣхалъ за нѣсколько тысячъ километровъ руководить устройствомъ и организаціей новой гигантской лѣчебницы въ другомъ полушаріи планеты. Энно былъ занятъ, какъ помощникъ Стэрни, въ его обсерваторіи измѣреніями и вычисленіями, необходимыми для новыхъ экспедицій на Землю и Венеру, а также для экспедицій на Луну и Меркурій съ цѣлью ихъ лучше сфотографировать и привезти образчики ихъ минераловъ. Съ другими марсіанами я близко не сходилъ, а ограничи-

вался необходимыми разспросами и дѣловыми разговорами: трудно и странно было сближаться съ чуждыми мнѣ и высшими, чѣмъ я, существами.

Съ теченіемъ времени мнѣ стало казаться, что работа моя идетъ, въ сущности, недурно. Я все меньше нуждался въ отдыхѣ и даже въ снѣ. То, что я изучалъ, какъ-то механически легко и свободно стало укладываться въ моей головѣ, и при этомъ ощущеніе было таково, словно голова совершенно пуста и въ ней можно помѣстить еще очень, очень много. Правда, когда я пытался, по старой привычкѣ, отчетливо формулировать для себя то, что узналъ, это мнѣ большей частью не удавалось; но я находилъ, что это не важно, что мнѣ не хватаетъ только выражений да какихъ-нибудь частностей и мелочей, а общее понятіе у меня имѣется, и это главное.

Никакого живого удовольствія мнѣ мои занятія уже не доставляли; ничто не вызывало во мнѣ прежняго непосредственнаго интереса. Что же, это вполне понятно, думалъ я: послѣ всего, что я видѣлъ и узналъ, меня трудно чѣмъ-нибудь еще удивить; дѣло не въ томъ, чтобы это мнѣ было пріятно, а въ томъ, чтобы овладѣть всѣмъ, чѣмъ надо.

Только одно было непріятно: все труднѣе становилось сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ. Мысли отвлекались то и дѣло что въ одну, то въ другую сторону; яркія воспоминанія, часто очень неожиданныя и далекія, всплывали въ сознаніи и заставляли забывать окружающее, отнимая драціфнныя минуты. Я замѣчалъ это, спохватывался и съ новой энергіей принимался за работу; но проходило короткое время, и снова летучіе образы прошлаго или фантазіи овладѣли моимъ мозгомъ, и снова приходилось подавлять ихъ рѣзкимъ усиленіемъ.

Все чаще меня тревожило какое-то странное, безпокойное чувство, точно было что-то важное и слѣшное, чего я не исполнилъ и о чемъ все забываю и стараюсь вспомнить. Вслѣдъ за этимъ чувствомъ поднимался цѣлый рой знакомыхъ лицъ и минувшихъ событій и неудержимымъ потокомъ уносилъ меня все дальше назадъ, черезъ юность и отрочество къ самому раннему дѣтству, теряясь затѣмъ въ какихъ-то смутныхъ и неясныхъ ощущеніяхъ. Послѣ этого моя разсѣянность становилась особенно сильной и упорной.

Подчиняясь внутреннему сопротивленію, которое не давало мнѣ долго сосредоточиваться на чемъ-нибудь одномъ, я началъ все чаще и быстрѣе переходить отъ предмета къ предмету, и для этого нарочно собиралъ въ

своей комнатѣ цѣлыя груды книгъ, раскрытыхъ заранѣе на нужномъ мѣстѣ, таблицъ, картъ, стереограммъ, фонограммъ и т. д. Такимъ путемъ я надѣялся устранить потерю времени, но разсѣянность все незамѣтнѣе подкрадывалась ко мнѣ, и я ловилъ себя на томъ, что уже долго смотрю въ одну точку, ничего не понимая и ничего не дѣлая.

Зато когда я ложился въ постель и смотрѣлъ сквозь стеклянную крышу на темное ночное небо, тогда мысль начинала самовольно работать съ удивительной живостью и энергіей. Цѣлыя страницы цифръ и формулъ выступали передъ моимъ внутреннимъ зрѣніемъ съ такой ясностью, что я могъ пересчитывать ихъ строчка за строчкой. Но эти образы скоро уходили, уступая мѣсто другимъ; и тогда мое сознаніе превращалось въ какую-то панораму удивительно яркихъ и отчетливыхъ картинъ, не имѣвшихъ уже ничего общаго съ моими занятіями и заботами: земные ландшафты, театральныя сцены, картины дѣтскихъ сказокъ спокойно, точно въ зеркалѣ, отражались въ моей душѣ и исчезали, и смѣнялись, не вызывая никакого волненія, а только легкое чувство интереса или любопытства, не лишенное очень слабаго пріятнаго оттѣнка. Эти отраженія сначала проходили внутри моего сознанія, не смѣшиваясь съ окружающей обстановкой, потомъ они ее вытѣсняли, и я погружался въ сонъ, полный живыхъ и сложныхъ сновидѣній, очень легко прерывавшійся и не дававшій мнѣ главнаго, къ чему я стремился,—чувства отдыха.

Шумъ въ ухахъ уже довольно давно меня беспокоилъ, а теперь онъ становился все постояннѣе и сильнѣе, такъ что иногда мѣшалъ мнѣ слушать фонограммы, а по ночамъ уносилъ остатки сна. Время отъ времени изъ него выдѣлялись человѣческіе голоса, знакомые и незнакомые; часто мнѣ казалось, что меня окликаютъ по имени, часто казалось, что я слышу разговоръ, словъ котораго изъ-за шума не могу разобрать. Я сталъ понимать, что уже не совсемъ здоровъ, тѣмъ болѣе, что разсѣянность окончательно овладѣла мною, и я не могъ даже читать больше нѣсколькихъ строчекъ подъ рядъ.

— Это, конечно, просто переутомленіе,—думалъ я.—Мнѣ надо только больше отдыхать; я, пожалуй, слишкомъ много работалъ. Но не падо, чтобы Мэнни замѣтилъ, что со мной происходитъ: это слишкомъ похоже на банкротство съ первыхъ же шаговъ моего дѣла.

И когда Мэнни заходилъ ко мнѣ въ комнату,—это бывало тогда, правда, не часто,—я притворялся, что усердно занимаюсь. А онъ замѣ-

чалъ мнѣ, что я работаю слишкомъ много и рискую переутомиться.

— Особенно сегодня у васъ нездоровый видъ,—говорилъ онъ.— Посмотрите въ зеркало, какъ блескятъ ваши глаза и какъ вы блѣдны. Вамъ надо отдохнуть, вы этимъ выиграете въ дальнѣйшемъ.

И я самъ очень хотѣлъ бы этого, но мнѣ не удавалось. Правда, я почти ничего не дѣлалъ, но меня утомляло уже всякое, самое маленькое усиліе; а бурный потокъ живыхъ образовъ воспоминаній и фантазій не прекращался ни днемъ, ни ночью. Окружающее какъ-то блѣднѣло и терялось за ними и пріобрѣтало призракный оттѣнокъ.

Наконецъ, я долженъ былъ сдаться. Я видѣлъ, что вялость и апатія все сильнѣе овладѣваютъ моею волей, и я все меньше могу бороться со своимъ состояніемъ. Разъ утромъ, когда я всталъ съ постели, у меня все сразу потемнѣло въ глазахъ. Но это быстро прошло, и я подошелъ къ окну, чтобы посмотреть на деревья парка. Вдругъ я почувствовалъ, что на меня кто-то смотритъ. Я обернулся—передо мной стояла Анна Николаевна. Лицо ея было блѣдно и грустно, взглядъ полонъ упрека. Меня это огорчило, и я, совершенно не думая о странности ея появленія, сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней и хотѣлъ сказать что-то. Но она исчезла, какъ-будто растаяла въ воздухѣ.

Съ этого момента началась оргія призраковъ. Многого я, конечно, не помню, и, кажется, сознаніе часто спутывалось у меня па яву, какъ во снѣ. Приходили и уходили или просто появлялись и исчезали самые различные люди, съ какими я встрѣчался въ своей жизни, и даже совершенно незнакомые мнѣ. Но между ними не было марсіанъ, это были все земные люди, большей частью тѣ, которыхъ я давно не видалъ—старые школьные товарищи, молодой братъ, который умеръ еще въ дѣтствѣ. Какъ-то разъ черезъ окно я увидалъ на скамейкѣ знакомаго шпіона, который со злобой насмѣшкой смотрѣлъ на меня своими хищными, бѣгающими глазами. Призраки не разговаривали со мной, а ночью, когда было тихо, слуховыя галлюцинаціи продолжались и усиливались, превращаясь въ цѣлыя связные, но пелѣпо-бесодержательные разговоры, большею частью, между неизвѣстными мнѣ лицами: то пассажиръ торговался съ извозчикомъ, то приказчикъ уговаривалъ покупателя взять у него матерію, то шумѣла университетская аудиторія, а субъ-инспекторъ убѣждалъ успокоиться, потому что сейчасъ придетъ господинъ профессоръ. Зря-

тельные галлюцинации были, по крайней мере, интересны, да и мешали мне гораздо меньше и реже.

После появления Анны Николаевны я, разумеется, сказал все Мэнни. Он тотчас уложил меня в постель, позвал ближайшего врача и телефонировал Нэтти за шесть тысяч километров. Врач сказал, что он не рискует что-нибудь предпринять, потому что недостаточно знает организацию земного человека, но что, во всяком случае, главное для меня—спокойствие и отдых, и тогда не опасно подождать несколько дней, пока придет Нэтти.

Нэтти явился на третий день, передав все свое дело другому. Увидав, в каком я состоянии, он с грустным упреком взглянул на Мэнни.

VII. Нэтти.

Несмотря на лечение такого врача, как Нэтти, болезнь продолжалась еще несколько недель. Я лежал в постели, спокойный и апатичный, одинаково равнодушно наблюдая действительность и призраки; даже постоянное присутствие Нэтти доставляло мне лишь очень слабое, едва заметное удовольствие.

Мне странно вспомнить о своем тогдашнем отношении к галлюцинациям: хотя десятки раз мне приходилось убеждаться в их нереальности, но каждый раз, как он появлялись, я как будто забывал все это; даже если мое сознание не затемнялось и не спутывалось,—я принимал их за действительные лица и вещи. Понимание их прозрачности выступало только после их исчезновения или перед самым исчезновением.

Главные усилия Нэтти в его лечении были направлены на то, чтобы заставить меня спать и отдыхать. Никаких лекарств для этого, однако, и он применять не рисковал, боясь, что все они могут оказаться ядами для земного организма. Несколько дней ему не удавалось усыпить меня его обычными способами: галлюцинаторные образы врываются в процесс внушения и разрушают его действие. Наконец, ему удалось это, и когда я проснулся после двух-трех часов сна, он сказал:

— Теперь ваше выздоровление несомненно, хотя болезнь еще довольно долго будет идти своим путем.

И она, въ самомъ дѣлѣ, шла своимъ путемъ. Галлюцинаціи становились рѣже, но онѣ не были менѣ живыми и яркими; онѣ даже стали нѣсколько сложнѣе—иногда призрачные гости вступали въ разговоръ со мною.

Но изъ этихъ разговоровъ только одинъ имѣлъ смыслъ и значеніе для меня. Это было въ концѣ болѣзни.

Проснувшись утромъ, я увидалъ около себя, по обыкновенію, Нэтти, а за его кресломъ стоялъ мой старый товарищъ по революціи, пожилой человѣкъ и очень злой насмѣшникъ, агитаторъ Ибрагимъ. Онъ какъ-будто ожидалъ чего-то. Когда Нэтти вышелъ въ другую комнату приготовить ванну, Ибрагимъ грубо и рѣшительно сказалъ мнѣ:

— Ты дуракъ! Чего ты зѣваешь? Развѣ ты не видишь, кто твой докторъ?

Я какъ-то мало удивился намеку, заключавшемуся въ этихъ словахъ, а ихъ циничный тонъ не возмущилъ меня—онъ былъ мнѣ знакомъ и очень обыченъ для Ибрагима. Но я вспомнилъ желѣзное пожатіе маленькой руки Нэтти и не повѣрилъ Ибрагиму.

— Тѣмъ хуже для тебя!—сказалъ онъ съ презрительной усмѣлкой и въ ту же минуту исчезъ.

Въ комнату вошелъ Нэтти. При видѣ его я почувствовалъ страшную половость. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Это хорошо,—сказалъ онъ.—Ване выздоровленіе идетъ быстро

Весь день послѣ этого онъ былъ какъ-то особенно молчаливъ и задумчивъ. На другой день, убѣдившись, что я чувствую себя хорошо и галлюцинаціи не повторяются, онъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ до самой ночи, замѣнивъ себя другимъ врачомъ. Послѣ этого въ теченіе цѣлаго ряда дней онъ являлся лишь по вечерамъ, чтобы усыпить меня на ночь. Тогда только мнѣ стало ясно, насколько для меня важно и пріятно его присутствіе. Вмѣстѣ съ волнами здоровья, которыя какъ-будто вливались въ мой организмъ изъ всей окружающей природы, стали все чаще приходиться размышленія о намекѣ Ибрагима. Я колебался и всячески убѣждалъ себя, что это нелѣпость, порожденная болѣзью: изъ-за чего бы Нэтти и прочимъ друзьямъ обманывать меня относительно этого? Тѣмъ не менѣе, смутное сомнѣніе оставалось, и оно мнѣ было пріятно.

Иногда я допрашивалъ Нэтти, какими дѣлами онъ сейчасъ занятъ. Онъ объяснялъ мнѣ, что идетъ рядъ собраній, связанныхъ съ устройствомъ новыхъ экспедицій на другія планеты, и онъ тамъ нуженъ, какъ

экспертъ. Мэнни руководилъ этими собраніями; но ни Нэтти, ни онъ не собирались скоро ѣхать, что меня очень радовало.

— А вы сами не думаете ѣхать домой?—спросилъ меня Нэтти, и въ его тонѣ я подмѣтилъ беспокойство.

— Но вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать,—отвѣчалъ я.

Лицо Нэтти просіяло.

— Вы ошибаетесь, вы сдѣлали многое... даже и этимъ отвѣтомъ,—сказалъ онъ.

Я почувствовалъ въ этомъ намекъ на что-то такое, чего я не знаю, но что касается меня.

— А не могу ли я отправиться съ вами на одно изъ этихъ совѣщаній?—спросилъ я.

— Ни въ какомъ случаѣ!—рѣшительно заявилъ Нэтти.—Кромѣ безусловнаго отдыха, который вамъ нуженъ, вамъ надо еще цѣлые мѣсяцы избѣгать всего, что имѣетъ тѣсную связь съ началомъ вашей болѣзни.

Я не спорилъ. Мнѣ было такъ пріятно отдыхать; а мой долгъ передъ человѣчествомъ ушелъ куда-то далеко. Меня беспокоили только, и все сильнѣе, странныя мысли о Нэтти.

Разъ вечеромъ я стоялъ у окна и смотрѣлъ на темнѣвшую внизу, таинственную красную «зелень» парка, и она казалась мнѣ прекрасной, и не было въ ней ничего чуждаго моему сердцу. Раздался легкій стукъ въ дверь; я сразу почувствовалъ, что это—Нэтти. Онъ вошелъ своей быстрой, легкой походкой и, улыбаясь, протянулъ мнѣ руку—старое, земное привѣтствіе, которое нравилось ему. Я радостно сжалъ его руки съ такой энергіей, что и его сильнымъ пальцамъ пришлось плохо.

— Ну, я вижу, моя роль врача окончена,—смѣясь сказалъ онъ.—Тѣмъ не менѣе я долженъ еще васъ поразспросить, чтобы твердо установить это.

Онъ разспрашивалъ меня, я безтолково отвѣчалъ ему въ непонятномъ смущеніи и читалъ скрытый смѣхъ въ глубинѣ его большихъ, большихъ глазъ. Наконецъ, я не выдержалъ:

— Объясните мнѣ, откуда у меня такое сильное влеченіе къ вамъ? Почему я такъ необыкновенно радъ васъ видѣть?

— Всего скорѣе, я думаю, отъ того, что я лѣчилъ васъ, и вы безсознательно переносите на меня радость выздоровленія. А можетъ быть... и еще одно... это то, что я... женщина...

Молнія блеснула передъ моими глазами, и все потемнѣло вокругъ, и сердце словно перестало биться... Черезъ секунду я, какъ безумный, сжималъ Нэтти въ своихъ объятіяхъ, и цѣловалъ ея руки, ея лицо, ея большіе, глубокіе глаза, зеленовато-синіе, какъ небо ея планеты...

Великодушно и просто. Нэтти уступала моимъ необузданнымъ порывамъ... Когда я очнулся отъ своего радостнаго безумія и вновь цѣловалъ ея руки съ невольными слезами благодарности на глазахъ,—то была, конечно, слабость отъ перенесенной болѣзни,—Нэтти сказала со своей милой улыбкой:

— Да, мнѣ казалось сейчасъ, что весь вашъ юный міръ я чувствую въ своихъ объятіяхъ. Его деспотизмъ, его эгоизмъ, его отчаянная жажда счастья—все было въ вашихъ ласкахъ. Ваша любовь сродни убійству.... Но... я люблю васъ, Лэнни...

Это было счастье.

Ч А С Т Ь ІІІ.

І. Счастье.

Эти мѣсяцы... Когда я ихъ вспоминаю, трепеть охватываетъ мое тѣло, и туманъ застилаетъ мои глаза, и все вокругъ кажется ничтожнымъ. И нѣтъ словъ, чтобы выразить минувшее счастье.

Новый міръ сталъ мнѣ близокъ и, казалось, вполне понятенъ. Прошлыя пораженія не смущали меня, юность и вѣра возвратились ко мнѣ, и, я думалъ, никогда не уйдутъ больше. У меня быть надежный и сильный союзникъ, слабости не было мѣста, будущее принадлежало мнѣ.

Къ прошлому мысль моя возвращалась рѣдко, а больше всего къ тому, что касалось Нэтти и нашей любви.

— Зачѣмъ вы скрывали отъ меня свой полъ?—спросилъ я ее вскорѣ послѣ того вечера.

— Сначала это произошло само собою, случайно. Но потомъ я подерживала ваше заблужденіе вполне сознательно и даже умышленно измѣнила въ своемъ костюмѣ все то, что могло навести васъ на истину. Меня пугала трудность и сложность вашей задачи, я боялась усложнить ее еще больше, особенно когда замѣтила ваше бессознательное влеченіе ко мнѣ. Я и сама не вполне понимала себя... до вашей болѣзни.

— Значить, это она рѣшила дѣло... Какъ я благодаренъ моимъ милымъ галлюцинаціямъ!

— Да, когда я услышала о вашей болѣзни, это было какъ громовой ударъ. Если бы мнѣ не удалось вполне вытѣчить васъ, я бы, можетъ быть, умерла.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія она прибавила:

— А знаете, въ числѣ вашихъ друзей есть еще одна женщина, о которой вы этого не подозревали, и она также очень любитъ васъ... конечно не такъ, какъ я...

— Энно!—сейчасъ же догадался я.

— Ну, конечно. И она также обманывала васъ нарочно, по моему совѣту.

— Ахъ, сколько обмана и коварства въ вашемъ мірѣ!—воскликнуть я съ шутливымъ пафосомъ.—Только, пожалуйста, пусть Мэнни останется мужчиной, потому что, если бы мнѣ случилось полюбить его, это было бы ужасно.

— Да, это страшно,—задумчиво подтвердила Нэтти, и я не почувствовалъ ея странной серьезности.

Дни проходили за днями, и я радостно овладевалъ прекраснымъ новымъ міромъ.

II. Разлука.

И все-таки этотъ день наступилъ, день, о которомъ я не могу вспомнить безъ проклятья,—день, когда между мной и Нэтти встала черная тѣнь непавистой и неизбежной... разлуки.

Со спокойнымъ и яснымъ, какъ всегда, выраженіемъ лица Нэтти сказала мнѣ, что она должна отправиться на-дняхъ вмѣстѣ съ гигантской экспедиціей, снаряжаемой на Венеру подъ руководствомъ Мэнни. Видя, какъ я ошеломленъ этимъ извѣстіемъ, она прибавила:

— Это будетъ не надолго; въ случаѣ успѣха, въ которомъ я не сомнѣваюсь, часть экспедиціи вернется очень скоро,—и я въ томъ числѣ.

Затѣмъ она стала объяснять мнѣ, въ чемъ дѣло. На Марсѣ запасы радіо-матеріи, необходимой какъ двигатель междупланетнаго сообщенія и какъ орудіе разложения и синтеза всѣхъ элементовъ, приходили къ концу: она только тратилась, и не было средствъ для ея возобновленія. На Венерѣ, молодой планетѣ, которая существовала почти вчетверо меньше, чѣмъ Марсъ, было по несомнѣннымъ признакамъ установлено присутствіе у самой поверхности колоссальныхъ залежей радіирующихъ веществъ, не успѣвшихъ самостоятельно разложиться. На одномъ островѣ, расположенномъ среди главнаго океана Венеры и носившемъ у марсіанъ имя «острова Горячихъ Бурь», находилась самая богатая руда радіо-матеріи; и тамъ рѣшено было начать немедленно ея разработку. Но прежде всего для этого было необходимо постройкой очень высокихъ и прочныхъ стѣнъ оградить работающихъ отъ губительнаго дѣйствія влажнаго горячаго вѣтра, который своей жестокостью далеко превосходитъ бури нашихъ песчаныхъ пустынь. Поэтому и потребовалась экспедиція изъ десяти этеронефовъ и полуто-

ра—двухъ тысячъ человекъ—изъ нихъ всего одна двадцатая для химическихъ, а почти всё остальные для строительныхъ работъ. Были привлечены лучшія научныя силы, въ томъ числѣ и наиболѣе опытные врачи: опасности здоровью угрожали и со стороны климата, и со стороны убійственныхъ лучей и эманаций радірующаго вещества. Нэтти, по ея словамъ, не могла уклониться отъ участія въ экспедиціи; но предполагалось, что если работы пойдутъ хорошо, то уже черезъ три мѣсяца одинъ этеронефъ отправится обратно съ извѣстіями и съ запасомъ добытаго вещества. Съ этимъ этеронефомъ должна была вернуться и Нэтти, значитъ черезъ 10—11 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда.

Я не могъ понять, почему Нэтти необходимо ѣхать. Она говорила мнѣ, что предпріятіе слишкомъ серьезное, чтобы отъ него можно было отказаться,—что оно имѣетъ большое значеніе и для моей задачи, такъ какъ его успѣхъ впервые дастъ возможность частыхъ и широкихъ сношеній съ Землею; что всякая ошибка въ постановкѣ медицинской помощи съ самаго начала можетъ привести къ крушенію всего дѣла. Все это было убѣдительно,—я уже узналъ, что Нэтти считается лучшимъ врачомъ для всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые выходятъ изъ рамокъ стараго медицинскаго опыта,—и все-таки мнѣ казалось, что это не все. Я чувствовалъ, что тутъ есть что-то недоговоренное.

Въ одномъ я не сомнѣвался—въ самой Нэтти и въ ея любви. Если она говорила, что ѣхать необходимо,—значитъ, это было необходимо; если она по говорила, почему—значитъ, мнѣ не слѣдовало ее допрашивать. Я видѣлъ страхъ и боль въ ея прекрасныхъ глазахъ, когда она думала, что я не смотрю на нее.

— Энно будетъ для тебя хорошимъ и милымъ другомъ,—сказала она съ грустной улыбкой;—и Нэллу ты не забывай,—она любитъ тебя за меня, у нея много опыта и ума, ея поддержка въ трудныя минуты драгоцѣнна. А обо мнѣ думай только одно,—что я вернусь какъ можно скорѣе.

Я вѣрю въ тебя, Нэтти,—сказалъ я,—и потому вѣрю въ себя, въ человека, котораго ты полюбила.

— Ты правъ Лэнни. И я убѣждена, что изъ-подъ всякаго гнета судьбы, изъ всякаго крушенія ты выйдешь вѣрнымъ себѣ, сильнымъ и чище, чѣмъ прежде.

Будущее бросало свою тѣнь на наши прощальныя ласки, и онѣ смѣшались со слезами Нэтти.

III. Фабрика одежды.

За тѣ короткіе мѣсяцы я успѣлъ съ помощью Нэтти въ значительной мѣрѣ подготовить выполнение своего главнаго плана—стать полезнымъ работникомъ марсіанскаго общества. Я сознательно отклонялъ всѣ предложенія читать лекціи о Землѣ и ея людяхъ: было бы неразумно сдѣлать это своей спеціальностью, такъ какъ это значило бы искусственно останавливать свое сознаніе на образахъ своего прошлаго, которое и безъ того не могло отъ меня уйти, вмѣсто того будущаго, которое надо было завоевать. Я рѣшилъ поступить просто на фабрику и выбрать на первый разъ, послѣ обстоятельнаго сравненія и обсужденія, фабрику одежды.

Я выбралъ, конечно, почти самое легкое. Но для меня и здѣсь потребовалась не малая и серьезная предварительная работа. Пришлось изучить выработанныя наукою принципы устройства фабрикъ вообще, ознакомиться спеціально съ устройствомъ той фабрики, гдѣ мнѣ предстояло работать, съ ея архитектурой, съ ея организаціей труда, выяснить себѣ въ основныхъ чертахъ также устройство всѣхъ примѣняемыхъ на ней машинъ, а той машины, съ которою я спеціально долженъ былъ имѣть дѣло,—конечно, во всѣхъ подробностяхъ. При этомъ оказалось необходимо предварительно усвоить нѣкоторые отдѣлы общей и прикладной механики и тѣхнологіи и даже математическаго анализа. Главныя трудности тутъ возникали для меня не изъ содержанія того, что приходилось изучать, а изъ формы. Учебники и руководства не были рассчитаны на человѣка низшей культуры. Я вспоминалъ, какъ въ дѣтствѣ мучилъ меня случайно попавшійся подъ руку французскій учебникъ математики. У меня было серьезное влеченіе къ этому предмету и, повидимому, недюжинныя способности къ нему; трудныя для большинства начинающихъ идеи «предѣла» и «производной» достались мнѣ какъ-то незамѣтно, точно я всегда былъ знакомъ съ ними. Но у меня не было той логической дисциплины и практики научнаго мышленія, которую предполагалъ въ читателѣ-ученикѣ французскій профессоръ, очень ясный и точный въ выраженіяхъ, но очень скупой на объясненія. Онъ постоянно пропускалъ тѣ логическіе мостики, которые могли сами собой подразумѣваться для человѣка болѣе высокой научной культуры, но не для юнаго азіата. И я не разъ цѣлыми часами думалъ надъ какимъ-нибудь магическимъ превращеніемъ, слѣдующимъ за словами:

«откуда, принимая во вниманіе предыдущія уравненія, мы выводимъ...» — Такъ было со мною и теперь—только еще сильнѣе,—когда я читалъ марсіанскія научныя книги; иллюзія, которая владѣла мною въ началѣ моей болѣзни, когда мнѣ все казалось легко и понятно, исчезла безъ слѣда. Но терпѣливая помощь Нэтти постоянно была со мною и сглаживала трудный путь.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Нэтти я рѣшился—и вступилъ на фабрику. Это было гигантское и очень сложное предпріятіе, совершенно не подходящее къ нашему обычному представленію о фабрикѣ одежды. Тамъ совмѣщалось пряденіе, тканье, кройка, шитье, окраска одежды, а матеріаломъ работы служили не ленъ, не хлопокъ и, вообще, не волокна растений, и не шерсть, и не шелкъ, а нѣчто совсѣмъ иное.

Въ прежнія времена марсіане приготавлилѣ ткани для одежды приблизительно такимъ же способомъ, какъ это дѣлается у насъ: культивировали волокнистыя растенія, стригли шерсть съ подходящихъ животныхъ и сдирали съ нихъ кожу, разводили особыя породы пауковъ, изъ паутины которыхъ получалось вещество, подобное шелку, и т. д. Толчокъ къ измѣненію техники данъ былъ необходимостью увеличивать все болѣе и болѣе производство хлѣба. Волокнистыя растенія стали вытѣсняться волокнистыми минералами, въ родѣ горнаго льна. Затѣмъ химики направили свои усилія на изслѣдованіе паутинныхъ тканей и на синтезъ новыхъ веществъ съ аналогичными свойствами. Когда это удалось имъ, то за короткое время во всей этой отрасли промышленности произошла полная революція, и теперь ткани стараго типа хранятся только въ историческихъ музеяхъ.

Наша фабрика была истиннымъ воплощеніемъ этой революціи. Нѣсколько разъ въ мѣсяцъ съ ближайшихъ химическихъ заводовъ по рельсовымъ путямъ доставлялся «матеріалъ» для пряжи въ видѣ полужидкаго прозрачнаго вещества въ большихъ цистернахъ. Изъ этихъ цистернъ матеріалъ при помощи особыхъ аппаратовъ, устраняющихъ доступъ воздуха, переливался въ огромный, въ высоко подвѣшенный металлическій резервуаръ, плоское дно котораго имѣло сотни тысячъ тончайшихъ, микроскопическихъ отверстій. Черезъ отверстія вязкая жидкость продавливалась подъ большимъ давленіемъ тончайшими струйками, которыми подъ дѣйствіемъ воздуха затвердѣвали уже въ нѣсколькихъ сантиметрахъ, и превращались въ прочныя паутинныя волокна. Десятки тысячъ механическихъ веретенъ подхватывали эти волокна, скручивали ихъ десят-

ками въ нити различной толщины и плотности и тянули ихъ дальше, передавая готовую «пряжу» въ слѣдующее ткацкое отдѣленіе. Тамъ на ткацкихъ станкахъ нити переплетались въ различные ткани, отъ самыхъ пѣжныхъ, какъ кисея и батистъ, до самыхъ плотныхъ, какъ сукно и войлокъ,—которыя безконечными широкими лентами тянулись еще дальше, въ мастерскую кройки. Здѣсь ихъ подхватывали новыя машины, тщательно складывали во много слоевъ и вырѣзывали изъ нихъ тысячами заранѣе намѣченные и размѣренныя по чертежамъ разнообразныя выкройки отдѣльныхъ частей костюма.

Въ швейной мастерской скроенные куски сшивались въ готовое платье, но безъ всякихъ иголокъ, нитокъ и швейныхъ машинъ. Ровно сложенные края кусковъ размягчались посредствомъ особаго химическаго растворителя, приходя въ прежнее полужидкое состояніе, и когда растворяющее вещество, очень летучее, черезъ минуту испарялось, то куски матеріи оказывались прочно спаянными, лучше, чѣмъ это могло быть сдѣлано какимъ бы то ни было швомъ. Одновременно съ этимъ впаивались вездѣ, гдѣ требовалось, и застежки, такъ что получались готовые части костюма—нѣсколько тысячъ образцовъ, различныхъ по формѣ и размѣру.

На каждый возрастъ имѣлось нѣсколько сотенъ образцовъ, изъ которыхъ на всякаго желающаго почти всегда можно было выбрать вполне подходящий, тѣмъ болѣе, что одежда у марсіанъ, обыкновенно, очень свободная. Если подходящаго найти не удавалось, напр., вслѣдствіе не вполне нормальнаго сложенія, то немедленно снимали особую мѣрку, устанавливали машину для кройки по новымъ чертежамъ и «шили» спеціально на данное лицо, что требовало какого-нибудь часа времени.

Что касается цвѣта костюма, то большинство марсіанъ удовлетворяется обычными оттѣнками, темными и мягкими, въ какихъ готовится самая матерія. Если же требуется иной цвѣтъ; кромѣ того, какой оказался налицо, то костюмъ отправляютъ въ красильное отдѣленіе, гдѣ въ нѣсколько минутъ при помощи электро-химическихъ приемовъ онъ приобретаетъ желательную окраску, идеально-ровную и идеально-прочную.

Изъ такихъ же тканей, только гораздо болѣе плотныхъ и прочныхъ, и приблизительно такими же способами готовится обувь и теплая зимняя одежда. Наша фабрика этимъ не занималась, но другія, еще болѣе крупныя, производили сразу рѣшительно все, что нужно, чтобы одѣть человека съ головы до ногъ.

Я работал поочередно во всех отдѣленіяхъ фабрики, и вначалѣ очень увлекался своей работой. Особенно интересно было заниматься въ отдѣленіи кройки, гдѣ мнѣ приходилось примѣнять на дѣлѣ новыя для меня способы математическаго анализа. Задача состояла въ томъ, чтобы изъ даннаго куска матеріи съ наименьшей потерей матеріала выкраивать всѣ части костюма. Задача, конечно, очень прозаичная, но и очень серьезная; потому что даже минимальная ошибка, повторенная много миллионъ разъ, давала громадную потерю. И достигать успѣшнаго рѣшенія мнѣ удавалось «не хуже» другихъ.

Работать «не хуже» другихъ—къ этому я стремился всѣми силами, и, въ общемъ, не безъ успѣха. Но я не могъ не замѣчать, что мнѣ это стоить гораздо большихъ усилій, чѣмъ остальнымъ работникамъ. Послѣ обычныхъ 4—6 (по земному счету) часовъ труда я бывалъ сильно утомленъ, и мнѣ нуженъ былъ немедленный отдыхъ, тогда какъ прочіе отправлялись по музеямъ, бібліотекамъ, лабораторіямъ или на другія фабрики наблюдать производство, а иногда даже тамъ еще работать...

Я надѣялся, что придетъ привычка къ новымъ видамъ труда и сравняетъ меня со всѣми работниками. Но этого не было. Я все болѣе убѣждался, что у меня не хватаетъ культуры вниманія. Физическихъ движеній требовалось очень мало, и цо ихъ быстротѣ и ловкости я не уступалъ, даже превосходилъ многихъ. Но требовалось такое непрерывное и напряженное вниманіе при наблюденіи за машинами и матеріаломъ, которое было очень тяжело для моего мозга: очевидно, только въ ряду нѣсколькихъ поколѣній могла развиться эта способность до той степени, какая здѣсь являлась обычной и средней.

Когда—обыкновенно къ концу моей дневной работы—въ ней начинало уже сказываться утомленіе и вниманіе мнѣ начинало измѣняться, я дѣлалъ ошибку или замедлялъ на секунду выполненіе какого-нибудь акта работы, тогда неминуемо и безошибочно рука кого-нибудь изъ сосѣдей поправляла дѣло.

Меня не только удивляла, но порой прямо возмущала ихъ странная способность, ни на йоту не отрываясь отъ своего дѣла, замѣчать все происходящее вокругъ. Ихъ заботливость не столько трогала меня, сколько вызывала во мнѣ досаду и раздраженіе; у меня являлось такое чувство, какъ-будто всѣ они постоянно слѣдятъ за моими дѣйствіями... Это безпокойное настроеніе увеличивало еще болѣе мою разсѣянность и портило мою работу.

Теперь, спустя долгое время, когда я тщательно и уже безпристрастно вспоминаю всё обстоятельства, я нахожу, что все это воспринималось невѣрно. Совершенно съ такой же заботливостью и совершенно такимъ же образомъ—можетъ быть, только менѣе часто,—мой товарищи на фабрикахъ помогали и другъ другу. Я не былъ предметомъ какого-нибудь исключительнаго надзора и контроля, какъ мнѣ тогда казалось. Я самъ—человѣкъ индивидуалистическаго міра—невольно и безсознательно выдѣлялъ себя изъ остальныхъ и болѣзненно воспринималъ ихъ доброту и товарищескія услуги, за которыя—какъ это казалось мнѣ, человѣку товарнаго міра,—мнѣ печѣмъ было заплатить.

IV. Энно.

Миновала и долгая осень; зима, малоснѣжная, но холодная, воцарилась въ нашей области—въ среднихъ широтахъ сѣвернаго полушарія. Маленькое солнце совсѣмъ не грѣло и свѣтило меньше прежняго. Природа сбросила яркія краски, стала блѣдною и суровой. Холодъ заползалъ въ сердце, сомнѣнія росли въ душѣ, и нравственное одиночество пришельца изъ другого міра становилось все болѣе мучительнымъ.

Я отправился къ Энно, съ которой давно уже не видался. Она встрѣтила меня какъ близкаго и родного человѣка,—точно яркій лучъ недалекаго прошлаго прорѣзалъ холодъ зимы и сумракъ заботы. Потомъ я замѣтилъ, что она и сама была блѣдна и какъ-будто утомлена или измучена чѣмъ-то; была какая-то скрытая печаль въ ея манерахъ и разговорѣ. Намъ было о чемъ говорить между собою, и нѣсколько часовъ прошли для меня незамѣтно и хорошо, какъ не бывало съ самаго отъѣзда Нэтти.

Когда я всталъ, чтобы отправиться домой, намъ обоимъ стало грустно.

— Если ваша работа не приковываетъ васъ здѣсь, то поѣдемъ со мною,—сказалъ я.

Энно сразу согласилась, взяла съ собою работу,—она въ это время занималась по наблюденіямъ на обсерваторіи, а провѣркой огромнаго запаса вычисленій,—и мы поѣхали въ химическій городокъ, гдѣ я жилъ одинъ въ квартирѣ Мэнни. По утрамъ я каждый день путешествовалъ на свою фабрику, находившуюся въ сотнѣ километровъ, т.-е. въ полчаса луті отсюда; а долгіе зимніе вечера мы съ Энно стали теперь проводить

вмѣстѣ въ научныхъ запятіяхъ, разговорахъ и иногда прогулкахъ по окрестностямъ.

Энно рассказала мнѣ свою исторію. Она любила Мэнни и была раньше его женой. Ей страстно хотѣлось имѣть отъ него ребенка, но проходилъ годъ за годомъ, а ребенка не было. Тогда она обратилась къ Нэтти за совѣтомъ. Нэтти самымъ внимательнымъ образомъ выяснила все обстоятельство и пришла къ категорическому выводу, что дѣтей никогда не будетъ. Мэнни слишкомъ поздно сложился изъ мальчика въ мужчину и слишкомъ рано сталъ жить самой напряженной жизнью ученаго и мыслителя. Активность его мозга своимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ подорвала и подавила жизненность элементовъ размноженія съ самаго начала; и это было непоправимо.

Приговоръ Нэтти былъ страшнымъ ударомъ для Энно, у которой любовь къ гениальному человѣку и глубокій материнскій инстинктъ слились въ одномъ страстномъ стремленіи, оказавшемся вдругъ безнадежнымъ.

Но это было не все; изслѣдованіе привело Нэтти еще къ другому результату. Оказалось, что для гигантской умственной работы Мэнни, для полноты развитія его гениальныхъ способностей было пужно какъ можно больше физической сдержанности, какъ можно меньше любовныхъ ласкъ. Энно не могла не послѣдовать этому совѣту и быстро убѣдилась, насколько онъ былъ справедливъ и разуменъ. Мэнни оживился, сталъ работать энергичнѣе чѣмъ когда-либо, новыя планы съ необыкновенной быстротой зарождались въ его головѣ и выполнялись особенно успѣшно, п. повидимому, онъ нисколько не чувствовалъ лишения. Тогда Энно, для которой ея любовь была дороже жизни, но гений любимаго человѣка дороже любви, сдѣлала все выводы изъ того, что узнала.

Она разошлась съ Мэнни; это вначалѣ его огорчило, но потомъ онъ быстро примирился съ фактомъ. Истинная причина разрыва осталась для него, можетъ быть, даже неизвѣстной: Энно и Нэтти сохраняли ее въ тайнѣ; хотя, конечно, нельзя было знать навѣрное, не угадалъ ли проницательный умъ Мэнни скрытую подкладку событій. А для Энно жизнь оказалась настолько опустошенной, подавленное чувство создавало такіа страданія, что спустя короткое время молодая женщина рѣшила умереть.

Чтобы помѣшкать самоубійству, Нэтти, къ содѣйствію которой обратилась Энно, подъ разными предлогами затянула на день его выполненіе, а сама извѣстила Мэнни. Тотъ въ это время организовалъ экспедицію на

Землю и тотчас послать Энно приглашение принять участие въ этомъ важномъ и опасномъ предпріятіи. Уклониться было трудно. Энно приняла предложеніе. Масса новыхъ впечатлѣній помогла ей справиться съ душевною болью; и ко времени возвращенія на Марсъ она успѣла уже овладѣть собою настолько, что могла принять на себя видъ веселаго мальчика-поэта, котораго я зналъ на этеронефѣ.

Въ новую экспедицію Энно не поѣхала потому, что боялась вновь слишкомъ привыкнуть къ присутствію Мэнни. Но тревога за его судьбу не покидала ее, пока она оставалась въ одиночествѣ: она слишкомъ хорошо знала опасности предпріятія. Въ долгіе зимніе вечера наши мысли и разговоры постоянно возвращались къ одной и той же точкѣ Вселенной: туда, гдѣ подъ лучами огромнаго солнца, подъ дыханіемъ палящаго вѣтра, самыя близкія для насъ обоихъ существа съ лихорадочной энергіей вели свою титанически-смѣлую работу. Насъ глубоко сближало это единство мысли и настроенія. Энно была для меня болѣе чѣмъ сестрою.

Какъ-то само собою, безъ порыва и безъ борьбы, наше сближеніе привело насъ къ любовнымъ отношеніямъ. Неизмѣнно-кроткая и добрая Энно не уклонялась отъ этой близости, хотя и не стремилась къ ней сама. Она только рѣшила не имѣть отъ меня дѣтей... Былъ отъѣнокъ мягкой грусти въ ея ласкахъ,—ласкахъ нѣжной дружбы, которая все позволяетъ...

А зима попрежнему простирала надъ нами свои холодныя, блѣдныя крылья,—долгая марсіанская зима безъ оттепелей, бурь и метелей, спокойная и неподвижная, какъ смерть. И у насъ обоихъ не было желанія лѣтѣть на югъ, гдѣ въ это время грѣло солнце и полная жизни природа развертывала свою яркую одежду. Энно не хотѣлось той природы, слишкомъ мало гармонировавшей съ ея настроеніемъ; я же избѣгать новыхъ людей и новой обстановки, потому чтознакомиться и привыкать къ нимъ требовало новаго, лишняго труда и утомленія, а я и безъ того слишкомъ медленно шелъ къ своей цѣли. Призрачно-страшной была наша дружба—любовь въ царствѣ зимы, заботы, ожиданія...

V. У Нэллы.

Энно еще въ ранней юности была самой близкой подругой Нэтти и много рассказывала мнѣ о пей. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ мой

слухъ поразило такое сочетаніе именъ Нэтти и Стэрни, которое показалось мнѣ страннымъ. Когда я задалъ прямой вопросъ, Энно сначала задумалась и какъ-будто даже смутилась, а затѣмъ отвѣтила:

— Нэтти была раньше женой Стэрни. Если она этого вамъ не сказала, значитъ, и мнѣ не слѣдовало говорить. Я сдѣлала, очевидно, ошибку, и дальше вы меня не разспрашивайте объ этомъ.

Я былъ какъ-то странно потрясенъ тѣмъ, что услышалъ... Какъ-будто—не было ничего новаго... Я никогда не предполагалъ, что я первый мужъ Нэтти. Было бы нелѣпостью думать, что женщина, полная жизни и здоровья, красивая тѣломъ и душой, дитя свободной, высококультурной расы, могла безъ любви прожить до нашей встрѣчи. Чѣмъ же вызвано было мое непонятно-ошеломленное состояніе? Я не могъ разсуждать объ этомъ, я чувствовалъ только одно, что мнѣ надо знать все, знать точно и ясно. Но допрашивать Энно, очевидно, было невозможно. Я вспомнилъ о Нэллѣ.

Нэтти, уѣзжая, говорила: «не забывай о Нэллѣ, иди къ ней въ трудную минуту!» И я не разъ уже думалъ о томъ, какъ бы повидаться съ ней; но мѣшала отчасти работа, отчасти какой-то смутный страхъ передъ сотнями любопытныхъ дѣтскихъ глазокъ, которые ее окружали. Но теперь всякая нерѣшительность исчезла, и я въ тотъ же день былъ въ Домъ Дѣтей, въ Большомъ Городѣ Машинъ.

Нэлла тотчасъ бросила работу, которой была занята, и, попросивъ другую воспитательницу замѣнить себя, провела меня въ свою комнату, гдѣ дѣти не могли мѣшать намъ.

Я рѣшилъ не говорить ей сразу о цѣли моего посѣщенія, тѣмъ болѣе что мнѣ самому эта цѣль не казалась ни особенно разумной, ни особенно благородной. Было какъ нельзя болѣе естественно, что я завелъ разговоръ о самомъ близкомъ для насъ обоихъ человѣкѣ; а затѣмъ оставалось ожидать подходящаго момента для моего вопроса. Нэлла много и съ увлеченіемъ разсказывала мнѣ о Нэтти, объ ея дѣтствѣ и юности.

Первые годы своей жизни Нэтти провела при матери, какъ въ большинствѣ случаевъ и бываетъ у марсіанъ. Затѣмъ, когда надо было отдать Нэтти въ Домъ Дѣтей, чтобы не лишать ее воспитательнаго вліянія дѣтскаго общества, Нэлла не могла уже съ нею разстаться и сначала временно поселилась въ этотъ же Домъ, а потомъ навсегда осталась тамъ воспитательницей. Это подходило и къ ея научной специальности: она занималась, главнымъ образомъ, психологіей.

Нэтти была живымъ, энергичнымъ, порывистымъ ребенкомъ, съ большой жаждой знаній и дѣятельности. Особенно интересовалъ и привлекалъ ее таинственный астрономическій міръ за предѣлами планеты. Земля, которой тогда еще не удавалось достигнуть, и ея невѣдомые люди были любимой мечтой Нэтти, любимымъ сюжетомъ ея разговоровъ съ другими дѣтьми и съ воспитателями.

Когда былъ опубликованъ отчетъ о первой удачной экспедиціи Мэнни на Землю, дѣвочка чуть не сошла съ ума отъ радости и восхищенія. Докладъ Мэнни она запомнила отъ слова до слова и потомъ замучила Нэллу и воспитателей требованіями объяснять ей каждый непонятный терминъ этого доклада. Она влюбилась въ Мэнни заочно и написала ему восторженное письмо; въ этомъ письмѣ она, между прочимъ, умоляла его привезти ей съ земли ребенка, котораго некому воспитывать: она бралась воспитать его самымъ лучшимъ образомъ. Она увѣшала всю свою комнату земными видами и портретами земныхъ людей, и стала изучать словари земныхъ языковъ, какъ только они появились въ печати. Она негодовала на насиліе, которое Мэнни и его спутники примѣняли къ первому встрѣчному ими земному человѣку: они взяли его въ плѣнъ, чтобы онъ помогъ имъ познакомиться съ земными языками; и въ то же время она горячо сожалѣла, что, увѣжая обратно, они отпустили его на свободу, а не привезли съ собой на Марсъ. Она твердо рѣшила когда-нибудь поѣхать на Землю и въ отвѣтъ на шутку матери, что тамъ она выйдетъ замужъ за земного человѣка, подумавши, заявила: «очень можетъ быть!»

Всего этого сама Нэтти никогда не рассказывала мнѣ; въ своихъ разговорахъ она вообще избѣгала касаться прошлаго. И, конечно, никто, даже она сама, не могъ бы рассказать этого лучше Нэллы. Какъ ярко сіяла материнская любовь въ описаніяхъ Нэллы! Минутами я совсѣмъ забывался и какъ живую видѣлъ передъ собою чудную дѣвочку съ горящими большими глазами и съ загадочнымъ влеченіемъ къ далекому, далекому міру... Но это быстро проходило: возвращалось сознаніе окружающаго и воспоминаніе о цѣли разговора, и вновь становилось холодно на душѣ.

Наконецъ, когда разговоръ перешелъ къ болѣе позднимъ годамъ жизни Нэтти, я рѣшился спросить, съ возможно спокойнымъ и непринужденнымъ видомъ, какъ возникли отношенія Нэтти и Стэрри. Нэлла задумалась на минуту.

— А, вот что!—сказала она.—Такъ вы явились ко мнѣ изъ-за этого... Почему же вы не сказали мнѣ этого прямо?

Непривычная строгость звучала въ ея голосѣ. Я молчалъ.

— Разумѣется, я могу рассказать вамъ это,—продолжала она.—Это очень несложная исторія. Стэрни былъ однимъ изъ учителей Нэтти,—онъ читалъ молодежи лекціи по математикѣ и астрономіи. Когда онъ вернулся изъ своей первой поѣздки на Землю,—то была, кажется, вторая экспедиція Мэнни,—онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ докладовъ объ этой планетѣ и ея обитателяхъ. При этомъ Нэтти была его постоянной слушательницей. Особенно сблизило ихъ то терпѣніе и вниманіе, съ которымъ онъ относился къ ея безконечнымъ разспросамъ. Сближеніе привело къ браку. Тутъ было своего рода полярное тяготѣніе двухъ очень несходныхъ, во многомъ противоположныхъ натуръ. Впослѣдствіи то же самое несходство, проявляясь болѣе постоянно и во всей полнотѣ въ ихъ совмѣстной жизни, привело къ охлажденію и къ разрыву. Вотъ и все.

— Скажите, когда совершился этотъ разрывъ?

— Окончательно—послѣ смерти Летта. Собственно, уже сближеніе Нэтти и Летта было началомъ этого разрыва. Нэтти становилось не по себѣ отъ аналитически-холоднаго ума Стэрни; онъ слишкомъ систематично и упорно разрушалъ всѣ воздушные замки, всѣ фантазіи ума и чувства, которыми она такъ много и такъ сильно жила. Она невольно стала искать человѣка, который относился бы ко всему этому иначе. А у стараго Летта было на рѣдкость отзывчивое сердце и много полудѣтскаго энтузіазма. Нэтти нашла въ немъ такого товарища, какова ей было надо: онъ не только умѣлъ терпѣливо относиться къ порывамъ ея воображенія, но нерѣдко и самъ увлекался вмѣстѣ съ нею. У него она отдыхала душой отъ суровой, все замораживающей критики Стэрни. Опъ, какъ и она, любилъ Землю мечтой и фантазіей, вѣрилъ въ будущій союзъ двухъ міровъ, который принесетъ съ собою великій расцвѣтъ и великую поэзію жизни. И когда она узнала, что человѣкъ съ такимъ сокровищемъ чувства въ душѣ никогда не зналъ женской любви и ласки, она не могла съ этимъ примириться. Такъ возникла ея вторая связь.

— Одну минуту,—перебилъ я.—Правильно ли я васъ понялъ? Вы говорите, что она была женой Летта?

— Да,—отвѣчала Нелла.

— Но вы, кажется, сказали, что окончательный разрывъ со Стэрни произошелъ послѣ смерти Летта?

— Да. Вамъ это непонятно?

— Нѣтъ, я понимаю васъ. Я только не зналъ этого.

Въ эту минуту насъ прервали. Съ кѣмъ-то изъ дѣтей случился нервный припадокъ, и Нэллу экстренно вызвали къ нему. На нѣсколько минутъ я остался одинъ. Голова у меня слегка кружилась, я чувствовалъ себя такъ странно, что никакими словами нельзя было описать моего состоянія. Въ чемъ дѣло? Не было ничего особеннаго. Нэтти была свободнымъ человѣкомъ и вела себя какъ свободный человѣкъ. Летта былъ ея мужемъ? Я всегда уважалъ его и чувствовалъ бы къ нему горячую симпатію, даже если бы онъ не пожертвовалъ за меня своей жизнью. Нэтти была женою двухъ своихъ товарищей одновременно? Но я всегда считалъ, что единобрачіе въ нашей средѣ вытекаетъ только изъ нашихъ экономическихъ условій, ограничивающихъ и опутывающихъ человѣка на каждомъ шагѣ; здѣсь же этихъ условій не было, а были инныя, не создающія никакихъ стѣсненій для личнаго чувства и личныхъ связей. Откуда же мое тревожное недоумѣніе и непонятная боль, отъ которой мнѣ хочется не то вскрикнуть, не то засмѣяться? Или я не умѣю чувствовать такъ, какъ думаю? Кажется, да. А мои отношенія съ Энно? Гдѣ же моя логика? И что же такое я самъ? Какое нелѣпное состояніе?

Ахъ, да, еще вотъ что... Почему Нэтти не говорила мнѣ всего этого? И сколько еще тайнъ и обмановъ вокругъ меня? И сколько ихъ ожидать въ будущемъ? Опять неправда! Тайна—да, это вѣрно. Но обмана тутъ не было. А развѣ въ этомъ случаѣ тайна—не обманъ?...

Эти мысли вихремъ проносились въ моей головѣ, когда дверь отверплась и въ комнату опять вошла Нэлла. Она, очевидно, прочитала на моемъ лицѣ, насколько мнѣ было тяжело, потому что въ ея тонѣ, когда она ко мнѣ обратилась, уже не было прежней сухости и суровости.

— Конечно.—сказала она,—ислегко привыкать къ совершенно чуждымъ жизненнымъ отношеніямъ и къ обычаямъ другого міра, съ которыми не имѣешь кровной связи. Вы преодолевали уже много препятствій,—справитесь и съ этимъ. Нэтти въ васъ вѣритъ, и я думаю, что она права, А развѣ ваша вѣра въ нее поколебалась?

— Отчего она скрывала все это отъ меня? Гдѣ тутъ ея вѣра? Я не могу ее понять.

— Почему она такъ поступала—я этого не знаю. Но я знаю, что она должна была имѣть для этого серьезные и хорошіе, а не мелкіе

мотивы. Можетъ быть, ихъ объяснить вамъ это письмо. Она мнѣ оставила его для васъ на случай именно такого разговора, какой сейчасъ былъ между нами.

Письмо было написано на моемъ родномъ языкѣ, который такъ хорошо изучила моя Нэтти. Вотъ что я тамъ прочитала:

«Мой Лэнни! Я ни разу не говорила съ тобою о моихъ прежнихъ личныхъ связяхъ, но это было не потому, чтобы я хотѣла скрывать отъ тебя что бы то ни было изъ моей жизни. Я глубоко доверяю своей яснотѣ головы и твоему благородному сердцу; я не сомнѣваюсь, что какъ бы ни были чужды и непривычны для тебя нѣкоторыя изъ нашихъ жизненныхъ отношеній, ты, въ концѣ концовъ, всегда сумѣешь вѣрно понять и справедливо оцѣнить ихъ.

«Но я боялась одного... После болѣзни ты быстро накапливалъ силы для работы, но тѣ душевное равновѣсіе, отъ котораго зависитъ самообладаніе въ словахъ и поступкахъ во всякую минуту и при всякомъ впечатлѣніи, еще не вполне къ себѣ вернулось. Если бы подъ вліяніемъ момента и стихійныхъ силъ прошлаго, всегда тающихся въ глубинахъ человеческой души, ты хоть на секунду обнаружилъ ко мнѣ, какъ жещинѣ, то нехорошее, возникшее изъ насилія и рабства отношеніе, которое господствуетъ въ старомъ мірѣ,—ты никогда не простилъ бы себѣ этого. Да, дорогой мой, я знаю, ты строгъ, часто даже жестокъ къ самому себѣ,—ты вынесъ эту черту изъ вашей суровой школы—вѣчной борьбы земного міра; и одна секунда дурного, болѣзненного порыва навсегда осталась бы для тебя темнымъ пятномъ на нашей любви.

«Мой Лэнни, я хочу и могу тебя успокоить. Пусть спитъ и никогда не просыпается въ душѣ твоей злое чувство, которое съ любовью къ человѣку связываетъ безпокойство за живую собственность. У меня не будетъ другихъ личныхъ связей. Я могу легко и увѣренно обѣщать тебѣ это, потому что передъ моей любовью къ тебѣ, передъ страстнымъ желаніемъ помочь тебѣ въ твоей великой жизненной задачѣ все остальное становится такъ мелко и ничтожно. Я люблю тебя не только какъ жена, я люблю тебя какъ мать, которая ведетъ своего ребенка въ новую и чуждую ему жизнь, полную усилій и опасностей. Эта любовь сильнѣе и глубже всякой другой, какая можетъ быть у человѣка къ человѣку. И потому въ моемъ обѣщаніи нѣтъ жертвы.

«До свиданья, мое дорогое, любимое дитя.

Твоя Нэтти».

Когда я дочиталъ письмо, Нелла вопросительно посмотрѣла на меня.
— Вы были правы,—сказалъ я и поцѣловалъ ея руку.

VI. Въ поискахъ.

Отъ этого эпизода у меня осталось въ душѣ чувство глубокаго униженія. Еще болѣзненнѣе, чѣмъ прежде, я сталъ воспринимать превосходство надо мной окружающихъ и на фабрикѣ, и во всѣхъ другихъ сношеніяхъ съ марсіанами. Несомнѣнно, я даже преувеличивалъ это превосходство и свою слабость. Въ доброжелательствѣ и заботливости ихъ обо мнѣ я начиналъ видѣть отъѣнокъ полупрезрительной снисходительности, въ ихъ осторожной сдержанности—скрытое отвращеніе къ низшему существу. Точность воспріятія и вѣрность оцѣнки все болѣе нарушались въ этомъ направленіи.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мысль оставалась ясной, и теперь она особенно сильно работала надъ заполненіемъ пробѣловъ, связанныхъ съ отъѣздомъ Нэтти. Больше, чѣмъ прежде, я былъ убѣжденъ, что для участія Нэтти въ этой экспедиціи существовали еще неизвѣстные мнѣ мотивы, болѣе сильные и болѣе важные, чѣмъ тѣ, которые приводились для меня. Новое доказательство любви Нэтти и того громаднаго значенія, которое она придавала моей миссіи въ дѣлѣ сближенія двухъ міровъ, было новымъ подтвержденіемъ того, что безъ исключительныхъ причинъ она не рѣшилась бы покинуть меня надолго среди глубинъ и мелей и подводныхъ камней океана чуждой мнѣ жизни, лучше и яснѣе меня самого понимая своимъ свѣтлымъ умомъ. какія опасности тутъ угрожали. Было что-то, чего я не зналъ, но былъ убѣжденъ, что оно имѣло ко мнѣ какое-то серьезное отношеніе; и надо было выяснить это что-то во что бы ни стало.

Я рѣшилъ добратъся до истины путемъ систематическаго изслѣдованія. Припоминая нѣкоторые случайные и невольные намеки Нэтти, беспокойное выраженіе, которое я очень задолго улавливалъ на ея лицѣ, когда при мнѣ заходила рѣчь о колоніальныхъ экспедиціяхъ, я пришелъ къ заключенію, что Нэтти рѣшилась на эту разлуку не тогда, когда объ этомъ мнѣ сказала, а очень давно, не позже первыхъ дней паллаго брака. Значить, и причинъ надо было искать около этого времени. Но гдѣ ихъ искать?

Онѣ могли быть связаны либо съ личными дѣлами Нэтти, либо съ происхожденіемъ, характеромъ, значеніемъ самой экспедиціи. Первое, послѣ письма Нэтти, представлялось наименѣе вѣроятнымъ. Слѣдовательно, прежде всего надо было направить розыски по второму направлению и начать съ того, чтобы вполнѣ выяснить исторію происхожденія экспедиціи.

Само собой разумѣется, что экспедиція была рѣшена «колоніальной группой», — такъ называлось собраніе работниковъ, активно участвующихъ въ организаціи междупланетныхъ путешествій, вмѣстѣ съ представителями отъ центральной статистики и отъ тѣхъ заводовъ, которые дѣлаютъ этеронефы и, вообще, доставляютъ необходимыя средства для этихъ путешествій. Я зналъ, что послѣдній съѣздъ этой «колоніальной группы» былъ какъ разъ во время моей болѣзни. Мэнни и Нэтти участвовали тамъ. Такъ какъ я тогда уже выздоравливалъ, и мнѣ было скучно безъ Нэтти, то я хотѣлъ быть тоже на этомъ съѣздѣ, но Нэтти сказала, что это опасно для моего здоровья. Не зависѣла ли «опасность» отъ чего-нибудь такого, чего мнѣ не слѣдовало знать? Очевидно, требовалось достать точные протоколы съѣзда и прочитать все, что могло относиться къ данному вопросу.

Но тутъ встрѣтились затрудненія. Въ колоніальной библіотекѣ мнѣ дали только собраніе рѣшеній съѣзда. Въ рѣшеніяхъ была превосходно намѣчена, почти до мелочей, вся организація грандіознаго предпріятія на Венерѣ, но не было ничего такого, что спеціально меня теперь интересовало. Это никомъ образомъ для меня не исчерпывало вопроса. Рѣшенія, при всей ихъ обстоятельности, были изложены безъ всякой мотивировки, безъ всякихъ указаній на все обсужденіе, которое имъ предшествовало. Когда я сказалъ библіотекарю, что мнѣ нужны самые протоколы, онъ мнѣ объяснилъ, что протоколы не опубликованы и что подробныхъ протоколовъ вообще не велось, какъ обыкновенно и дѣлается при технически-дѣловыхъ собраніяхъ.

На первый взглядъ это казалось правдоподобнымъ. Марсіане, дѣйствительно, чаще всего публикуютъ только рѣшенія своихъ техническихъ съѣздовъ, находя, что всякое разумное и полезное мнѣніе, высказанное тамъ, либо найдетъ себѣ отраженіе въ принятой резолюціи, либо гораздо лучше и обстоятельнѣе, чѣмъ въ короткой рѣчи, будетъ выяснено авторомъ въ особой статьѣ, брошюрѣ, книгѣ, если самъ авторъ находитъ его важнымъ. Марсіане вообще не любятъ чрезмѣрно размно-

жать литературу, и ничего подобного нашимъ многогомпнымъ «трудамъ комиссій» у нихъ найти нельзя: все сжимается до наименьшаго возможнаго объема. Но въ данномъ случаѣ я не повѣрилъ библіотекарю. Слишкомъ крупныя и важныя вещи рѣшались на съѣздѣ, чтобы можно было такъ отнестись къ ихъ обсужденію, какъ къ обычнымъ дебатамъ по какому-нибудь обычному техническому вопросу.

Я, однако, постарался скрыть свое недовѣріе и, чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, покорно углубился въ изученіе того, что мнѣ дали, въ дѣйствительности же тѣмъ временемъ обдумывать планъ дальнѣйшихъ цѣлѣй.

Было очевидно, что въ книжной библіотекѣ я не получу того, что мнѣ надо: протоколовъ либо въ самомъ дѣлѣ не было, либо предупрежденный моимъ вопросомъ библіотекаръ искусно спрячетъ ихъ отъ меня. Оставалось другое—фонографическое отдѣленіе библіотеки.

Тамъ протоколы могли найтись даже въ томъ случаѣ, если не были изданы въ печати. Фонографъ часто замѣняетъ у марсіанъ стенографію, и въ ихъ архивахъ хранятся многія неизданныя фонограммы различныхъ общественныхъ собраній.

Я выбралъ моментъ, когда книжный библіотекаръ былъ сильно поглощенъ работой, и незамѣтно для него прошелъ въ фонографическій отдѣлъ. Тамъ я спросилъ у дежурнаго товарища большой каталогъ фонограммъ. Онъ далъ мнѣ его.

По каталогу я быстро нашелъ номера фонограммъ интересующаго меня съѣзда и, дѣлая видъ, что не хочу беспокоить доставаніемъ ихъ дежурнаго товарища, отправился самъ разыскивать ихъ. Это мнѣ также легко удалось.

Всѣхъ фонограммъ было пятнадцать, по числу засѣданій съѣзда. При каждой, какъ обыкновенно у марсіанъ дѣлается, было приложено писаное оглавленіе. Я быстро пересмотрѣлъ ихъ.

Первыя пять засѣданій оказались посвященными всецѣло докладамъ объ экспедиціяхъ, устроенныхъ послѣ предыдущаго съѣзда, и новыхъ усовершенствованіяхъ въ технику этеронетовъ.

Въ заголовкѣ шестой фонограммы значилось:

«Предложеніе Центральной Статистики о переходѣ къ массовой колонизаціи. Выборъ планеты—Земля и Венера. Рѣчи и предложенія Стэрни, Нэтти, Мэнни и другихъ. Предварительное рѣшеніе въ пользу Венеры».

Я почувствовалъ, что это то самое, чего искалъ. Я вставилъ фонограмму въ аппаратъ. То, что я слышалъ, навсегда врезалось мнѣ въ душу. Вотъ что тамъ было.

Шестое засѣданіе открылъ Мэнни, предсѣдатель конгресса. Первымъ взялъ слово для доклада представитель Центральной Статистики.

Онъ посредствомъ ряда точныхъ цифръ доказалъ, что при данномъ ростѣ населенія и прогрессѣ его потребностей, если марсіане будутъ ограничиваться эксплуатацией своей планеты, то черезъ тридцать лѣтъ начнется недостатокъ въ средствахъ питанія. Помышлять этому могло бы открытіе технически-легкаго синтеза бѣлковъ изъ неорганической матеріи, но ниномъ образомъ нельзя ручаться, что за тридцать лѣтъ этого удастся достигнуть. Поэтому совершенно необходимо, чтобы колоніальная группа отъ простыхъ научныхъ экскурсій на другія планеты перешла къ дѣлу организации настоящаго массоваго переселенія туда марсіанъ. На-лицо имѣются двѣ доступныхъ для марсіанъ планеты съ громадными естественными богатствами. Надо немедленно же рѣшить, какую изъ нихъ сдѣлать для начала центромъ колонизаціи, и затѣмъ приступить къ выработкѣ плана.

Мэнни спрашиваетъ, есть ли желающіе возразить по существу противъ предложенія Центральной Статистики или противъ его мотивировки. Желающихъ не оказывается.

Тогда Мэнни ставитъ на обсужденіе вопросъ о томъ, какую планету выбрать въ первую очередь въ дѣлѣ массовой колонизаціи.

Слово беретъ Стэрни.

VII. Стэрни.

— Первый вопросъ, поставленный намъ представителемъ Центральной Статистики,—такъ началъ Стэрни своимъ обычнымъ, математически-дѣловымъ тономъ,—вопросъ о выборѣ планеты для колонизаціи, на мой взглядъ, не нуждается въ рѣшеніи, потому что рѣшенъ давно, рѣшенъ самой дѣйствительностью. Выбирать не изъ чего. Изъ двухъ, доступныхъ намъ теперь планетъ, только одна вообще пригодна для массовой колонизаціи. Это—Земля. О Венерѣ существуетъ большая литература, съ которой всѣ вы, конечно, знакомы. Выводъ изъ всѣхъ собранныхъ въ ней данныхъ возможенъ только одинъ: овладѣть Венерой мы теперь не можемъ. Ея жгучее солнце истомитъ и обезсилитъ нашихъ колонистовъ,

ея страшныя грозы и бури разрушать наши постройки, размечуть въ пространствахъ наши аэропланы и разобьютъ ихъ объ исполинскія горы. Съ ея чудовищами мы могли бы еще справиться, хотя и цѣною не малыхъ жертвъ; но ея бактеріальный міръ, странно богатый формами, извѣстенъ намъ лишь въ ничтожной степени,—а сколько новыхъ болѣзней для насъ скрываетъ онъ въ себѣ? Ея вулканическія силы еще находятся въ безпокойномъ броженіи; сколько неожиданныхъ землетрясеній, изверженій лавы, океаническихъ наводненій онъ намъ обѣщаютъ. Разумныя существа не должны предпринимать невозможнаго. Попытка колонизовать Венеру дала бы намъ безчисленныя, но и бесполезныя жертвы, не жертвы науки и общаго счастья, а жертвы безумія и мечты. Этотъ вопросъ мнѣ кажется ясенъ, и уже одинъ докладъ послѣдней экспедиціи на Венеру врядъ ли въ комъ-нибудь могъ оставить какія бы то ни было сомнѣнія.

«Такимъ образомъ, если дѣло идетъ вообще о массовомъ переселеніи, то, конечно, только о переселеніи на Землю. Тутъ препятствія со стороны природы ничтожны, ея богатства неисчислимы—они въ восемь разъ превосходятъ то, что даетъ наша планета. Самое дѣло колонизаціи хорошо подготовлено уже существующей на Землѣ, хотя и не высокой культурой. Все это, разумѣется, извѣстно и Центральной Статистикѣ. Если она предлагаетъ намъ вопросъ о выборѣ, а мы находимъ нужнымъ его обсуждать, то исключительно по той причинѣ, что Земля представляетъ намъ одну очень серьезное препятствіе. Это—ея человечество.

Люди Земли владѣютъ ею и ни въ какомъ случаѣ они ея добровольно не уступятъ, не уступятъ сколько-нибудь значительной доли ея поверхности. Это вытекаетъ изъ всего характера ихъ культуры. Ея основа есть собственность, огражденная организованнымъ насиліемъ. Хотя даже самыя цивилизованныя племена Земли эксплуатируютъ на дѣлѣ только ничтожную часть доступныхъ имъ силъ природы, но стремленіе къ захвату новыхъ территорій у нихъ никогда не ослабѣваетъ. Систематическое ограбленіе земель и имущества менѣе культурныхъ племенъ носить у нихъ названіе колониальной политики и разсматривается какъ одна изъ главныхъ задачъ ихъ государственной жизни. Можно себѣ представить, какъ отнесутся они къ естественному и разумному предложенію съ нашей стороны—уступить намъ часть ихъ материковъ, взаменъ чего мы научили бы ихъ и помогли бы имъ несравненно лучше пользоваться остальной частью... Для нихъ колонизація—это вопросъ только грубой силы и па-

силія; и хотимъ мы или не хотимъ—они заставятъ насъ принять по отношенію къ нимъ эту точку зрѣнія.

Если бы при этомъ дѣло шло только о томъ, чтобы одинъ разъ доказать имъ перевѣсъ нашей силы—это было бы сравнительно просто и потребовало бы не больше жертвъ, чѣмъ любая изъ ихъ обычныхъ бессмысленныхъ и бесполезныхъ войнъ. Существующія у нихъ большія стада дрессированныхъ для убійства людей, называемыя арміями, послужили бы самымъ подходящимъ матеріаломъ для такого необходимаго насилія. Любой изъ нашихъ этеронефовъ могъ бы посредствомъ потока губительныхъ лучей, возникающихъ при ускоренномъ разложеніи радія, уничтожить въ нѣсколько минутъ одно-два такихъ стада, и это было бы скорѣе полезно, чѣмъ вредно даже для ихъ культуры. Но, къ сожалѣнію, дѣло далеко не такъ просто, а главные трудности только начались бы съ этого момента.

Въ вѣчной борьбѣ между племенами Земли у нихъ сложилась психологическая особенность, называемая патріотизмомъ. Это неопредѣленное, но сильное и глубокое чувство заключаетъ въ себѣ и злобное недоверіе ко всемъ чуждымъ народамъ и расамъ, и стихійную привычку къ своей общей жизненной обстановкѣ, особенно къ территоріи, съ которой земныя племена срастаются, какъ черепаха со своей оболочкой, и какое то коллективное самоубіеніе, и часто, кажется, простую жажду истребленія, насилія и захватовъ. Патріотическое душевное состояніе чрезвычайно усиливается и обостряется послѣ военныхъ пораженій, особенно когда побѣдители отнимаютъ у побѣжденныхъ часть территорій; тогда патріотизмъ побѣжденныхъ приобретаетъ характеръ дикой и жесткой ненависти къ побѣдителямъ, и месть имъ становится жизненнымъ идеаломъ всего племени, не только его худшихъ элементовъ—«высшихъ», или правящихъ, классовъ, но и лучшихъ—его трудящихся массъ.

И вотъ, если бы мы взяли себѣ часть земной поверхности посредствомъ необходимаго насилія, то несомнѣнно, что это повело бы къ объединенію всего земного человѣчества въ одно чувство земного патріотизма, въ безпощадной расовой ненависти и злобѣ противъ нашихъ колонистовъ; истребленіе пришельцевъ какимъ бы то ни было способомъ, вплоть до самыхъ предательскихъ, стало бы въ глазахъ людей священнымъ и благороднымъ подвигомъ, дающимъ безсмертную славу. Существованіе нашихъ колонистовъ сдѣлалось бы совершенно невыносимымъ. Вы знаете, что разрушеніе жизни—дѣло вообще очень легкое, даже и для

низшей культуры; мы неизмѣримо сильнѣе земныхъ людей въ случаѣ открытой борьбы, но при неожиданныхъ нападеніяхъ они могутъ убивать насъ такъ же успѣшно, какъ обыкновенно дѣлаютъ это другъ съ другомъ. Надо къ тому же замѣтить, что искусство истребленія развито у нихъ несравненно выше, чѣмъ всѣ другія стороны ихъ своеобразной культуры.

Жить вмѣстѣ съ ними и среди нихъ было бы, конечно, прямо невозможно; это означало бы вѣчные заговоры и терроръ съ ихъ стороны, постоянное сознаніе нестерпимой опасности и безчисленныя жертвы для нашихъ товарищей. Пришлось бы выселить ихъ изъ всѣхъ занятыхъ нами областей,—выселить сразу десятки, можетъ быть, сотни миллионъ. При ихъ общественномъ строѣ, не признающемъ товарищеской взаимной поддержки, при ихъ социальныхъ отношеніяхъ, обусловливающихъ услуги и помощь уплатою денегъ, наконецъ, при ихъ неуклюжихъ и лишенныхъ гибкости способахъ производства, не допускающихъ достаточно быстрого расширенія производительности и перераспределенія продуктовъ труда,—эти миллионы выселенныхъ нами людей были бы въ громадномъ большинствѣ обречены на мучительную голодную смерть. А уцѣлѣвшее меньшинство образовало бы кадры ожесточенныхъ, фанатичныхъ агитаторовъ противъ насъ среди всего остального человечества Земли.

Затѣмъ, пришлось бы все-таки продолжать борьбу. Вся наша земная область должна была бы превратиться въ непрерывно охраняемый военный лагерь. Страхъ дальнѣйшихъ захватовъ съ нашей стороны и великая расовая ненависть направили бы всѣ силы земныхъ племенъ на подготовку и организацію войнъ противъ насъ. Если уже теперь ихъ оружіе гораздо совершеннѣе ихъ орудій труда, то тогда прогрессъ истребительной техники пойдетъ у нихъ еще несравненно быстрѣе. Въ то же время они будутъ отыскивать и подстерегать случаи для внезапнаго открытія войны, и если имъ это удастся, они, несомнѣнно, нанесутъ намъ большія невоснаградимыя потери, хотя бы дѣло и окончилось нашей побѣдой. Кромѣ того, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что они какимъ-нибудь способомъ узнаютъ устройство нашего главнаго оружія. Радирующая матерія имъ уже извѣстна, а методъ ускореннаго ея разложенія можетъ быть либо развѣданъ ими какимъ-нибудь способомъ у насъ, либо даже самостоятельно открытъ ихъ учеными. Но вы знаете, что при такомъ оружіи тотъ, кто на нѣсколько минутъ предупреждаетъ про-

тивника своимъ нападеніемъ, тотъ неизбѣжно его уничтожаетъ; и разрушить высшую жизнь въ этомъ случаѣ такъ же легко, какъ самую элементарную.

Каково же было бы существованіе нашихъ товарищей среди этихъ опасностей и этого вѣчнаго ожиданія? Были бы отравлены не только всѣ радости жизни, но и самый типъ ея скоро былъ бы извращенъ и приниженъ. Въ ней мало-по-малу проникли бы подозрительность, мнительность, эгоистичная жажда самосохраненія и неразрывно связанная съ нею жестокость. Эта колонія перестала бы быть нашей колоніей, превратившись въ военную республику среди побѣжденныхъ, неизмѣнно враждебныхъ племенъ. Повторяющіяся нападенія съ ихъ жертвами не только порождали бы чувство мести и злобы, искажающее дорогой намъ образъ человѣка, но и объективно вынуждали бы къ переходу изъ самозащиты въ беспощадное наступленіе. И, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ колебаній и бесплодной мучительной растраты силъ дѣло пришлось бы неизбѣжно къ той постановкѣ вопроса, какую мы, существа сознательныя и предвидящія ходъ событій, должны принять съ самаго начала: колонизація Земли требуетъ полнаго истребленія земного человѣчества.

(Среди сотенъ слушателей проносится ропотъ ужаса, изъ котораго выделяется громкое негодующее восклицаніе Нэтти. Когда тишина устанавливается, Стэрни спокойно продолжаетъ).

Надо понять необходимость и твердо смотрѣть ей въ глаза, какъ бы ни была она сурова. Намъ предстоитъ одно изъ двухъ: либо остановка въ развитіи нашей жизни, либо уничтоженію чуждой намъ жизни на Землѣ. Ничего третьяго нѣтъ передъ нами (Голосъ Нэтти: «Не правда!»). Я знаю, что имѣетъ въ виду Нэтти, протестуя противъ моихъ словъ, и разберу сейчасъ ту третью возможность, которую она предполагаетъ.

Это—попытка немедленнаго социалистическаго перевоспитанія земного человѣчества, планъ, къ которому всѣ мы еще недавно склонились и отъ котораго теперь, по моему мнѣнію, неизбѣжно отказаться. Мы достаточно уже знаемъ о людяхъ Земли, чтобы понять всю неосуществимость этой идеи.

Уровень культуры передовыхъ народовъ Земли приблизительно соответствуетъ тому, на которомъ стояли наши предки въ эпоху прорытія Большихъ Каналовъ. Тамъ также господствуетъ капиталъ и существуетъ

пролетариатъ, ведущій борьбу за социализмъ. Судя по этому, можно было бы думать, что недалекъ уже моментъ переворота, который устранилъ бы систему организованнаго насилія и создастъ возможность свободнаго и быстраго развитія человѣческой жизни. Но у земнаго капитализма есть важныя особенности, сильно измѣняющія все дѣло.

Съ одной стороны, земной міръ страшно раздробленъ политическими и національными дѣленіями, такъ что борьба за социализмъ ведется не какъ единый и цѣльный процессъ въ одномъ обширномъ обществѣ, а какъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ и своеобразныхъ процессовъ въ отдѣльныхъ обществахъ, разѣединенныхъ государственной организаціей, языкомъ иногда и расою. Съ другой стороны, формы социальной борьбы тамъ гораздо грубѣе и механичнѣе, чѣмъ это было у насъ, и несравненно большую роль въ нихъ играетъ прямое матеріальное насиліе, воплощенное въ постоянныхъ арміяхъ и вооруженныхъ возстаніяхъ.

Благодаря всему этому, получается то, что вопросъ о социальной революціи становится очень неопредѣленнымъ: предвидится не одна а множество социальныхъ революцій, въ разныхъ странахъ въ различное время, и даже во многомъ, вѣроятно, неодинаковаго характера, а главное—съ сомнительнымъ и неустойчивымъ исходомъ. Господствующіе классы, опираясь на армію и высокую военную технику, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ нанести возставшему пролетариату такое истребительное пораженіе, которое въ цѣлыхъ обширныхъ государствахъ на десятки лѣтъ отброситъ назадъ дѣло борьбы за социализмъ; и примѣры подобнаго рода уже бывали въ лѣтописяхъ Земли. Затѣмъ, отдѣльныя передовыя страны, въ которыхъ социализмъ восторжествуетъ, будутъ какъ острова среди враждебнаго имъ капиталистическаго, а частью даже до-капиталистическаго міра. Боясь за свое собственное господство, высшіе классы не-социалистическихъ странъ направятъ всѣ свои усилія, чтобы разрушить эти острова, будутъ постоянно организовывать на нихъ военные нападенія, и найдутъ среди социалистическихъ націй достаточно союзниковъ, готовыхъ на всякое предательство, изъ числа прежнихъ собственниковъ, крупныхъ и мелкихъ. Результатъ этихъ столкновеній трудно предугадать. Но даже тамъ, гдѣ социализмъ удержится и выйдетъ побѣдителемъ, его характеръ будетъ глубоко и надолго искаженъ многими годами осаднаго положенія, необходимаго террора и военщины, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—варварскимъ патриотизмомъ. Это будетъ далеко не нашъ социализмъ.

Задача нашего внимательства должна была, по нашим прежним планамъ, заключаться въ томъ, чтобы ускорить и помочь торжеству социализма. Какимъ способомъ для насъ возможно это сдѣлать? Во-первыхъ, мы можемъ передать людямъ Земли нашу технику, нашу науку, наше умѣнье господствовать надъ силами природы, и тѣмъ самымъ настолько сразу поднять ихъ культуру, что отсталыя формы экономической и политической жизни окажутся въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчii съ нею и падутъ въ силу своей негодности. Во-вторыхъ, мы можемъ прямо поддержать социалистическій пролетаріатъ въ его революціонной борьбѣ и помочь ему сломить сопротивление другихъ классовъ. Иныхъ способовъ нѣтъ. Но эти два достигаютъ ли своей цѣли? Мы теперь достаточно знаемъ, чтобы рѣшительно отвѣтить: нѣтъ!

Къ чему приведетъ сообщеніе земнымъ людямъ нашихъ техническихъ знаній и методовъ?

Первыми захватятъ ихъ въ свою пользу и увеличатъ ими свою силу господствующіе классы всѣхъ странъ. Это неизбежно, потому что въ ихъ рукахъ находятся всѣ матеріальныя средства труда и имъ служатъ девяносто девять сотыхъ всѣхъ ученыхъ и инженеровъ,—значитъ, имъ будетъ принадлежать вся возможность примѣненія новой техники. И они воспользуются ею ровно настолько, насколько это будетъ для нихъ выгодно и насколько это будетъ усиливать ихъ власть надъ массами. Болѣе того: тѣ новыя и могущественныя средства истребленія и разрушенія, которыя при этомъ попадутъ въ ихъ руки, они постараются немедленно пустить въ ходъ для подавленія социалистическаго пролетаріата. Они удесятятятъ его преслѣдованія и организуютъ широкую провокацію, чтобы поскорѣе вызвать его на открытый бой и въ этомъ бою раздавить его сознательныя и лучшія силы, идейно его обезглавить, пока онъ не успѣетъ въ свою очередь овладѣть новыми и лучшими методами военнаго насилія. Такимъ образомъ, наше внимательство послужитъ толчкомъ для реакціи сверху и въ то же время дастъ ей оружіе невиданной силы. Въ конечномъ итогѣ, оно на цѣлые десятилетия замедлитъ побѣду социализма.

А чего достигли бы мы попытками оказать прямую помощь социалистическому пролетаріату противъ его враговъ?

Предположимъ—это, вѣдь, еще не павѣрное,—что онъ приметъ союзъ съ нами. Первые побѣды будутъ тогда одержаны легко. Но дальше?

Неизбѣжное развитіе среди всѣхъ другихъ классовъ общества самаго ожесточеннаго и бѣшеннаго патріотизма, направленнаго противъ насъ и противъ социалистовъ Земли... Пролетаріатъ все еще представляетъ меньшинство почти во всѣхъ, даже наиболѣе передовыхъ странахъ Земли; большинство образуютъ не успѣвшіе разложиться остатки класса мелкихъ собственниковъ, массы наиболѣе невѣжественныя и темныя. Возстановить всѣхъ ихъ до крайней степени противъ пролетаріата будетъ тогда для крупныхъ собственниковъ и ихъ ближайшихъ прислужниковъ—чиновниковъ и ученыхъ—очень легко, потому что эти массы, по своей сущности консервативныя и даже частью реакціонныя, чрезвычайно болѣзненно воспринимаютъ всякій быстрый прогрессъ. Передовой пролетаріатъ, окруженный со всѣхъ сторонъ страшно озлобленными, безпощадными врагами,—къ нимъ прикнута и обширные слои отсталыхъ по развитію пролетаріевъ,—окажется въ такомъ же невыносимомъ положеніи, въ какомъ оказались бы наши колонисты среди побѣжденныхъ земныхъ племенъ. Будутъ безчисленныя предательскія нападенія, погромы, рѣзня,—а главное, вся позиція пролетаріата среди общества будетъ какъ нельзя болѣе неблагопріятна для того, чтобы руководить преобразованиемъ общества. И, опять-таки, наше вмѣшательство не приблизитъ, а замедлитъ социальный переворотъ.

Время этого переворота, такимъ образомъ, остается неопредѣленнымъ, и не отъ насъ зависитъ его ускорить. Во всякомъ случаѣ, ждать его пришлось бы гораздо дольше, чѣмъ это для насъ возможно. Уже черезъ 30 лѣтъ у насъ окажется 15—20 милліоновъ избыточнаго населенія, а затѣмъ каждый годъ оно будетъ разрастаться еще на 20—25 милліоновъ. Надо заранее произвести значительную колонизацію; иначе у насъ не хватитъ силъ и средствъ для того, чтобы сразу выполнить ее въ необходимыхъ размѣрахъ.

Кромѣ того, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы намъ удалось мирно столбоваться даже съ социалистическими обществами Земли, если бы они неожиданно скоро образовались. Какъ я уже говорилъ, это будетъ во многомъ не нашъ социализмъ.

Вѣка національнаго дробленія, взаимнаго непониманія, грубой и кровавой борьбы не могли пройти даромъ,—они надолго оставятъ глубокіе слѣды въ психологій освобожденнаго земного человечества; и мы не знаемъ, сколько варварства и узости социалисты Земли принесутъ съ собою въ свое новое общество.

Передъ нами на-лицо опытъ, который позволяетъ судить, съ какой мѣрѣ далека отъ насъ психологія Земли даже въ лучшихъ ея представителяхъ. Изъ послѣдней экспедиціи мы привезли съ собою одного земного социалиста, человѣка, выдающагося въ своей средѣ душевной силой и физическимъ здоровьемъ. И что же? вся наша жизнь оказалась для него такой чуждой, въ такомъ противорѣчій со всей его организаціей, что прошло очень немного времени, и онъ уже боленъ глубокимъ психическимъ расстройствомъ.

Таковъ одинъ изъ лучшихъ, котораго выбрать среди многихъ самъ Мэнни. Чего мы можемъ ожидать отъ остальныхъ?

Итакъ, остается все та же дилемма: или пріостановка нашего собственнаго размноженія, и съ нею ослабленіе всего развитія нашей жизни, или колонизація Земли, основанная на истребленіи всего ея челоувѣчества.

Я говорю объ истребленіи всего ея челоувѣчества, потому что мы не можемъ даже сдѣлать исключенія для его социалистическаго авангарда. Нѣтъ, во-первыхъ, никакой технической возможности среди всеобщаго, уничтоженія выделить этотъ авангардъ среди остальныхъ массъ, незначительную долю которыхъ онъ представляетъ. И, во-вторыхъ, если бы намъ удалось сохранить социалистовъ,—они сами начали бы потомъ съ нами ожесточенную, безпощадную войну, жертвуя въ ней собою до полного истребленія, потому что они никогда не могли бы примириться съ убійствомъ сотенъ милліоновъ людей, имъ подобныхъ и съ ними связанныхъ многими, часто очень тѣсными жизненными связями. Въ столкновеніяхъ двухъ міровъ здѣсь нѣтъ компромисса.

Мы должны выбирать. И я говорю: мы можемъ выбирать только одно.

Высшей жизнью нельзя жертвовать ради низшей. Среди земныхъ людей не найдется и нѣсколькихъ милліоновъ сознательно стремящихся къ дѣйствительно челоувѣческому типу жизни. Ради этихъ зародышевыхъ людей мы не можемъ отказаться отъ возможности зарожденія и развитія десятковъ, можетъ быть сотенъ милліоновъ существъ нашего міра—людей въ несравненно болѣе полномъ значеніи этого слова. И не будетъ жестокости въ нашихъ дѣйствіяхъ, потому что мы сумѣемъ выполнить это истребленіе съ гораздо меньшими страданіями для нихъ, чѣмъ они сами постоянно причиняютъ другъ другу.

Міровая жизнь едина. И для нея будетъ не потеряй, а пріобрѣтеніемъ, если на Землѣ вмѣсто ея еще далекаго полуварварскаго социализма раз-

вернется теперь же нашъ социализмъ, жизнь несравненно болѣе гармоничная въ ея непрерывномъ, безпредѣльномъ развитіи.

(Послѣ рѣчи Стэрни наступаетъ сначала глубокая тишина. Ее прерываетъ Мэнни, предлагая высказаться тѣмъ, кто держится противоположнаго взгляда. Слово беретъ Нэтти).

VIII. Нэтти.

— «Міровая жизнь едина»—это сѣзала Стэрни. И что же онъ предложилъ намъ?

Уничтожить, навѣки истребить цѣлый своеобразный типъ этой жизни, типъ, котораго потомъ мы никогда уже не можемъ ни возстановить, ни замѣнить.

Сотни милліоновъ лѣтъ жила прекрасная планета, жила своей, особенной жизнью, не такой, какъ другія... И вотъ, изъ ея могучихъ стихій стало организовываться сознаніе; поднимаясь въ жестокой и трудной борьбѣ съ низшихъ ступеней на высшія, оно, наконецъ, приняло близкія, родныя намъ человѣческія формы. Но эти формы не тѣ, что у насъ: въ нихъ отразилась и сосредоточилась исторія иной природы, иной борьбы; подъ ними скрыта иная стихійность, въ нихъ заключаются иныя противорѣчія, иныя возможности развитія. Настала эпоха, когда впервые можетъ осуществиться соединеніе двухъ великихъ линий жизни. Сколько новаго многообразія, какая высшая гармонія должна возникнуть изъ этого сочетанія! И намъ говорятъ: міровая жизнь едина, поэтому намъ надо не объединять, а... разрушать ее.

Когда Стэрни указывалъ, насколько человѣчество Земли, его исторія, его права, его психологія не похожи на наши, онъ опровергалъ свою идею почти лучше, чѣмъ я могу это сдѣлать. Если бы они были совершенно похожи на насъ во всемъ, кромѣ ступени развитія, если бы они были тѣмъ, чѣмъ были наши предки въ эпоху нашего капитализма, тогда со Стэрни можно было бы согласиться: низшей ступеню стоитъ пожертвовать ради высшей, слабыми ради сильныхъ. Но земные люди не таковы, они не только ниже и слабѣе насъ по культурѣ—они иные, чѣмъ мы, и потому, устраняя ихъ, мы ихъ не замѣстимъ въ міровомъ развитіи, мы только механически заполнимъ собою ту пустоту, которую создадимъ въ царствѣ формъ жизни.

Не въ варварствѣ, не въ жестокости земной культуры заключается ея дѣйствительное различіе отъ нашей. Варварство и жестокость—это только преходящія проявленія той общей расточительности въ процессѣ развитія, которою отличается вся жизнь Земли. Тамъ борьба за существованіе энергичнѣе и напряженнѣе, природа непрерывно создаетъ гораздо больше формъ, но гораздо больше ихъ и погибаетъ жертвами развитія. И это не можетъ быть иначе, потому что отъ источника жизни—Солнца—Земля въ цѣломъ получаетъ лучистой энергіи въ восемь разъ больше, чѣмъ наша планета. Оттого тамъ расцвѣтается и разбрасывается такъ много жизни, оттого въ разнообразіи ея формъ возникаетъ такъ много противорѣчій и такъ мучительно сложенъ и полонъ крушеній весь путь ихъ примиренія. Въ царствѣ растений и животныхъ милліоны видовъ ожесточенно боролись и быстро вытѣсняли другъ друга, участвуя своей жизнью и своей смертью въ выработку новыхъ, болѣе законченныхъ и гармоничныхъ, болѣе синтетическихъ типовъ. Такъ было и въ царствѣ человѣка.

Наша исторія, если ее сравнивать съ исторіей земного человѣчества, кажется удивительно простой, свободной отъ блужданій и правильной до схематичности. Спокойно и непрерывно происходило накопленіе элементовъ социализма,—исчезали мелкіе собственники, поднимался со ступени на ступень пролетаріатъ; все это происходило безъ колебаній и толчковъ, на всемъ протяженіи планеты, объединенной въ связанное политическое цѣлое. Велась борьба, но люди кое-какъ понимали другъ друга; пролетаріатъ не заглядывалъ далеко впередъ, но и буржуазія не была утопична въ своей реакціонности; различныя эпохи и общественныя формаціи не перемѣнивались до такой степени, какъ это происходитъ на Землѣ, гдѣ въ высоко-капиталистической странѣ возможна иногда феодальная реакція, и многочисленное крестьянство, отстающее по своей культурѣ на цѣлый историческій періодъ, часто служитъ для высшихъ классовъ орудіемъ подавленія пролетаріата. Ровнымъ и гладкимъ путемъ мы пришли, пѣсочкомъ поволакивая тому назадъ, къ такому общественному устройству, которое освобождаетъ и объединяетъ всѣ силы социальнаго развитія.

Не такова была дорога, по которой шли наши земные братья,—тернистая, съ множествомъ поворотовъ и перерывовъ. Немногіе изъ насъ знаютъ и никто изъ насъ не въ силахъ себѣ ясно представить, до какого безумія было доведено искусство мучить людей у самыхъ культурныхъ

народовъ Земли въ идейныхъ и политическихъ организаціяхъ господства высшихъ классовъ—въ церкви и государствахъ. И что же въ результатъ? Замедлилось развитіе? Нѣтъ, мы не имѣемъ основанія утверждать этого, потому что первыя стадіи капитализма, до зарожденія пролетарскаго социалистическаго сознанія, протекали среди путаницы и жестокой борьбы различныхъ формаций не медленно, а быстро, чѣмъ у насъ—въ постепенныхъ и болѣе спокойныхъ переходахъ. Но самая суровость и безпощадность борьбы породила въ борцахъ такой подъемъ энергіи и страсти, такую силу героизма и мученичества, какихъ не знала болѣе увѣренная и менѣе трагичная борьба нашихъ предковъ. И въ этомъ земной типъ жизни людей не ниже, а выше нашего, хотя мы, старшіе по культурѣ, стоимъ на гораздо болѣе высокой ступени.

Земное человѣчество раздроблено, его отдѣльныя расы и націи глубоко срослись со своими территоріями и со своими историческими традиціями, онѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, и глубокое непониманіе другъ друга проникаетъ во всѣ ихъ жизненныя отношенія... Все это вѣрно, и вѣрно то, что общечеловѣческое объединеніе, которое съ великими трудностями пробиваетъ себѣ дорогу черезъ всѣ эти границы, будетъ достигнуто нашими земными братьями сравнительно гораздо позже, чѣмъ нами. Но посмотрите на причины и оцѣните глубже слѣдствія. Это дробленіе возникло изъ обширности земного міра, богатства и разнообразія его природы. Оно ведетъ къ возникновенію множества различныхъ точекъ зрѣнія и отгѣнковъ въ пониманіи Вселенной. Развѣ все это ставить Землю и ея людей ниже, а не выше нашего міра въ аналогичныя эпохи его исторіи?

Даже механическое различіе языковъ, на которыхъ они говорятъ, во многомъ помогало развитію ихъ мышленія, освобождая понятія отъ грубой власти словъ, которыми они выражаются. Сравните философію земныхъ людей съ философіей нашихъ капиталистическихъ предковъ. Философія Земли не только разнообразнѣе, но и тоньше, не только исходитъ изъ болѣе сложнаго матеріала, но въ своихъ лучшихъ школахъ и анализируетъ его глубже, вѣрнѣе устанавливая связь фактовъ и понятій. Конечно, всякая философія есть выраженіе слабости и разрозненности познанія, недостаточности научнаго развитія; это—попытка дать единую картину Бытія, заполняя предположеніями пробѣлы научнаго опыта; поэтому философія будетъ устранена на Землѣ, какъ устранена уже у насъ, молизмомъ науки. Но посмотрите, сколько предположеній филосо-

фіи, созданной ихъ передовыми мыслителями и борцами, предупреждаютъ въ грубыхъ чертахъ открытія нашей науки,—такова почти вся общественная философія соціалистовъ. Ясно, что племена, превзошедшія нашихъ предковъ въ творчествѣ философскомъ, могутъ въслѣдствіи превзойти насъ самихъ въ творчествѣ научномъ.

И Стэрни хочетъ измѣрять это человѣчество счетомъ праведниковъ—сознательныхъ соціалистовъ, которыхъ оно сейчасъ въ себѣ заключаетъ,—хочетъ судить его по его нынѣшнимъ противорѣчіямъ, а не по тѣмъ силамъ, которыми порождены и въ свое время будутъ разрѣшены эти противорѣчія. Онъ хочетъ осушить навѣки этотъ бурный, но прекрасный океанъ жизни!

Твердо и рѣшительно мы должны ему отвѣтить: никогда!

Мы должны подготовить свой будущій союзъ съ человѣчествомъ Земли. Мы не можемъ значительно ускорить его переходъ къ свободному строю: но то немногое, что мы въ силахъ сдѣлать для этого, мы сдѣлать должны. И если перваго посланника Земли въ нашей средѣ мы не сумѣли уберечь отъ ненужныхъ страданій и болѣзни—это не дѣлаетъ чести намъ, а не имъ. Къ счастью, онъ скоро выздоровѣетъ, и даже,—если, въ концѣ концовъ, его убьетъ это слишкомъ быстро сближеніе съ чуждой для него жизнью,—онъ успѣетъ сдѣлать еще многое для будущаго союза двухъ міровъ.

А наши собственные затрудненія и опасности мы должны преодолѣть на другихъ путяхъ. Надо направить новыя научныя силы на химію бѣлковыхъ веществъ, надо готовить, насколько возможно, колонизацію Венеры. Если мы не успѣемъ рѣшить этихъ задачъ въ короткий срокъ, который намъ остался, надо временно сократить размноженіе. Какой разумный акушеръ не пожертвуетъ жизнью неродившагося младенца, чтобы сохранить жизнь женщины? Мы должны также, если это необходимо, пожертвовать частицей той нашей жизни, которой еще нѣтъ, для той, пока еще чужой жизни, которая есть и развивается. Союзъ міровъ безконечно окупить эту жертву.

Единство жизни есть высшая цѣль, и любовь—высшій разумъ!

(Глубокое молчаніе. Затѣмъ слово беретъ Мэнни).

IX. Мэнни.

— Я внимательно наблюдалъ настроеніе товарищей и вижу, что значительное большинство ихъ на сторонѣ Нэтти. Я очень радъ этому,

потому что приблизительно такова же и моя точка зрѣнія. Прибавлю только одно практическое соображеніе, которое мнѣ кажется очень важнымъ. Существуетъ серьезная опасность, что въ настоящее время намъ даже не хватило бы техническихъ средствъ, если бы мы сдѣлали попытку массовой колонизаціи другихъ планетъ.

Мы можемъ построить десятки тысячъ большихъ этеронефовъ, и можетъ оказаться, что ихъ нечѣмъ будетъ привести въ движеніе. Той радирующей матеріи, которая служитъ ихъ необходимымъ двигателемъ, намъ придется тратить въ сотни разъ больше, чѣмъ до сихъ поръ. А между тѣмъ всѣ извѣстныя намъ мѣсторожденія истощаются и новыя открываются все рѣже и рѣже.

Надо не забывать, что радио-матерія нужна намъ постоянно не только для того, чтобы давать этеронефамъ ихъ громадную скорость. Вы знаете, что вся наша техническая химія построена теперь на этихъ веществахъ. Ихъ мы затрачиваемъ при производствѣ «минусъ-матеріи», безъ которой тѣ же этеронефы и наши безчисленные аэропланы превращаются въ негодные, тяжелые ящики. Этимъ необходимымъ примѣненіемъ активной матеріи жертвовать не приходится.

Но всего хуже то, что единственная возможная замѣна колонизаціи—синтезъ бѣлковъ—можетъ оказаться неосуществимой изъ-за того же недостатка радирующихъ веществъ. Технически легкій и удобный для фабричнаго производства синтезъ бѣлковъ, при громадной сложности ихъ состава, немыслимъ на пути старыхъ методовъ синтеза, методовъ постепеннаго усложненія. На томъ пути, какъ вы знаете, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ удалось получить искусственные бѣлки, но въ ничтожномъ количествѣ и съ большими затратами энергіи и времени, такъ что вся работа имѣетъ лишь теоретическое значеніе. Массовое производство бѣлковъ изъ неорганическаго матеріала возможно только посредствомъ тѣхъ, быстрыхъ и рѣзкихъ измѣненій химическихъ составовъ, какія достигаются у насъ дѣйствіемъ неустойчивыхъ элементовъ на обыкновенную, устойчивую матерію. Чтобы достигнута успѣха въ этомъ направленіи, десяткамъ тысячъ работниковъ придется перейти специально на изслѣдованія по синтезу бѣлковъ и поставить миллионы разнообразнѣйшихъ новыхъ опытовъ. Для этого, а затѣмъ, въ случаѣ успѣха, для массоваго производства бѣлковъ опять-таки необходимо будетъ затрачивать громадные количества активной матеріи, какихъ теперь нѣтъ въ нашемъ распоряженіи.

Такимъ образомъ, съ какой точки зрѣнія ни посмотрѣть, мы можемъ обезпечить себѣ успешное разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса только въ томъ случаѣ, если найдемъ новые источники радіо-элементовъ. Но гдѣ ихъ искать? Очевидно, на другихъ планетахъ, т.-е. либо на Землѣ, либо на Венерѣ; и для меня несомнѣнно, что первую попытку сдѣлаетъ именно на Венерѣ.

Относительно Земли можно предполагать, что тамъ есть богатые запасы активныхъ элементовъ. Относительно Венеры это вполнѣ установлено. Земныя мѣсторожденія намъ неизвѣстны, потому что тѣ, которыя найдены земными учеными, къ сожалѣнію, ничего не стоятъ. Мѣсторожденія на Венерѣ нами уже открыты съ первыхъ шаговъ нашихъ экспедицій. На Землѣ главные залежи расположены, повидимому, такъ же, какъ и у насъ, т.-е. глубоко подъ поверхностью. На Венерѣ некоторые изъ нихъ находятся такъ близко къ поверхности, что ихъ радіація была сразу обнаружена фотографическимъ путемъ. Если искать радій на Землѣ, то придется перерыть ея матеріи такъ, какъ мы это сдѣлали на нашей планетѣ; на это могутъ потребоваться десятки лѣтъ, и есть еще рискъ обмануться въ ожиданіяхъ. На Венерѣ остается только добывать то, что уже найдено, и это можно сдѣлать безъ всякихъ промедленій.

Поэтому, какъ бы мы ни рѣшили въслѣдствіи вопроса о массовой колонизаціи, теперь, чтобы гарантировать возможность этого рѣшенія, надо, по моему глубокому убѣжденію, немедленно произвести маленькую, можетъ быть, временную колонизацію Венеры, съ единственной цѣлью добыванія активной матеріи.

Естественныя препятствія, конечно, громадны, но намъ вовсе не придется теперь преодолѣвать ихъ полностью. Мы должны овладѣть только маленькимъ клочкомъ этой планеты. Въ сущности, дѣло сводится къ большой экспедиціи, которая должна будетъ пребыть тамъ не мѣсяцы, какъ прежнія наши экспедиціи, а цѣлые годы, занимаясь добываніемъ радія. Придется, конечно, одновременно вести энергичную борьбу съ природными условіями, ограждая себя отъ губительнаго климата, неизвѣстныхъ болѣзней и другихъ опасностей. Будутъ большыя жертвы; возможно, что только малая часть экспедиціи вернется назадъ. Но попытку сдѣлать необходимо.

Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для начала является, по многимъ даннымъ, островъ Горячихъ Бурь. Я тщательно изучилъ его природу и составилъ подробный планъ организаціи всего дѣла. Если вы, товарищи,

считаете возможным обсуждать его теперь, я немедленно изложу его вамъ.

(Никто не высказывается противъ, и Мэнни переходитъ къ изложенію своего плана, при чемъ обстоятельно разсматриваетъ всѣ техническія детали. По окончаніи его рѣчи выступаютъ новые ораторы, по всѣ они говорятъ исключительно по поводу его плана, разбирая частности. Нѣкоторые выражаютъ недовѣріе къ успѣху экспедиціи, но всѣ соглашались, что попытаться надо. Въ заключеніе принимается резолюція, предложенная Мэнни).

Х. Убійство.

То глубокое ошеломленіе, въ которомъ я находился, исключало всякую даже попытку собраться съ мыслями. Я только чувствовалъ, какъ холодная боль желѣзнымъ кольцомъ сжимала мнѣ сердце, и еще передъ моимъ сознаніемъ съ ясностью галлюцинаціи выступала огромная фигура Стэрни съ его неумолимо-спокойнымъ лицомъ. Все остальное смѣшивалось и терялось въ тяжеломъ, темномъ хаосѣ.

Какъ автоматъ, я вышелъ изъ библіотеки и сѣлъ въ свою гондолу. Холодный вѣтеръ отъ быстрого полета заставилъ меня плотно закутаться въ плащъ, и это какъ будто внушило мнѣ новую мысль, которая сразу застыла въ сознаніи и сдѣлалась несомнѣнной: мнѣ надо остаться одному. Когда я прѣхалъ домой, я немедленно привелъ ее въ исполненіе—все такъ же механично, какъ будто дѣйствовалъ не я, а кто-то другой.

Я написалъ руководящей фабричной коллегин, что на время ухожу отъ работы. Энно я сказалъ, что намъ надо пока разстаться. Она тревожно-пытливо взглянула на меня и поблѣднѣла, но не сказала ни слова. Только потомъ, въ самую минуту отъѣзда, она спросила, не желаю ли я видѣть Нэмду. Я отвѣтилъ: нѣтъ,—и поцѣловалъ Энно въ послѣдній разъ.

Затѣмъ я погрузился въ мертвое оцѣпенѣніе. Была холодная боль, и были обрывки мыслей. Отъ рѣчей Нэтти и Мэнни осталось блѣдное, равнодушное воспоминаніе,—какъ-будто это все было не важно и не интересно. Разъ только промелькнуло соображеніе: «да, вотъ почему уѣхала Нэтти: отъ экспедиціи зависитъ *все*». Рѣзко и отчетливо выступали отдѣльные выраженія и цѣлыя фразы Стэрни: «надо *понять* необходимость... нѣсколько милліоновъ человѣческихъ зародышей... полное истребленіе земного человѣчества... онъ боленъ тяжелой душевной

болѣзнью»... Но не было ни связи, ни выводовъ. Иногда мнѣ представлялось истребленіе человечества, какъ совершившійся фактъ, но въ смутной, отвлеченной формѣ. Боль въ сердцѣ усиливалась, и зарождалась мысль, что я виновенъ въ этомъ истребленіи. На короткое время пробивалось сознаніе, что ничего этого еще нѣтъ и, можетъ быть, не будетъ. Боль, однако, не прекращалась, и мысль опять медленно констатировала: «всѣ умрутъ... и Анна Николаевна... и рабочій Ваня... и Нэтти, нѣтъ, Нэтти останется: она марсіанка... а всѣ умрутъ... и не будетъ жестокости, потому что не будетъ страданій... да, это говорилъ Стэрни... а всѣ умрутъ, оттого что я былъ боленъ... значить, я виновенъ»... Обрывки тяжелыхъ мыслей цѣпенѣли и застывали и оставались въ сознаніи, холодныя, неподвижныя. И время какъ будто остановилось съ ними.

Это былъ бредъ, мучительный, непрерывный, безысходный. Призраковъ не было въ меня. Былъ одинъ черный призракъ въ моей душѣ, но онъ былъ—*все*. И конца ему быть не могло, потому что время остановилось.

Возникала мысль о самоубійствѣ и медленно тянулась, но не заполняла сознанія. Самоубійство казалось бесполезнымъ и скучнымъ: развѣ могло оно прекратить эту черную боль, которая была *все*? Не было вѣры въ самоубійство, потому что не было вѣры въ свое существованіе. Существовала тоска, холодъ, ненавистное *все*, но мое «я» терялось въ этомъ, какъ что-то незамѣтное, ничтожное, бесконечно-малое. «Меня» не было.

Минутами мое состояніе становилось настолько невыносимымъ, что возникало непреодолимое желаніе бросаться на все окружающее, живое и мертвое, бить, разрушать, уничтожать безъ слѣда. Но я еще сознавалъ, что это было бессмысленно и по-дѣтски; я стискивалъ зубы и удерживался.

Мысль о Стэрни постоянно возвращалась и неподвижно останавливалась въ сознаніи. Она была тогда какъ будто центромъ всей тоски и боли. Мало-по-малу, очень медленно, но непрерывно около этого центра стало формироваться намѣреніе, которое перешло затѣмъ въ ясное и непреклонное рѣшеніе: «надо видѣть Стэрни». Затѣмъ, по какимъ мотивамъ видѣть, я не могъ бы сказать этого. Было только несомнѣнно, что я это сдѣлаю. И было въ то же время мучительно трудно выйти изъ моей неподвижности, чтобы исполнить рѣшеніе.

Наконецъ, насталъ день, когда у меня хватило энергіи, чтобы преодолѣть это внутреннее сопротивленіе. Я сѣлъ въ гондолу и поѣхалъ на ту обсерваторію, которой руководилъ Стэрни. По дорогѣ я пытался обдумать, о чемъ буду съ нимъ говорить; но холодъ въ сердцѣ и холодъ вокругъ парализовали мысль. Черезъ три часа я доѣхалъ.

Войдя въ большую залу обсерваторіи, я сказалъ одному изъ работавшихъ тамъ товарищей: «мнѣ надо видѣть Стэрни». Товарищъ пошелъ за Стэрни и, возвратившись черезъ минуту, сообщилъ, что Стэрни занятъ проверкой инструментовъ, черезъ четверть часа будетъ свободенъ, а пока мнѣ удобнѣе подождать въ его кабинетѣ.

Меня провели въ кабинетъ, я сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и сталъ ожидать. Кабинетъ былъ полонъ различныхъ приборовъ и машинъ, частью уже знакомыхъ мнѣ, частью незнакомыхъ. Напрасно отъ моего кресла стоялъ какой-то маленькій инструментъ на тяжеломъ металлическомъ штативѣ, оканчивавшемся тремя ножками. На столѣ лежала раскрытая книга о Землѣ и ея обитателяхъ. Я машинально началъ ее читать, но останоился на первыхъ же фразахъ и впалъ въ состояніе, близкое къ прежнему оцѣпенѣнію. Только въ груди, вмѣстѣ съ обычной тоскою, чувствовалось еще какое-то неопредѣленное судорожное волненіе. Такъ прошло не знаю сколько времени.

Въ корридорѣ послышались тяжелые шаги, и въ комнату вошелъ Стэрни со своимъ обычнымъ спокойно-дѣловымъ видомъ; онъ опустился въ кресло по другую сторону стола и вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ. Онъ дождался съ минуту и обратился ко мнѣ съ прямымъ вопросомъ:

— Чѣмъ я могу быть полезенъ?

Я продолжалъ молчать и неподвижно смотрѣлъ на него, какъ на неподушенный предметъ. Онъ чуть замѣтно пожалъ плечами и выжидательно расположился въ креслѣ.

— Мужъ Нэтти...—наконецъ произнесъ я съ усиліемъ и полусознательно, въ сущности не обращаясь къ нему.

— Я былъ мужемъ Нэтти,—спокойно поправилъ онъ:— мы разошлись уже давно.

— ...Истребленіе... не будетъ... жестокостью...—продолжалъ я, такъ же медленно и полусознательно повторяя ту мысль, которая оказалась съ моимъ мозгу.

— А, вы вотъ о чемъ,—сказалъ онъ спокойно.—Но вѣдь теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Предварительное рѣшеніе, какъ вы знаете, принято совершенно иное.

— Предварительное рѣшеніе...—машинально повторилъ я.

— Что касается моего тогдашняго плана,—прибавилъ Стэрни,—то хотя я не вполне отъ него отказался, но долженъ сказать, что не могъ бы теперь защищать его такъ увѣренно.

— Не вполне...—повторилъ я.

— Ваше выздоровленіе и участіе въ нашей общей работѣ разрушили отчасти мою аргументацію...

— Истрабленіе... отчасти,—перебилъ я, и, должно быть, вся тоска и мука слишкомъ ясно отразились въ моей бессознательной ироніи. Стэрни поблѣднѣлъ и тревожно взглянулъ на меня. Наступило молчаніе.

И вдругъ холодное кольцо боли съ небывалой, невыразимой силой сжало мое сердце. Я откинулся на спинку кресла, чтобы удержаться отъ безумнаго крика. Пальцы моей руки судорожно охватили что-то твердое и холодное. Я почувствовалъ тяжелое оружіе въ своей рукѣ, и стихійно-непреодолимая боль стала бѣшеннымъ отчаяніемъ. Я вскочилъ съ кресла, папоса страшный ударъ Стэрни. Одна изъ ножекъ треножника попала ему въ високъ, и онъ безъ крика, безъ стопа склонился на бокъ, какъ инертное тѣло. Я отбросилъ свое оружіе, оно зазвенѣло и загремѣло объ машины. Все было кончено.

Я вышелъ въ корридоръ и сказалъ первому товарищу, котораго встрѣтилъ: «Я убилъ Стэрни». Тотъ поблѣднѣлъ и быстро прошелъ въ кабинетъ, но тамъ онъ, очевидно, сразу убѣдился, что помощь уже не нужна, и тотчасъ вернулся ко мнѣ. Онъ отвелъ меня въ свою комнату и, поручивъ другому, находившемуся тамъ товарищу вызвать по телефону врача, а самому идти къ Стэрни, остался вдвоемъ со мною. Заговорить со мною онъ не рѣшался. Я самъ спросилъ его:

— Здѣсь ли Энно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—она уѣхала на нѣсколько дней къ Нэллѣ.

Затѣмъ снова молчаніе, пока не явился докторъ. Онъ попытался разъ спросить меня о происшедшемъ; я сказалъ, что мнѣ не хочется разговаривать. Тогда онъ отвезъ меня въ ближайшую лѣчебницу душевнобольныхъ.

Тамъ мнѣ предоставили большое удобное помѣщеніе и долго не беспокоили меня. Это было все, чего я могъ желать.

Положеніе казалось мнѣ яснымъ. Я убилъ Стэрри, и тѣмъ погубилъ все. Марсіане видятъ на дѣлѣ, чего они могутъ ожидать отъ сближенія съ земными людьми. Они видятъ, что даже тотъ, кого они считали наиболѣе способнымъ войти въ ихъ жизнь, не можетъ дать имъ ничего, кромѣ насилія и смерти. Стэрри убить—его идея воскресаетъ. Последняя надежда исчезаетъ, земной міръ обреченъ. И я виновенъ во всемъ.

Эти идеи быстро возникли въ моей головѣ послѣ убійства и неподвижно воцарились тамъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ. Было сначала нѣкоторое успокоеніе въ ихъ холодной несомнѣнности. А потомъ тоска и боль стали вновь усиливаться—казалось, до безконечности.

Сюда присоединилось глубокое отвращеніе къ себѣ. Я чувствовала себя предателемъ всего человѣчества. Мелькала смутная надежда, что марсіане меня убьютъ, но тотчасъ являлась мысль, что я для нихъ слишкомъ противенъ, и ихъ презрѣніе помѣшаетъ имъ сдѣлать это. Они, правда, скрывали свое отвращеніе ко мнѣ, но я ясно видѣлъ его, несмотря на ихъ усилія.

Сколько времени прошло такимъ образомъ, я не знаю. Наконецъ, врачъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мнѣ нужна перемѣна обстановки, что я отправлюсь на Землю. Я думалъ, что за этимъ скрывается предстоящая мнѣ смертная казнь, но не имѣлъ ничего противъ. Я только просилъ, чтобы мое тѣло выбросили какъ можно дальнѣе отъ всѣхъ плачуть: оно могло осквернить ихъ.

Впечатлѣнія обратнаго путешествія очень смутны въ моихъ воспоминаніяхъ. Знакомыхъ лицъ около меня не было; я ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Сознаніе не было спутано, но я почти не замѣчалъ ничего окружающаго. Мнѣ было все равно.

ЧАСТЬ IV.

I. У Вернера.

Не помню, какимъ образомъ я очутился въ лѣчебницѣ у доктора Вернера, моего стараго товарища. Это была земская больница одной изъ сѣверныхъ губерній, знакомая мнѣ еще ранѣе изъ писемъ Венеры; она находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города, была очень скверно устроена и всегда страшно переполнена, съ необыкновенно ловкимъ экономомъ и недостаточнымъ, замученнымъ работою медицинскимъ персоналомъ. Докторъ Вернеръ велъ упорную войну съ очень либеральной земскою управою изъ-за эконома, изъ-за лишнихъ барачковъ, которые она строила очень неохотно, изъ-за церкви, которую она достраивала во что бы то ни стало, изъ-за жалованья служащихъ, и т. под. Больные благополучно переходили къ окончательному слабоумію вмѣсто выздоровленія, а также умирали отъ туберкулеза, благодаря недостатку воздуха и питанія. Самъ Вернеръ, конечно, давно ушелъ бы отсюда, если бы его не вынуждали оставаться совершенно особыми обстоятельства, связанныя съ его революціоннымъ прошлымъ.

Но меня всѣ прелести земской лѣчебницы нисколько не коснулись. Вернеръ былъ хорошій товарищъ и не задумался пожертвовать для меня своими удобствами. Въ своей большой квартирѣ, отведенной ему, какъ старшему врачу, онъ предоставилъ мнѣ двѣ комнаты, въ третьей рядомъ съ ними поселилъ молодого фельдшера, въ четвертой, подъ видомъ служителя для ухода за больными, — одного скрывавшагося товарища. У меня не было, конечно, прежняго комфорта, и надзоръ за мною, при всей деликатности молодыхъ товарищей, былъ гораздо грубѣе и замѣтнѣе, чѣмъ у марсіанъ, но для меня все это было совершенно безразлично.

Докторъ Вернеръ, какъ и марсианскіе врачи, почти не лѣчилъ меня, только давалъ иногда усыпляющія средства, а заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы мнѣ было удобнѣе покойно. Каждое утро и каждый вечеръ онъ заходилъ ко мнѣ послѣ ванны, которую для меня устраивали заботливые товарищи; но заходилъ онъ только на минутку и ограничивался вопросомъ, не надо ли мнѣ чего-нибудь. Я же за долгіе мѣсяцы болѣзни совершенно отвыкъ разговаривать и отвѣчалъ ему только «пѣтъ» или не отвѣчалъ вовсе. Но его вниманіе трогало меня, а въ то же время я считалъ, что совершенно не заслуживаю такого отношенія, и что долженъ сообщать ему объ этомъ. Наконецъ, мнѣ удалось собраться съ силами настолько, чтобы сказать ему, что я—убійца и предатель и что изъ-за меня погибнетъ все человѣчество. Онъ ничего не возразилъ на это, только улыбнулся и послѣ того сталъ заходить ко мнѣ чаще.

Мало-по-малу, перемѣна обстановки оказывала свое благотворное дѣйствіе. Боль слабѣе сжимала сердце, тоска блѣднѣла, мысли становились все болѣе подвижными, ихъ келорить дѣлался свѣтлѣе. Я сталъ выходить изъ комнатъ, гулять по саду и въ рощѣ. Кто-нибудь изъ товарищей постоянно быть поблизости; это было непріятно, но я понималъ, что нельзя же убійцу пустить одного гулять на свободѣ; иногда я даже самъ разговаривалъ съ ними, конечно, на безразличныя темы.

Была ранняя весна, и возрожденіе жизни вокругъ уже не обостряло моихъ мучительныхъ воспоминаній; слушая чириканье птичекъ, я находилъ даже нѣкоторое грустнѣе успокоеніе въ мысли о томъ, что онѣ останутся и будутъ жить, а только люди обречены на гибель. Разъ какъ-то возлѣ рощи меня встрѣтилъ слабоумный больной, который шелъ съ заступомъ на работу въ полѣ. Онъ послѣшшилъ отрекомендоваться мнѣ, причемъ съ необыкновенной гордостью—у него была манія величія—выдавалъ себя за урядника—очевидно высшая власть, какую онъ зналъ во время жизни на свободѣ. Въ первый разъ за всю мою болѣзнь я невольно засмѣялся. Я чувствовалъ отечество вокругъ себя и, какъ Антей, набирался, правда, очень медленно, новыхъ силъ отъ родной земли.

II. Было—не было?

Когда я сталъ больше думать объ окружающемъ, мнѣ захотѣлось узнать, извѣстно ли Вернеру и другимъ обоимъ товарищамъ, что со

мной было и что я сдѣлать. Я спросилъ Вернера, кто привезъ меня въ лѣчебницу. Онъ отвѣчалъ, что я прѣхалъ съ двумя незнакомыми ему молодыми людьми, которые не могли сообщить ему о моей болѣзни ничего интереснаго. Они говорили, что случайно встрѣтили меня изъ столицѣ совершенно больнымъ, знали меня раньше, до революціи, и тогда слышали отъ меня о докторѣ Вернерѣ, а потому и рѣшились обратиться къ нему. Они уѣхали въ тотъ же день. Вернеру они показались людьми надежными, которымъ нѣтъ основанія не вѣрить. Самъ же онъ потерялъ меня изъ виду уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и ни отъ кого не могъ добиться никакихъ извѣстій обо мнѣ.

Я хотѣлъ разсказать Вернеру исторію совершеннаго мной убійства, но это представлялось мнѣ страшно труднымъ, благодаря ей сложности и множеству такихъ обстоятельствъ, которыя каждому безпристрастному человѣку должны были показаться очень странными. Я объяснилъ свое затрудненіе Вернеру и получилъ отъ него неожиданный отвѣтъ:

— Самое лучшее, если вы вовсе не будете мнѣ теперь ничего разсказывать. Это не полезно для вашего выздоровленія. Спорить съ вами я, конечно, не буду, но исторіи вашей все равно не повѣрю. Вы больны меланхоліей, болѣзню, при которой люди совершенно искренно приписываютъ себѣ небывалыя преступленія, и ихъ память, приспособляясь къ ихъ бреду, создаетъ ложныя воспоминанія. Но и вы мнѣ тоже не повѣрите, пока не выздоровѣете; и потому лучше отложить вашъ разсказъ до того времени.

Если бы этотъ разговоръ произошелъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, я, несомнѣнно, увидѣлъ бы въ словахъ Вернера величайшее недовѣріе и презрѣніе ко мнѣ. Но теперь, когда моя душа уже искала отдыха и успокоенія, я отнесся къ дѣлу совершенно иначе. Мнѣ было пріятно думать, что мое преступленіе неизвѣстно товарищамъ и что самый фактъ его еще можетъ законно подвергаться сомнѣнію. Я сталъ думать о немъ рѣже и меньше.

Выздоровленіе пошло быстрее; только изрѣдка возвращались приступы прежней тоски, и всегда не надолго. Вернеръ былъ явно доволенъ мною и почти даже снялъ съ меня медицинскій надзоръ. Какъ-то разъ, вспоминая его мнѣніе о моемъ «бредѣ», я попросилъ его дать мнѣ прочесть типичную исторію такой же болѣзни, какъ моя, изъ тѣхъ, которыя онъ наблюдалъ и записывалъ въ лѣчебницѣ. Съ большимъ колебаніемъ и явной неохотой онъ, однако, исполнилъ мою просьбу. Изъ боль-

шой груды исторій бѣлѣзны онъ на моихъ глазахъ выбралъ одну и подалъ ее мнѣ.

Тамъ говорилось о крестьянинѣ отдаленной, глухой деревушки, котораго нужда привела на заработки въ столицу, на одну изъ самыхъ большихъ ея фабрикъ. Жизнь большого города его, повидимому, сильно ошеломила, и, по словамъ его жены, онъ долгое время ходилъ «словно бы не въ себѣ». Потомъ это прошло, и онъ жилъ и работалъ, какъ всѣ остальные. Когда разразилась на фабрикѣ стачка, онъ былъ заодно съ товарищами. Стачка была долгая и упорная; и ему, и женѣ, и ребенку пришлось сильно голодать. Онъ вдругъ «загрустилъ», сталъ упрекать себя за то, что женился и прижилъ ребенка и что вообще жилъ «не по-божески».

Затѣмъ онъ началъ уже «заговариваться», и его отвезли въ больницу, а изъ больницы отправили въ лѣчебницу той губерніи, откуда онъ былъ родомъ. Онъ утверждалъ, что нарушилъ стачку и выдалъ товарищей, а также «добраго инженера», тайно поддерживавшаго стачку, который и былъ повѣшенъ правительствомъ. По случайности, я былъ близко знакомъ со всей исторіей стачки—я тогда работалъ въ столицѣ; въ дѣйствительности никакого предательства тамъ не произошло, а «добрый инженеръ» не только не былъ казненъ, но даже и не арестованъ. Болѣзнь рабочаго окончилась выздоровленіемъ.

Эта исторія придала новый оттѣнокъ моимъ мыслямъ. Стало возникать сомнѣніе, совершилъ ли я на самомъ дѣлѣ убійство или, быть можетъ, какъ говорилъ Вернеръ, это было «приспособленіе моей памяти къ бреду меланхолич». Въ то время всѣ мои воспоминанія о жизни среди марсеанъ были странно-смутны и блѣдны, во многомъ даже отрывочны и неполны; и хотя картина преступленія вспоминалась всего отчетливѣе, но и она какъ-то путалась и тусклѣла передъ простыми и ясными впечатлѣніями настоящаго. Временами я отбрасывалъ малодушныя, успокоительныя сомнѣнія и ясно сознавалъ, что все было и ничѣмъ этого измѣнить нельзя. Но потомъ сомнѣнія и софизмы возвращались; они мнѣ помогали отбѣлаться отъ мысли о прошломъ. Люди такъ охотно вѣрятъ тому, что для нихъ пріятно... И хотя гдѣ-то въ глубинѣ души оставалось сознаніе, что это—ложь, но я упорно ей предавался, какъ предаются радостнымъ мечтамъ.

Теперь я думаю, что безъ этого обманчиваго самовнушенія мое выздоровленіе не было бы ни такимъ быстрымъ, ни такимъ полнымъ.

III. Жизнь родины.

Вернеръ тщательно устранилъ отъ меня всякія впечатлѣнія, которыя могли бы быть «не полезны» для моего здоровья. Онъ не позволялъ мнѣ заходить къ нему въ самую лѣчебницу, и изъ всѣхъ душевнобольныхъ, которые тамъ находились, я могъ наблюдать только тѣхъ неизлѣчимо-слабоумныхъ и дегенератовъ, которые ходили на свободѣ и занимались разными работами въ полѣ, въ рощѣ, въ саду; а это, правду сказать, было для меня не интересно: я очень не люблю всего безнадежнаго, всего ненужнаго и обреченнаго. Мнѣ хотѣлось видѣть острыхъ больныхъ и именно тѣхъ, которые могутъ выздороветь, особенно меланхоликовъ и веселыхъ маниакальныхъ. Вернеръ обѣщалъ самъ показать мнѣ ихъ, когда мое выздоровленіе достаточно подвинется впередъ, но все откладывалъ и откладывалъ. Такъ дѣло до этого и не дошло.

Еще больше Вернеръ старался изолировать меня отъ всей политической жизни моей родины. Повидимому, онъ полагалъ, что самое заболѣваніе возникло изъ тяжелыхъ впечатлѣній революціи; онъ и не подозрѣвалъ того, что все это время я былъ оторванъ отъ родины и даже не могъ знать, что тамъ дѣлалось. Это полное незнаніе онъ считалъ просто забвеніемъ, обусловленнымъ моею болѣзью, и находилъ, что оно очень полезно для меня; и онъ не только самъ ничего изъ этой области мнѣ не рассказывалъ, но запретилъ и моимъ тѣлохранителямъ; а во всей его квартирѣ не было ни единой газеты, ни единой книжки журнала послѣднихъ лѣтъ: все это хранилось въ его кабинетѣ въ лѣчебницѣ. Я долженъ былъ жить на политически-необитаемомъ островѣ.

Вначалѣ, когда мнѣ хотѣлось только спокойствія и тишины, такое положеніе мнѣ правилось. Но потомъ, по мѣрѣ накопленія силъ, мнѣ стало дѣлаться все тѣснѣе въ этой раковинѣ; я началъ приставать съ разспросами къ моимъ спутникамъ, а они, вѣрные приказу врача, отказывались мнѣ отвѣчать. Было досадно и скучно. Я сталъ искать способовъ выбраться изъ моего политическаго карантина и попытался убѣдить Вернера, что я уже достаточно здоровъ, чтобы читать газеты. Но все было бесполезно: Вернеръ объяснилъ, что это еще преждевременно и что онъ самъ рѣшитъ, когда можно будетъ переменить мою умственную діету.

Оставалось прибѣгнуть къ хитрости. Я долженъ былъ найти себѣ свободнаго сообщника изъ числа окружающихъ. Фельдшера склонить на свою сторону было бы очень трудно: онъ имѣлъ слишкомъ высокое представле-

ніе о своемъ профессиональномъ долгѣ. Я направилъ усилія на другого тѣлохранителя, товарища Владимира. Тутъ большаго сопротивленія не встрѣтилось.

Владимиръ былъ раньше рабочимъ. Малообразованный и почти еще мальчикъ по возрасту, онъ былъ рядовымъ революціи, но уже испытаннымъ солдатомъ. Во время одного знаменитаго погрома, гдѣ множество товарищей погибло отъ пули и въ пламени пожара, онъ пробилъ себѣ дорогу сквозь толпу погромщиковъ, застрѣливъ нѣсколько человѣкъ и не получивъ, по какой-то случайности, ни одной раны. Затѣмъ онъ долго скитался нелегальнымъ по разнымъ городамъ и селамъ, выполняя скромную и опасную роль транспортера оружія и литературы. Наконецъ, почва стала слишкомъ горяча подъ его ногами, и онъ вынужденъ былъ на время скрыться у Вернера. Все это я, конечно, узналъ позже. Но съ самаго начала я подмѣтилъ, что юношу очень угнетаетъ недостатокъ образованія и трудность самостоятельныхъ занятій при отсутствіи предварительной научной дисциплины. Я началъ заниматься съ нимъ; дѣло пошло хорошо, и очень скоро я навсегда завоевалъ его сердце. А дальнѣйшее было уже легко; медицинскія соображенія были вообще мало понятны Владимиру, и у насъ съ нимъ составилъ маленькій заговоръ, парализовавшій строгость Вернера. Разказы Владимира, газеты, журналы, политическія брошюры, которыя онъ тайкомъ приносилъ мнѣ, быстро развернули передо мною жизнь родины за годы моего отсутствія.

Революція шла неровно и мучительно затягивалась. Рабочій классъ, выступившій первымъ, сначала, благодаря стремительности своего нападенія, одержалъ большія побѣды; но затѣмъ, не поддержанный въ рѣшительный моментъ крестьянскими массами, онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ соединенныхъ силъ реакціи. Пока онъ набирался энергіи для новаго боя и ожидалъ крестьянскаго арьергарда революціи, между старой помѣщичьей властью и буржуазіей начались переговоры, попытки сторговаться и столковаться для подавленія революціи. Попытки эти были облечены въ форму парламентской комедіи; онѣ постоянно оканчивались неудачей благодаря непримиримости крѣпостниковъ-реакціонеровъ. Игранные парламенты созывались и грубо разгонялись одинъ за другимъ. Буржуазія, утомленная бурями революціи, запуганная самостоятельностью и энергіей первыхъ выступленій пролетаріата, все время шла направо. Крестьянство, въ своей массѣ вполне революціонное по настроенію, медленно усваивало политическій опытъ и пламенемъ безчисленныхъ поджо-

говъ освѣщало свой путь къ высшимъ формамъ борьбы. Старая власть, на-ряду съ кровавымъ подавленіемъ крестьянства, попыталась часть его подкупить продажей земельныхъ участковъ, но вела все дѣло въ такихъ грошовыхъ размѣрахъ и до такой степени безтолково, что изъ этого ничего не вышло. Повстанческія выступленія отдѣльныхъ партизановъ и группъ учащались съ каждымъ днемъ. Въ странѣ царилъ небывалый, невиданный нигдѣ въ мірѣ двойной терроръ—сверху и снизу.

Страна, очевидно, шла къ новымъ рѣшительнымъ битвамъ. Но такъ долго и полонъ колебаній былъ этотъ путь, что многіе успѣли утомиться и даже отчаяться. Со стороны радикальной интеллигенціи, которая участвовала въ борьбѣ, главнымъ образомъ своимъ сочувствіемъ, измѣна была почти поголовная. Объ этомъ, конечно, жалѣть было нечего. Но даже среди нѣкоторыхъ моихъ прежнихъ товарищей успѣли свить себѣ гнѣздо уныніе и безнадежность. По этому факту я могъ судить, насколько тяжела и изпурительна была революціонная жизнь за минувшее время. Самъ я, свѣжій человекъ, помнившій предреволюціонное время и начало борьбы, но не испытывшій на себѣ всего гнета послѣдующихъ пораженій, видѣлъ ясно бессмысленность похоронъ революціи; я видѣлъ, насколько все измѣнилось за эти годы, сколько новыхъ элементовъ прибавилось для борьбы, насколько невозможна остановка на созданномся мнимомъ равновѣсіи. Новая волна революціи была неизбежна и недалеко.

Приходилось, однако, ждать. Я понималъ, какъ мучительно-тяжела работа товарищей въ этой обстановкѣ. Но самъ я не сбѣгивалъ никуда, независимо даже отъ мнѣнія Вернера. Я находилъ, что лучше запастись силами, чтобы ихъ хватило тогда, когда онѣ понадобятся полностью.

Во время долгихъ прогулокъ по рощѣ мы съ Владимиромъ обсуждали шансы и условія предстоящей борьбы. Меня глубоко трогали его наивно-героическіе планы и мечты; онъ казался мнѣ благороднымъ милымъ ребенкомъ, которому суждена такая же простая непритязательно-красивая смерть бойца, какова была его юная жизнь. Славныя жертвы намѣчаетъ себѣ революція и хорошою кровью окрашиваетъ она свое пролетарское знамя!

Но не Владимиръ казался мнѣ ребенкомъ. Много наивнаго и дѣтскаго, чего я раньше какъ будто не замѣчалъ и не чувствовалъ, я находилъ и въ Вернерѣ, старомъ работникѣ революціи, и въ другихъ товарищахъ, о которыхъ вспоминалъ,—даже въ нашихъ вождахъ... Всѣ люди, которыхъ я зналъ на землѣ, представлялись мнѣ полудѣтьми, подростками, смутно

воспринимающими жизнь въ себѣ и вокругъ себя, полусознательно отдающими внутренней и вѣшной стихійности. Въ этомъ чувствѣ не было ни капли снисходительности или презрѣнія, а была глубокая симпатія и братскій интересъ къ людямъ-зародышамъ, дѣтямъ юнаго человечества.

IV. Конвертъ.

Жаркое лѣтнее солнце какъ-будто растопило ледъ, окутывавшій жизнь страны. Она пробуждалась, и зарницы новой грозы уже вспыхивали на горизонтѣ, и снова глухіе раскаты начинали доноситься съ низовъ. И это солнце и это пробужденіе согрѣвали мою душу и поднимали мои силы, и я чувствовалъ, что скоро буду здоровъ, какъ изъ былъ никогда въ жизни.

Въ этомъ смутно-жизнерадостномъ состояніи мнѣ не хотѣлось думать о прошломъ, и пріятно было сознавать, что я забыть всѣмъ міромъ, забыть всѣми... Я рассчитывалъ воскреснуть для товарищей въ такое время, когда никому и въ голову не придетъ меня спрашивать о годахъ моего отсутствія,—когда всѣмъ будетъ слишкомъ не до того, и мое прошлое потонетъ надолго въ бурныхъ волнахъ новаго прилива. А если мнѣ случалось подмѣчать факты, вызывавшіе сомнѣніе въ надежности этихъ расчетовъ, во мнѣ зарождалась тревога и беспокойство, и неопредѣленная враждебность ко всѣмъ, кто могъ еще обо мнѣ помнить.

Въ одно лѣтнее утро Вернеръ, вернувшись изъ лѣчебницы съ обхода больныхъ, не ушелъ въ садъ отдыхать, какъ онъ дѣлалъ обыкновенно,—потому что эти обходы страшно его утомляли,—а пришелъ ко мнѣ и сталъ очень подробно расспрашивать меня о моемъ самочувствіи. Мнѣ показалось, что онъ за п о м и н а лъ мои отвѣты. Все это было не вполнѣ обычно, и сначала я подумалъ что онъ какъ-нибудь случайно проникъ въ тайну моего маленькаго заговора. Но изъ разговора я скоро увидѣлъ, что онъ ничего не подозреваетъ. Потомъ онъ ушелъ—опять-таки не въ садъ, а къ себѣ въ кабинетъ, и только черезъ полчаса я увидѣлъ его въ окногуляющимъ по его любимой темной аллеѣ. Я не могъ не думать объ этихъ мелочахъ, потому что ничего болѣе крупнаго вокругъ меня вообще не было. Послѣ различныхъ догадокъ я остановился на томъ, наиболѣе правдоподобномъ предположеніи, что Вернеръ хотѣлъ написать кому-то,—свѣдѣнно, по спеціальной просьбѣ,—подробный отчетъ о состояніи моего здоровья. Почту къ нему всегда приносили утромъ въ его кабинетъ въ лѣчебницѣ,—въ этотъ разъ онъ, должно быть, получилъ письмо съ запросомъ обо мнѣ.

Отъ кого письмо и зачѣмъ?—узнать, и при томъ немедленно, было необходимо для моего успокоенія. Спрашивать Вернера было бесполезно,—онъ почему-нибудь, очевидно, не находилъ возможнымъ сказать мнѣ это, иначе сказалъ бы и самъ, безъ всякихъ вопросовъ. Не зналъ ли чего-нибудь Владимиръ? Нѣтъ, оказалось, что онъ не зналъ ничего. Я сталъ придумывать, какимъ бы способомъ добраться до истины.

Владимиръ былъ готовъ оказать мнѣ всякую услугу. Мое любопытство онъ считалъ вполне законнымъ, скрытность Вернера—неосновательной. Онъ, не задумываясь, произвелъ цѣлый обыскъ въ комнатахъ Вернера и въ его медицинскомъ кабинетѣ, но не нашелъ ничего интереснаго.

— Надо полагать,—сказалъ Владимиръ,—что онъ либо носитъ это письмо при себѣ, либо изорвалъ его и бросилъ.

— А куда онъ бросаетъ обыкновенно изорванные письма и бумаги?—спросилъ я.

— Въ корзину, которая стоитъ у него въ кабинетѣ подъ столомъ,—отвѣчалъ Владимиръ.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ принесите мнѣ всѣ ключи, которые вы найдете въ этой корзинѣ.

Владимиръ ушелъ и скоро вернулся.

— Тамъ нѣтъ никакихъ ключковъ,—сообщилъ онъ,—а вотъ что я нашелъ тамъ: конвертъ письма, полученнаго, судя по штемпелю, сегодня.

Я взялъ конвертъ и взглянулъ на адресъ. Земля поплыла у меня подъ ногами и стѣны стали валиться на меня...

Почеркъ Нэтти!

V. Итоги.

Среди того хаоса воспоминаній и мыслей, который поднялся въ моей душѣ, когда я увидѣлъ, что Нэтти была на Землѣ и не хотѣла встрѣтиться со мной, для меня вначалѣ былъ яснѣе только конечный выводъ. Онъ возникъ какъ будто самъ собой, безъ всякаго замѣтнаго логическаго процесса, и былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но я не могъ ограничиться тѣмъ, чтобы просто осуществить его поскорѣе. Я хотѣлъ достаточно и отчетливо мотивировать его для себя и для другихъ. Особенно не могъ я примириться съ тѣмъ, что меня не поняла бы и Нэтти и приняла бы за простой порывъ чувства то, что было логической необходимостью, что неизбежно вытекало изъ всей моей исторіи.

Поэтому я долженъ былъ, прежде всего, послѣдовательно разсказать свою исторію,—разсказать для товарищей, для себя, для Нэтти... Таково происхожденіе этой моей рукописи. Вернеръ, который прочитаетъ ее первымъ—на другой день послѣ того, какъ мы съ Владиміромъ исчезнемъ,—позаботится о томъ, чтобы она была, напечатана,—конечно, со всѣми необходимыми, ради конспираціи, измѣненіями. Это мое единственное завѣщаніе ему. Очень жалѣю, что мнѣ не придется пожать ему руку на прощанье...

По мѣрѣ того какъ я писалъ эти воспоминанья, прошлое прояснилось передо мной, хаосъ уступалъ мѣсто опредѣленности, моя роль и мое положеніе точно обрисовывались передъ сознаніемъ. Въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, я могу теперь подвести всѣ итоги...

Совершенно безспорно, что задача, которая была на меня возложена, оказалась выше моихъ силъ. Въ чемъ заключалась причина неуспѣха? И какъ объяснить ошибку проницательнаго, глубокаго психолога Мэнни, сдѣлавшаго такой неудачный выборъ?

Я припоминаю свой разговоръ съ Мэнни объ этомъ выборѣ, разговоръ, происходившій въ то счастливое для меня время, когда любовь Нэтти внушала мнѣ безпредѣльную вѣру въ свои силы.

— Какимъ образомъ,—спросилъ я,—вы, Мэнни, пришли къ тому, что изъ массы разнообразныхъ людей нашей страны, которыхъ вы встрѣчали въ своихъ поискахъ, вы признали меня наиболѣе подходящимъ для миссіи представителя Земли?

— Выборъ былъ не такъ ужъ обширенъ,—отвѣчалъ онъ.—Его сфера должна была съ самаго начала ограничиваться представителями научно-революціоннаго социализма; всѣ другія міровоззрѣнія отстоятъ гораздо дальше отъ нашего міра.

— Пусть такъ. Но среди пролетаріевъ, образующихъ основу и главную силу нашего направленія,—развѣ не среди нихъ могли вы всего легче найти то, что вамъ было надо?

— Да, искать тамъ было бы всего вѣрнѣе. Но... у нихъ, обыкновенно, не хватаетъ одного условія, которое я считалъ необходимымъ: широкаго, разносторонняго образованія, стоящаго на всей высотѣ вашей культуры. Это отклонило линію моихъ поисковъ въ другую сторону.

Такъ говорилъ Мэнни. Его расчеты не оправдались. Значило ли это, что ему вообще некого было взять, что различіе обѣихъ культуръ составляетъ непроходимую пропасть для отдѣльной личности и пре-

одолѣть его можеть только общество? Думать такъ было бы, пожалуй, утѣшительно для меня лично, но у меня остается серьезное сомнѣніе. Я полагаю, что Мэнни слѣдовало бы еще провѣрить его последнее соображеніе—то, которое касалось товарищей рабочихъ.

На чемъ именно я потерпѣлъ крушеніе?

Въ первый разъ это произошло такимъ образомъ, что нахлынувшая на меня масса впечатлѣній чуждой жизни, ея грандіозное богатство затопило мое сознаніе и размыло линіи его береговъ. Съ помощью Нэтти я пережилъ кризисъ и справился съ нимъ. Но не былъ ли самый кризисъ усиленъ и преувеличенъ той повышенной чувствительностью, той утонченностью воспріятія, которая свойственна людямъ специально-умственного труда? Быть можетъ, для натуры нѣсколько болѣе примитивной, нѣсколько менѣе сложной, но зато органически болѣе стойкой и прочной, все обошлось бы легче, переходъ былъ бы менѣе болѣзненнымъ? Быть можетъ, для малообразованнаго пролетарія войти въ новое, высшее существованіе было бы не такъ трудно, потому что хотя ему пришлось бы больше учиться вновь, но зато гораздо меньше надо было бы перестраиваться, а именно это тяжелѣе всего... Мнѣ кажется, что да; и я думаю, что Мэнни тутъ впалъ въ ошибку расчета, придавая уровню культурности больше значенія, чѣмъ культурной силѣ развитія.

Во второй разъ то, что разбились мои душевныя силы, это былъ самый характеръ той культуры, въ которую я попытался войти всѣмъ моимъ существомъ: меня подавила ея высота, глубина ея соціальной связи, чистота и прозрачность ея отношеній между людьми. Рѣчь Стэрни, грубо выразившая всю несоизмѣримость двухъ типовъ жизни, была только поводомъ, только послѣднимъ толчкомъ, сбросившимъ меня въ ту темную бездну, къ которой тогда стихійно и неупорочно вело меня противорѣчіе между моею внутреннею жизнью и всею соціальною средой, на фабрикѣ, въ семьѣ, въ общеніи съ друзьями. И опять-таки, не было ли это противорѣчіе гораздо болѣе сильнымъ и острымъ именно для меня, революціонера-интеллигента, всегда девять десятыхъ своей работы выполнявшаго либо просто въ одиночку, либо въ условіяхъ односторонняго неравенства съ товарищами-сотрудниками, въ качествѣ ихъ учителя и руководителя,—въ обстановкѣ обособленія моей личности среди другихъ? Не могло ли противорѣчіе оказаться слабѣе и мягче для человѣка, девять десятыхъ своей трудовой жизни переживающаго хотя бы въ примитивной и неразвитой, но все же въ товарищеской средѣ, съ ея, быть

можетъ, нѣсколько грубымъ, но дѣйствительнымъ равенствомъ сотрудниковъ? Мнѣ кажется, что это такъ; и я полагаю, что Мэнни слѣдовало бы возобновить его попытку, но уже въ новомъ направленіи...

А затѣмъ, для меня остается то, что было между двумя крушеніями, то, что дало мнѣ энергію и мужество для долгой борьбы, то, что и теперь позволяетъ мнѣ безъ чувства униженія подводить ея итоги. Это—любовь Нэтти.

Безспорно, любовь Нэтти была недоразумѣніемъ, ошибкой ея благороднаго и пылкаго воображенія. Но такая ошибка оказалась возможной,—этого никто не отниметъ и ничто не измѣнитъ. Въ этомъ для меня ручательство за дѣйствительную близость двухъ міровъ, за ихъ будущее сліяніе въ одинъ, невиданно-прекрасный и стройный.

А самъ я... но тутъ нѣтъ никакого итога. Новая жизнь мнѣ недоступна, а старой я уже не хочу: я не принадлежу ей больше ни своею мыслію, ни своимъ чувствомъ. Выходъ ясенъ.

Пора кончать. Мой сообщникъ дожидается меня въ саду; вотъ его сигналъ. Завтра мы оба будемъ далеко отсюда, на пути туда, гдѣ жизнь кипитъ и переливается черезъ край, гдѣ такъ легко стереть несправедливую для меня границу между прошлымъ и будущимъ. Прощайте, Вернеръ, старый, хорошій товарищъ.

Да здравствуетъ новая, лучшая жизнь, и привѣтъ тебѣ, ея свѣтлый призракъ, моя Нэтти!

ИЗЪ ПИСЬМА ДОКТОРА ВЕРНЕРА ЛИТЕРАТОРУ МІРСКОМУ.

(Письмо безъ всякой даты—очевидно, по разсѣянности Вернера).

Канонада уже давно замолкла, а раненыхъ все везли и везли. Громадное большинство ихъ были не милиціонеры и не солдаты, а мирные обыватели; было много женщинъ, даже дѣтей: всѣ граждане равны передъ шрапнелью. Въ мой госпиталь, ближайшій къ театру битвы, везли, главнымъ образомъ, милиціонеровъ и солдатъ. Многія раны отъ шрапнели и гранатныхъ осколковъ производили потрясающее впечатлѣніе даже на меня, стараго врача, когда-то нѣсколько лѣтъ работавшаго по хирургіи. Но надъ всѣмъ этимъ ужасомъ носилось и господствовало одно свѣтлое чувство, одно радостное слово: «побѣда!»

Это наша первая побѣда въ настоящемъ большомъ сраженіи. Но для всякаго ясно, что она рѣшаетъ дѣло. Чашки вѣсовъ наклонились въ другую сторону. Переходъ къ намъ пѣлыхъ полковъ съ артиллеріей—ясное знаменіе. Страшный судъ начался. Приговоръ будетъ не милостивъ, но справедливъ. Давно пора кончать...

На улицахъ кровь и обломки. Солнце отъ дыма пожаровъ и канонады стало совсѣмъ краснымъ. Но не зловѣщимъ кажется оно нашимъ глазамъ, а радостно-грозовымъ. Въ душѣ звучитъ боевая пѣсня, пѣсня побѣды . . .

Леопида привезли въ мой госпиталь около полудня. У него одна опасная рана въ грудь и нѣсколько легкихъ ранъ, почти царапинъ. Онъ еще среди ночи отправился съ пятаю «гренадерами» въ тѣ части города, которыя находились во власти непріятеля; порученіе заключалось въ томъ, чтобы нѣсколькими отчаянными нападеніями вызвать тамъ тре-

воу и деморализацію. Онъ самъ предложилъ этотъ планъ и самъ вызвался на его выполненіе. Какъ человекъ, въ прежніе годы много работавшій здѣсь и хорошо знакомый со всѣми закоулками города, онъ могъ выполнить отчаянное предпріятіе лучше другихъ, и главный начальникъ милиціи, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился. Имъ удалось добраться со своими гранатами до одной изъ непріятельскихъ батарей и съ крыши взорвать нѣсколько ящиковъ со снарядами. Среди вызванной взрывами паники они спустились внизъ, перепортили орудія и взорвали остальные снаряды. При этомъ Леонидъ получилъ нѣсколько легкихъ ранъ отъ осколковъ. Затѣмъ, во время послѣдшаго отступленія, они наткнулись на отрядъ непріятельскихъ драгунъ. Леонидъ передалъ команду Владимиру, который былъ его адъютантомъ, а самъ съ послѣдними двумя гранатами скользнулъ въ ближайшія ворота и остался въ засадѣ, пока остальные отступали, пользуясь всякими случайными прикрытіями и энергично отстрѣливаясь. Онъ пропустилъ мимо себя большую часть непріятельскаго отряда и бросилъ первую гранату въ офицера, а вторую—въ ближайшую группу драгунъ. Весь отрядъ беспорядочно разбѣжался, а наши, вернувшись, подобрали Леонида, тяжело раненаго осколкомъ своей гранаты. Они благополучно доставили его къ нашимъ позиціямъ еще до разсвѣта и передали на мое попеченіе.

Осколокъ сразу удалось вынуть, по легкое задѣло, и положеніе серьезное. Я устроилъ больного какъ можно лучше и удобнѣе, по одного, конечно, я не могъ ему дать—это полнаго покоя, который ему необходимъ. Съ разсвѣтомъ общая битва возобновилась, ея шумъ былъ слишкомъ хорошо слышенъ у насъ, и беспокойный интересъ къ ея перипетіямъ усиливалъ лихорадочное состояніе Леонида. Когда начали привозить другихъ раненыхъ, онъ сталъ волноваться еще болѣе, и я былъ вынужденъ, насколько возможно, изолировать его, помѣстивши за ширмами, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ чужихъ ранъ.

Около 4-хъ часовъ дня сраженіе уже кончилось, и исходъ былъ ясенъ. Я былъ занятъ изслѣдованіемъ и распредѣленіемъ раненыхъ. Въ это время мнѣ передали карточку той особы, которая нѣсколько недѣль тому назадъ письменно справлялась у меня о здоровьѣ Леонида, а потомъ была у меня сама послѣ бѣгства Леонида и должна была захватить къ вамъ съ моей рекомендаціей, чтобы ознакомиться съ его рукописью. Такъ какъ эта дама, несомнѣнно, товарищъ и, повидимому, врачъ, то я при-

гласить ее прямо къ себѣ, въ палату. Она, какъ и прошлый разъ, когда я ее видѣлъ, была подѣ темной вуалью, которая сильно маскировала черты ея лица.

— Леонидъ у васъ?—спросила она, не здороваясь со мною.

— Да,—отвѣчалъ я,—но не слѣдуетъ особенно тревожиться: хотя его рана и серьезна, однако, я полагаю, его возможно вылѣчить.

Она быстро и умѣло задала мнѣ рядъ вопросовъ, чтобы выяснить положеніе больного. Затѣмъ она заявила, что желаетъ его видѣть.

— А не можетъ ли это свиданіе взволновать его?—возразилъ я.

— Несомнѣнно, да,—былъ ея отвѣтъ,—но это принесетъ ему меньше вреда, чѣмъ пользы. Я ручаюсь вамъ за это.

Ея тонъ былъ очень рѣшительный и увѣренный. Я чувствовалъ, что она знаетъ, что говорить, и не могъ отказать ей. Мы прошли въ ту палату, гдѣ лежалъ Леонидъ, и я жестомъ показалъ ей, чтобы она прошла за ширмы; но самъ остался по сосѣдству, у постели другого тяжело-раненаго, которымъ мнѣ все равно предстояло заняться. Я хотѣлъ слышать весь ея разговоръ съ Леонидомъ, чтобы вмѣшаться, если это потребуется.

Уходя за ширмы, она нѣсколько приподняла вуаль. Ея сіяетъ былъ виденъ для меня черезъ мало прозрачную ткань ширмъ, и я могъ различить, какъ она наклонилась надъ больнымъ.

Маска...—произнесъ слабый голосъ Леонида.

— Твоя Нэтти!—отвѣчала она, и столько нѣжности и ласки было вложено въ эти два слова, сказанныя тихимъ, мелодичнымъ голосомъ, что мое старое сердце задрожало въ груди, охваченное до боли радостнымъ сочувствіемъ.

Она сдѣлала какое-то рѣзкое движеніе рукою, точно разстегивала воротничокъ, и, какъ мнѣ показалось, сняла съ себя шляпу съ вуалью, а затѣмъ еще ближе наклонилась къ Леониду. Наступило минутное молчаніе.

— Значить, я умираю?—сказалъ онъ тихо, тономъ вопроса.

— Нѣтъ, Лэнни, жизнь передъ нами. Твоя рана не смертельна и даже не опасна...

— А убійство?—возразилъ онъ болѣзненно-тревожно.

— Это была болѣзнь, мой Лэнни. Будь спокойнѣе, этотъ порывъ смертельной боли не станетъ никогда между нами, ни на пути къ нашей великой общей цѣли. Мы достигнемъ ея, мой Лэнни...

Легкій стонъ вырвался изъ его груди, но это не былъ стонъ боли. Я ушелъ, потому что относительно моего больного уже выяснилъ то, что мнѣ было надо, а подслушивать больше не слѣдовало и было незачѣмъ. Черезъ нѣсколько минутъ незнакомка, опять въ плискѣ и въ вуали, вызвала меня снова.

— Я возьму Леонида къ себѣ,—заявила она.—Леонидъ самъ жалеетъ этого, и условія для лѣченія у меня лучше, чѣмъ здѣсь, такъ что вы можете быть спокойны. Два товарища ждутъ внизу; они перенесутъ его ко мнѣ. Распорядитесь дать посылки.

Спорить не приходилось: въ нашемъ госпиталѣ всѣ условія, дѣйствительно, не блестящія. Я спросилъ ея адресъ—это очень близко отсюда,—и рѣшилъ завтра же зайти къ ней навѣстить Леонида. Двое рабочихъ пришли и осторожно унесли его на посылкахъ

Приниска, сдѣланная на слѣдующій день.

И Леонидъ, и Нэтти безслѣдно исчезли. Сейчасъ я зашелъ на ихъ квартиру: двери отперты, комнаты пусты. На столѣ въ большой залѣ, въ которой одно огромное окно отворено настежь, я нашелъ записку, адресованную мнѣ. Въ ней дрожащимъ почеркомъ было написано всего нѣсколько словъ:

«Привѣтъ товарищамъ. До свиданья.
Вашъ Леонидъ».

Странное дѣло—у меня нѣтъ никакого безпокойства. Я смертельно усталъ за эти дни, видѣлъ много крови, много страданій, которымъ не могъ помочь, посмотрѣлъ картины гибели и разрушенія, а на душѣ все такъ же радостно и свѣтло.

Все худшее позади. Борьба была долгая и тяжелая, но побѣда передъ нами... Новая борьба будетъ легче..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Письмо д-ра Вернера	5

Рукопись Леонида.

Часть I

I. Разрывъ	7
II. Приглашеніе	11
III. Ночь	15
IV. Объясненіе	18
V. Отплытіе	21
VI. Этеронефъ	25
VII. Люди	28
VIII. Сближеніе	34
IX. Прошлое	38
X. Прибытіе	46

Часть II

I. У Мэнни	49
II. На заводѣ	53
III. Домъ дѣтей	59
IV. Музей искусства	66
V. Въ дѣтебницѣ	74
VI. Работа и призраки	80
VII. Нэтти	86

Часть III

I. Счастье	90
II. Разлука	91
III. Фабрика одежды	93
IV. Энн	97
V. У Нэллы	99
VI. Въ поискахъ	105
VII. Стэрни	108
VIII. Нэтти	117
IX. Мэнни	120
X. Убійство	123

Часть IV

I. У Вернера	128
II. Было—не было?	129
III. Жизнь родины	132
IV. Конвертъ	135
V. Итоги	136
Изъ письма д-ра Вернера	140

Ю. Стекловъ. «Поль Лафаргъ». 2-е изд.	— 55
Его же. «Новѣйшее теченіе во французскомъ антисемитизмѣ»	1 —
Его же. «Интернаціоналъ», ч. I	4 80
Его же. «Интернаціоналъ», ч. II	2 25
Самойлова. «Современная безработица и борьба съ нею»	1 10
Троцкий. «Трудъ, дисциплина и порядокъ»	— 30
Его же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ»	— 45
К. Цеткинъ. «За*большевикомъ»	— 45
Ея же. «Интеллигент. пролетаріатъ, женскій вопросъ и социализмъ»	— 70
* * «Мировая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева	— 65
Г. Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи» (2-е изд.)	— 25
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотворенія (2-е изд.)	— 65
А. Бебель. «Изъ моей жизни». Мемуары, т. I	— —
Басовъ-Верхоянецъ. «Вѣнокъ». Сказки.	— —
Горичевъ. «Таблица исчисления заработной платы отъ 150 до 1000 р. при 6 и 8-час. рабочемъ днѣ»	— —
Степановъ. «Жанъ-Поль Маратъ»	— 40
Рязановъ. «Г. В. Плехановъ и группа Освобожденія труда»	— 90
К. Марксъ. «Наемный трудъ и капиталъ»	— 50
Г. Зиновьевъ. «О мятежѣ лѣвыхъ эсъ-эровъ»	— 60
Его же. Социализмъ и война	— —
К. Каутскій. «Этика»	2 25
Литературный сборникъ, посвящен. памяти Г. В. Плеханова.	
В. Либкнехтъ. «Воспоминанія о Марксѣ»	
К. Эйзеръ. «В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность»	
Королькевичъ. «Финансовые и экономическіе законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ Согласія»	
Бухаринъ. «Программа коммунистовъ»	— 75
А. Богдановъ. «Красная звѣзда»	
Кій. «Что такое социализмъ». 2-ое исправленное изданіе.	
Его же. «Республика совѣтовъ». 4-ое исправленное и дополненное изданіе.	
Б. Мещеряковъ. «Деревенская бѣднота и пути къ социализму»	
Его же. «Два міра»	— 85
Баксъ. «Великая французская революція»	
Д. В—икъ. «Уголокъ нѣмецкой оккупациі»	
Романъ Роланъ. «Сердце Франціи», т. VII	2 25
Зиновьевъ. «Н. Ленинъ. Жизнь и дѣятельность»	
Князевъ. «Красное Евангеліе»	1 20
Кій. «Сельская коммуна»	— 20
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни»	
Барбюсъ. «Въ огнѣ». Дневникъ одного взвода. Перев. І. Арденина. Съ предисл. М. Горькаго.	
«Декреты о судѣ»	
Коллонтай. «Работница-мать»	
Декавъ. «Фленго». Разсказъ изъ временъ коммуны 71 г.	
Лафаргъ. «Благотворительность и право на трудъ»	
Мирбо. «Жанъ и Мадлена». Драма.	
Тюрланъ. «Парижская коммуна»	
Зиновьевъ. «Чехо-словаки, бѣлогвардейцы и рабочій классъ»	
Самойлова. «Продовольственный вопросъ и Совѣтская власть»	

П е ч а т а ю т с я :

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ Совдеповъ»	
Его же. «За 12 лѣтъ». Сборникъ статей.	
К. Каутскій. «Сборникъ статей»	
Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и социализмъ (Анти-Дюрингъ)»	

Лиссагаре. «Исторія Парижской коммуны».
 Бебель. «Мемуары». Въ 3-хъ томахъ.
 Его же. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ».
 А. Арну. «Народная исторія Парижской коммуны».
 В. Блосъ. «Исторія французской революціи».
 В. Либкнехтъ. «Къ юбилею мартовской революціи».
 П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».
 Куновъ. «Французская пресса во время французск. революцій».
 В. Моррисъ. «Вѣсти ниоткуда» (Утопія).
 Элимиръ Буржа. «На плахѣ». Романъ изъ врем. франц. революц. Съ иллюстрац.
 Рязановъ. «Международный пролетаріатъ и война». Сб. статей.
 Арну «Мертвецы коммуны».
 Дикштейнъ. «Кто чѣмъ живетъ».
 Керженцевъ. «Какъ вести собранія».
 Его же. «Республика молодежи».
 Его же. «Борьба за землю и волю въ Ирландіи».
 Лафаргъ. «Патріотизмъ буржуазіи».
 Луначарскій. «Развитіе Интернаціонала».
 Троцкий. «Жанъ Жоресъ».
 Луначарскій. «Краткій очеркъ развитія человѣч. культуры».
 Его же. «Королевскій брадобрей». (Власть). Пьеса.
 Его же. «Комедія».
 Зиновьевъ. «Война и кризисъ социализма», ч. II.
 Демьянъ Бѣдный. «Земля обѣтованная».
 Его же. «Въ огненномъ кольцѣ».
 Каутскій. «Ирландія».
 Мерингъ. «Біографія Энгельса».
 А. Бебель. «Христіанство и социализмъ».
 Конколь. «Коммуна 71 г.».
 Логиновъ. «На стражѣ». Стихотворенія. Сатира.
 Лафаргъ. «Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій».
 Жоресъ. «Миръ и пролетаріатъ».
 Каутскій. «Томасъ Моръ и его утопія».
 Раковский. «Соціалисты и война».
 Баксъ. «Парижская коммуна».
 К. Марксъ. «Гражданская война во Франціи».
 Максимъ Горькій. «Разказы».
 Брусянинъ. «Разказы».
 Вандервельдъ. «Соціализмъ и искусство».
 Ромэнъ Роланъ. «Ярмарка на площади».
 Его же. «Въ сторонѣ отъ схватки».
 Муйжель. «Разказы». Т. I и II.

